Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 7 17 АПРЕЛЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—12020 Тираж 75.000.

Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

Кампания СССР за разоружение и международный пролетариат.

Ни коммунисты всех стран, ни первое пролетарское государство—Союз ССР—никогда не обманывали себя насчет того, что капиталисты не могут и не хотят бороться против войны и даже сделать малейший реальный шаг для ее избежания. Никогда коммунисты и Коммунистический Интернационал не обманывали себя насчет того, что единственный путь для избавления трудящегося человечества от войн есть путь, избранный русским пролетариатом в великие дни октября 1917 года, т.-е. путь свержения капиталистического строя.

СССР—первое пролетарское государство, ставшее на единственно-реальный, революционный путь борьбы с войной,—свергнув царистско-буржуазный строй в России, глубочайшим образом убежден, что империалисты в Женеве, если и борются против чего-либо, так только против действительного разоружения. Несмотря на это, он послал свою делегацию в Женеву. Советское государство выступило с теми предложениями, которые коммунист каждой страны, не колеблясь, признает своими. Пролетарская Россия предложила всем империалистам в Женеве, если они действительно думают о мире, а не об усиленной подготовке войны под прикрытием лживой болтовни о разоружении,—пойти немедленно на полное разоружение.

Рабочие и крестьяне Советского Союза послали свою делегацию в Женеву, чтобы бороться за мир, и прежде всего для того, чтобы показать своим добросовестно заблуждающимся и обманутым братьям в капиталистических и угнетенных странах, что буржуазия систематически вооружается и готовит новые войны. Единственный путь избежать империалистических войн и их тяжелых для трудящихся последствий—это пролетарская революция. Пока эта революция не победила, империалисты будут в борьбе за раздел прибылей готовить новые войны, еще более чудовищные и кровавые, чем последняя мировая война; будут подготовлять новые бойни, в которых трудящиеся разных стран будут брошены друг против друга для взаимного истребления во имя капитала. На пути к уничтожению капиталистической системы, которая делает войны неизбежными, на пути к действительному преодолению войн пролетариату и трудящимся вообще необходимо разоблачить тот обман, который много-

численные социал-реформистские слуги буржуазии распространяют в рабочих массах, в массах угнетенных всего мира.

Пока буржуазия стоит у власти и готовит войны, пока массы не дадут решительного отпора попыткам реформистов обмануть трудящихся, их попыткам прикрыть и защитить подготовку и ведение войн,— до тех пор война стоит на пороге, до тех пор военная опасность, и прежде всего опасность войны против первой в мире пролетарской диктатуры, не может быть подвергнута никакому сомнению.

В интересах прежде всего разоблачения перед лицом трудящихся всего мира преступного обмана империалистов и их социал-реформистских прислужников Советский Союз и выступил со своими предложениями. Делегация Советского Союза с самого начала в своей декларации заявила о том, что она не верит в возможность разоружения капиталистических стран.

Вся история капитализма прямо кричит о том, что закон капитализма—не разоружение и мир, а все большее вооружение, все более кровавые войны, все большие бедствия для трудящихся.

Войны периода 1793—1815 гг. стоили миллион девятьсот тысяч человеческих жизней. Все войны 1793—1913 гг., т.-е. за 120 лет, стоили четыре миллиона человеческих жизней. А одна лишь империалистическая война 1914—1918 гг. стоила более 10 миллионов убитых и 30 млн. раненых. Войны 1793—1905 гг. стоили 20,5 млрд. долларов, война же 1914—1918 гг. одна стоила 208,2 млрд. долларов, т.-е. было истреблено ценностей—продуктов рабоче-крестьянских рук,—равных всему национальному богатству богатейшей страны мира—Соед. Штатов Америки—перед войной. При высочайшей военной технике под ружьем стояло 75 миллионов человек, т.-е. население целого крупнейшего государства с детьми, стариками, женщинами,—словом, все население от мала до велика. Общая сумма убытков империалистической войны самими империалистскими учеными исчисляется около 500.000.000.000 долларов. Чтобы восстановить это богатство, нужно полстолетия каторжного труда десятков миллионов пролетариев Англии.

Но империализм, закончив свою первую мировую войну, постепенно опять впрягает миллионы пролетариев и угнетенных в капиталистическую колесницу, опираясь на «социалистических» проповедников «промышленного мира», впрягает, чтобы подготовить очередное всемирное истребление. Нужно ли говорить, что это истребление превзойдет все то, что, основываясь на опыте прежних войн, может вообразить себе современное человечество?

Политическое значение Женевской конференции определяется тем, что она была серьезнейшей исторической проверкой, великой пробой, безжалостным разоблачителем империалистов и социалистических прислужников империализма. Рабочий класс, трудящиеся и угнетенные всего мира должны полностью усвоить уроки этого исторического события.

Выступление СССР на конференции заставило всех сбросить свои маски. Все должны были занять совершенно ясные позиции.

Советский Союз явился с предложением мира и полного разоружения. Как ответила на это предложение буржуазия, как реагировали на это предложение пролетарского государства представители социал-реформизма?

После предварительных попыток увильнуть от обсуждения вопроса империалисты вынуждены были откровенно заявить, что разоружаться они не хотят и не будут, и при этом ясно вскрыли мотивы своего откровенно-отрицательного отношения к советскому предложению.

Представитель авангарда империалистской реакции лорд Кэшендэн цинично и нагло заявил, что вооружения нужны, во-первых, против гражданской войны, т.-е. против рабочих и крестьянских масс, которые выступят против империализма с целью освобождения от капиталистического ярма.

Вооружения, во-вторых,—заявил представитель империалистской Англии, министр иностранных дел которой, кстати, получил премию мира,—нужны против нецивилизованных народов, которые могут восстать против «цивилизации», т.-е. они нужны против угнетенных, отсталых народов колоний и полуколоний, которые хотят избавиться от империалистского ига.

Наконец, все делегаты капиталистических стран заявили, что вообще разоружение полное и всеобщее, т.-е. условие действительного мира, не совместимо с уставом и задачами Лиги Наций.

Представитель польского фашизма прямо «раз'яснил», что «устав» и «задачи» Лиги Наций не могут быть совместимы с предложениями пролетарского государства, отображающими лишь мысли и чувства «простого человека с улицы», а не магнатов капитала и земледельческой знати.

Более точного, ясного и откровенного разоблачения империалистского милитаризма история еще не знает.

Несколько особняком стоит позиция Турции и Германии, которые в той или иной форме пытались солидаризоваться с советскими предложениями. Но было бы величайшей ошибкой, если бы трудящиеся массы и пролетарии этих стран думали, что их правительства действительно стремятся к миру. Насчет этого сама же германская буржуазия постаралась не оставить никаких недомолвок. Германская буржуазия откровенно заявляет, что она будет «бороться» за разоружение, пока ей самой не разрешат вооружиться. Ничего общего здесь с позицией Советского Союза нет. Советский Союз, не связанный никакими уставами Лиги, предлагает честно и открыто разоружиться. Капиталистическая Германия спекулирует на трудностях женевских «миротворцев», чтобы выговорить себе право на «братское» участие во всеобщих империалистических вооружениях и будущих войнах.

Позиция германской буржуазии есть позиция подготовки очередной бойни для пролетариев и трудящихся масс Германии.

Разоблачение буржуазии стало еще более полным после того, когда представители Советского Союза после отклонения их предложений о всеобщем и полном разоружении предложили действительное и радикальное сокращение вооружений. До этого все буржуазные участники конференции и реформистские «певчие» тянули мелодию насчет того, что всеобщее разоружение—утопия, но что все они, мол, страстно хотят сокращения вооружений, чему, как раз, мешает Советский Союз. Но и эта уловка была разоблачена. Советский Союз, не отказываясь от борьбы за всеобщее разоружение, предложил немедленно перейти к сокращению вооружений. И случилось то, что не могло не случиться. Случилось то, что случилось и с первым советским предложением. Советское предложение о действительном сокращении вооружений пока «отложено», и его отказались рассматривать. Но нет никаких сомнений в том, что при будущих «рассмотрениях» его постигнет та же участь, что и предложение о немедленном и полном разоружении.

Исторический урок Женевы заключается в том, что здесь еще один раз и притом исключительно убедительно было показано, что решающим препятствием на пути к разоружению и миру является сам капитализм. Капитализм неотделим от войны, мир несовместим с капитализмом.

Этот основной урок хотят замолчать, извратить и замазать социал-реформисты. Советский Союз выступил с предложением о разоружении с одновременным заявлением, что в рамках капитализма это предложение неосуществимо. Выступления буржуазных представителей в Женеве блестяще подтвердили положение коммунизма о том, что империализм не хочет и не может вести политику мира, политику полного разоружения, что он в силу своей природы обязательно милитаристичен. Представители империализма прямо заявили, что всеобщее разоружение, т.-е. условие действительной борьбы за мир—несовместимо с уставом и задачами Лиги Наций.

А главнейшие представители оппортунистического лагеря имеют наглость—особенно после новой проверки—«доказывать», что Лига Наций способна на борьбу за мир, что Лига Наций есть гарантия от войны, что Лига Наций является орудием умиротворения и орудием преодоления милитаризма.

Борьба за мир в таких условиях есть прежде всего борьба против социал-империализма и социал-пацифизма, покрывающего империализм, помогающего ему и служащего ему.

Пролетарии, трудящиеся и угнетенные всего мира должны дать отпор обману, идущему со стороны социал-реформизма, они должны, учтя опыт, усвоить, что мир недостижим без преодоления капитализма, без социалистической революции.

Позиции реформизма в отношении борьбы за мир в свете исторической проверки, в свете таких событий, как Женевская конференция, настолько бесстыдны и лицемерны, настолько легко могут быть разоблачаемы трудящимися, что даже в среде реформистов обнаруживается тяга к менее откровенной, более прикрытой «новыми» фразами, но оппортунистической по своему существу платформе.

«Левые» английские реформисты, «левые» немецкие социал-демократы и другие «левые» реформистские прислужники империализма не прочь выразить платонические симпатии советским предложениям и сожаление, что Лига Наций не оказалась в деле борьбы за мир на достаточной высоте. Но у «левых» с.-д., вынужденных признать на словах разоблачение женевских «миротворцев», хватает мужества только на то, чтобы выразить сожаление по поводу откровенной солидаризации «правых» с представителями империалистической реакции типа Кэшендэна.

Но, ведь, этого типа «левые» сейчас разыгрывают ту же комедию, которую они разыгрывали во время великой бойни 1914—18 гг. Они и тогда «осуждали» войну и тогда «сожалели» об откровенной империалистической позиции Шейдеманов и Зюдекумов. Они и тогда «сожалели» об убийствах вождей германского пролетариата Розы Люксембург и Карла Либкнехта, совершенного теми же Шейдеманами, Каутским и Носке. Они и сейчас «сожалеют», когда нужно, как и тогда, звать и вести пролетариат к революционной борьбе против капитализма. Эти предатели более опасны для рабочего класса, чем откровенно буржуазные правые с.-д.: те открыто солидаризуются с реакционным Кэшендэном, позиция тех прямо толкает рабочий класс к революционной борьбе с буржуазией, «левые» же позицию беспощадного разрыва и борьбы рабочих масс с реформизмом и империализмом подменяют «сожалениями», «вздохами». Нет более подлых врагов рабочего класса, нет более предательских «друзей» мира, чем эти «левые». В до конца разоблачившемся буржуазном лагере эти агенты буржуазии еще хотят стать цепью, которой откровенные предатели намереваются удерживать рабочий класс от революционной борьбы.

Суть политики этих «левых» заключается в том, чтобы задержать «левой» фразой переход левеющих рабочих масс к коммунизму, оставаясь вместе с тем целиком и полностью на почве идеологии социал-реформизма, на почве утверждений, что война может быть преодолена методами капитализма, в рамках империализма, в условиях эволюционного, «мирного» изменения империализма.

Единственным государством, действительно борющимся против империализма, против милитаризма, является Советский Союз. Лишь диктатура пролетариата во всем мире покончит раз и навсегда со всеми войнами. Советский Союз это—лига государств рабочих и крестьян. Советский Союз это—социалистическая лига мира и мирного

труда. Международный капитализм—лига разбоя и эксплоатации. Международный пролетариат должен бороться за лигу рабочих и крестьян, за диктатуру пролетариата против империализма.

Разоружение буржуазии вооруженным пролетариатом—единственный путь к преодолению империализма.

На этот путь, на который вступил более десятка лет назад победоносный пролетариат СССР, зовет рабочие массы капиталистических стран Коминтерн.

П. Максаковский.

К теории цикла и динамике советского хозяйства [1]).

3. Динамика советского хозяйства.

Анализ структуры капиталистических циклов занимает центральное место в работе автора. В связи с ними развита интересная и многообразная аргументация. Однако, это не устраняет того факта, что исследование капиталистической динамики являлось для автора исходной позицией для того, чтобы «прыгнуть» на советскую экономику. Автор с тем большей охотой совершает этот прыжок, что до сих пор не было углубленных попыток построить «какую-либо общую теорию хозяйственного развития» у нас. Свою пионерскую попытку автор ограничивает проблемой динамики хозяйства, целиком оставив без рассмотрения вопрос о специфических закономерностях нашей переходной эпохи. Проблема регулятора, соотношение и взаимодействие стихийного и планового начала, характер и сфера действий категорий товарно-капиталистического хозяйства — все осталось вне поля зрения автора. И тем не менее В. Базаров пришел к определеннейшим выводам касательно общеструктурной линии нашего хозяйственного развития. Автор безапелляционно утверждает о циклической структуре динамики восстановительного периода, данные которого он обработал. В самом деле,—говорит он,—«даже замена капиталистического обращения и кредита плановым распределением продуктов и плановой утилизацией производительного накопления не привела бы автоматически к полной ликвидации циклов» (с. 79).

Больше, исходные посылки автора и характер его аргументации таковы, что они с еще большим правом адресуют сделанное определение «реконструктивному» периоду, в который вступило наше хозяйство, хотя автор «скромно» умалчивает на этот счет.

Итак, в качестве первого «критического взноса» на авторский счет мы констатируем факт, что Базаров сделал теоретическую попытку вскрыть природу динамики советского хозяйственного целого, не исходя из анализа общих закономерностей советского хозяйства. Здесь может быть три варианта оценки «поведения» автора: 1) автор, занимая правильную позицию в указанных вопросах, опирал на них ход своего анализа хозяйственной динамики, но не считал нужным дать их позитивное изложение; 2) автор, неправильно трактуя вопрос о наших закономерностях, пришел к ложным выводам касательно хозяйственной динамики; 3) автор не считал нужным связывать свои выводы с анализом закономерностей, так как у него существует другой, неправильный критерий подхода к проблеме, откуда он восходит к динамике советского хозяйства. Так оно и есть на самом деле.

Основным условием цикличности по автору является «неравномерность роста производительности труда». Она определяет собой со-

[1]) Начало статьи см. в предыдущем номере.

ответствующие колебания масштаба производства. Цикличность исчезнет только с установлением «плавного эволюторного уровня векового движения». Последний, «как реальная тенденция развития не существует ни в докапиталистическом, ни в капиталистическом, ни в нашем переходном советском хозяйстве» (с. 79). Для этого нужно «вполне развитое социалистическое общество». «Наша советская плановая система в теперешнем ее состоянии... еще бесконечно далека от этого идеала»... (разрядка моя. *П. М.),* поэтому для нас циклическая форма развития сохраняет свою силу. Оказывается, только из того факта, что у нас нет полной «равномерности роста производительности труда», автор делает безапелляционный вывод о неизбежно циклическом развитии нашего народного хозяйства.

Правилен ли тезис, что в нашей переходной экономике нет равномерности в развертывании производительных сил? Безусловно. Но, означает ли это, что у нас воспроизводственный процесс должен, как и при капитализме, отливаться в циклическую форму? Ни в коем случае. Причины в следующем.

Недостижение еще нами плавного эволюторного уровня вовсе не означает сохранение нашим хозяйством капиталистической формы перехода производительности труда с одной ступеньки на другую. Особенности этого процесса при капитализме заключаются в том, что он непременно сопровождается массовым моральным износом оборудования. Как в период расцвета быстрый рост цен приостанавливал техническую реорганизацию производства (некоторый под'ем техники в передовых группах сопровождался вступлением в работу отсталого оборудования, — в результате общественная средняя переставала повышаться), так в период депрессии низкие цены заставляют делать быстрый скачок вперед. Основной аппарат, который «управляет» этим процессом, сообщает ему своеобразную динамику,— это аппарат капиталистического ценообразования, конкуренции. Он накладывает на прогресс производительных сил капитализма неизгладимый отпечаток. Под'ем производительности труда сложившегося капитализма характеризуется резкими остановками и иногда даже некоторыми снижениями поднимающейся кривой. Равномерных, плавных «затуханий» темпа производительности не может быть при капитализме. Кривая производительности советского хозяйства (подразумевается ведущее ядро, государственный сектор) претерпевает существенные изменения. Это видно уже из диаграммы восстановительного процесса в целом, приведенной Базаровым на 152 стр. Если сравнить эту диаграмму с кривой производительности труда капитализма (с. 52), то сразу же бросаются в глаза серьезные отличия. Кривая производительности советского хозяйства потеряла свойственные капитализму резкие остановки темпа, из скачкообразной превратилась в слабо выраженную волнообразную. Она заняла законное, переходное место между капиталистической динамикой и плавным уровнем развития социализма. Это вполне закономерно. Корни указанного явления нужно искать в структуре советского хозяйства.

Главная особенность советской переходной экономики заключается: 1) в плановом перераспределении накопления с целью направить процесс воспроизводства по заранее определенному руслу; 2) в сильнейшей модификации механизма ценообразования, сопровождающейся резким сокращением действия конкуренции. Поэтому, неотменяемый ни для одной формации технический прогресс получает существенно иную форму внедрения в производство. Техническая реконструкция и рационализация делаются обычным явлением нашего хозяйства, не будучи связаны с определенными периодами, как при капитализме. Резкие приостановки производительности и резкие ее скачки вперед заменятся более плавным, эволюционным развитием. Это, конечно, не означает, что прирост производительности станет равномерным во все этапы. Наличный уровень производительных сил, степень господства организованной части хозяйства этого обеспечить еще не могут. Однако, бесследно исчезнут этапы полной приостановки и даже падения уровня в один период (расцвет), сменяющиеся быстрым взлетом в другой (начало под'ема).

Исчезновение капиталистической формы движения производительности труда предрешает вопрос о существовании цикла. Причина данного явления лежит в особой, принципиально иной структуре советского хозяйства. Изменилась (изменяется) сама форма исторической обусловленности течения хозяйственного процесса. Если при капитализме последняя выступала, как «об'ективированный результат индивидуальных воль», в виде стихийно действующих законов, то в ведущем ядре нашей экономики, в государственном секторе, мы имеем сознательное восприятие ее и приспособление к ней в меру господства новой системы производственных отношений. Поэтому, уравновешивание отдельных элементов нашей переходной структуры происходит не post factum, не в конечном счете, как при капитализме, а открылась и разрастается все более широкая возможность сознательного приспособления к нормам пропорциональности, сопровождающаяся все большим отжиманием стихийного начала, хотя последнее играет еще значительную роль в конкретном течении воспроизводства.

Изменение характера обусловленности сопровождается и изменением норм пропорциональности. При капитализме именно закон ценности с его «трансмиссией» определял нормы пропорциональности системы. Последние не могут быть перенесены ни на одну другую общественную систему, поскольку в их основе лежит категория абстрактного, общественно-необходимого труда — раз, особое положение личного платежеспособного спроса, определяющегося антагонистическими условиями капиталистического распределения — два. Равновесие на основе закона трудовых затрат в его социалистическом выражении будет выглядеть совсем иначе.

Переходный советский строй, характеризующийся трансформацией закона ценности в закон трудовых затрат, не достигший еще в целом норм пропорциональности социалистического хозяйства, принципиально разорвал с капиталистическими нормами распределения труда по отраслям. К примеру, на почве реконструкции личного потребления, преодолевшего в значительной мере закон ценности рабочей силы, развертываются иные соотношения между потребительским рынком и производством II подр. и в зависимости от этого другое равновесие между II и I подразделениями.

Наконец, отсутствие монистичности в структуре советского хозяйства, как хозяйства переходного,— зависимость расширения сферы приложения социалистических отношений от сожительства и взаимоотношений с простым товарным хозяйством,—исключает самую возможность построения однотипной схемы общественного воспроизводства. Базаров глубоко неправ, когда он ограничивается применением к советскому хозяйству марксовой схемы капиталистического воспроизводства, дополненной частно - балансовыми уравнениями. В этом отражается неправильность всей его установки на советское хозяйство, непрерывное на всем протяжении книжки умаление differentia specifica нашей переходной

структуры, увенчивающееся циклической теорией советского воспроизводства.

Основной воспроизводственной схемой у нас должна быть схема взаимоотношений социалистического ядра и простого товарного хозяйства. Она, в свою очередь, дополняется другой, включающей влияние капиталистических отношений (внутри, извне), и завершается сводным балансом производства, распределения, потребления. Главная схема, естественно, должна строиться по линии основного, определяющего сплетения системы и дополняться модифицирующими моментами. Именно исходя из этого принципа, Маркс конструировал схему капиталистического воспроизводства. Безраздельное господство капиталистических отношений, не имеющих в лице пережитков прошлых формаций принципиальных антагонистов, определило чисто капиталистическую схему воспроизводства. Такой же чистой схемой обобщится воспроизводство при социализме. В переходной экономике не может быть соблюдена чистота этого принципа. Здесь главная воспроизводственная линия протекает по линии стыка новых развертывающихся отношений со старыми, их взаимодействия и взаимовлияния. Воспроизводственный процесс социалистического ядра теснейшим образом переплетается с крестьянским хозяйством, выступающим (на ряду с рабочим классом) суб'ектом личного спроса, производительного спроса и в свою очередь являющимся полноценным суб'ектом предложения по этим основным линиям связи. Уже исходя из чисто производственно-рыночного разреза этих связей, главная схематическая линия воспроизводства должна положить в основу это производственное сплетение. Однако, крестьянское хозяйство (как и вообще простое товарное хозяйство), взятое в изолированном состоянии, родит не социалистическую, а капиталистическую тенденцию. Другое дело в условиях тесной производственно-хозяйственной зависимости и государственного руководства социалистического ядра.

Таким образом, в направлении основных узлов чисто-производственной обусловленности и зависимости, обеспечивающих общий под'ем производительных сил, пролегают условия развертывания социалистических отношений, связанных с расширением обмена веществ между крестьянским и государственно-социалистическим хозяйством, с вытекающей отсюда качественной переработкой крестьянского хозяйства. Общий рост производительных сил необходимо сочетается с ростом производственной мощности социалистического сектора—раз, с относительно более быстрым ростом социалистических элементов—два, с увеличением удельного веса и области проявления социалистических отношений в сравнении с простыми товарными — три, с все большим падением удельного веса и «территориальным» сужением капиталистических отношений—четыре.

Это — об'ективные закономерности советского переходного периода, пронизывающие ход общественного воспроизводства, долженствующие определять собой «социальный» аспект теории воспроизводства. Соответственно, реальное течение советского воспроизводства не обнаружит циклической формы, так как основные закономерности переходной эпохи исключают расширенное воспроизводство капиталистических отношений, как основной, определяющий момент развития.

Уже период «восстановительного» процесса сильнейшим образом ограничивает действие капиталистического механизма ценообразования и конкуренции. Это выразилось, прежде всего, в исчезновении капиталистической «трансмиссии» закона ценности. Закон средней нормы прибыли не действует, тем самым отмерла категория цены производства,— стержень, вокруг которого происходят периодические сдвиги цен. Стремление к большей прибыли не является в каждый данный момент стимулом планового распределения труда по отраслям. Одновременно преодолевается действие закона ценности, последний перестает быть постулатом «равновесия» системы.

Особенно важно отметить это затухание ценностной тенденции в социалистическом секторе, учитывая то, что только крупное, широко разветвленное производство создает такие узлы хозяйственно-цепной зависимости, которые могут сказаться в цикле. Значительно меньшее ограничение закона ценности в крестьянском хозяйстве не может реставрировать эту тенденцию, ибо хозяйственная анархия простого товарного хозяйства не отливается в форму цикла.

Итак — цикл есть только специфическая фигура движения развернутого капиталистического воспроизводства. Устранение капиталистических отношений, как господствующей системы, означает устранение цикла. Советская переходная система заместила господство капиталистических отношений господством планово-социалистических, тем самым цикл исчезает. Гибель его тем более неизбежна, поскольку в лице социалистического сектора, как руководящего ядра, мы имеем трансформацию «бессуб'ектного» хозяйства в хозяйство «суб'ектное». Пережитки простого товарного хозяйства, не отменяя цикла при капитализме, не в состоянии отменить и нашу «бесцикличность». Пережитки капиталистического хозяйства, не возглавляя основных отраслей нашего производства и обращения, лишены возможности восстановить циклическую тенденцию. Это тем более понятно, что несложившийся еще в систему капитализм, капитализм, не знавший еще развернутой формулы ценообразования: ценность—цена производства—рыночные цены, не знал цикла. Об этом свидетельствует конкретно-капиталистическая история.

Отмирание формулы ценообразования сложившегося капитализма означает, как я уже говорил, изменение условий «пропорциональности» системы. Первое—закон ценности не распределяет труда по отраслям, хотя и оказывает влияние на плановое распределение. Второе—антагонистическое распределение свойственное капитализму изживается (имеет закономерную тенденцию перерастать в социалистическое). Платежеспособный спрос личного потребления, сломав устои ценности рабочей силы, представляет величину, определяющую другие соотношения между отдельными частями производственного целого. Третье — плановое руководство воспроизводственным процессом предполагает более или менее равномерное внедрение технических усовершенствований в производство. Вот основные моменты, различающие воспроизводственный процесс советского хозяйства от капиталистического.

Плановое начало исключает периодические сдвиги цен, определяющие «затухание» технических приращений на гребне высокой кон'юнктуры и быстрый прирост их в условиях низких депрессивных цен. Другими словами, подчинение «ценообразования» в значительной мере сознательному воздействию есть предпосылка более плавного технического прогресса. Быстро идущий процесс реконструкции, опирающийся на социалистическое накопление, также не создает условий для цикла. В первый период, характеризующийся отставанием масштаба производства от платежеспособного спроса, трудно вообще представить моральное снашивание в большом масштабе. Во второй период, когда установятся основные элементы пропорциональности между производством и потреблением, массовые замены не-

производительного оборудования передовым, не вызовут того эффекта, которым сопровождается моральное снашивание во время капиталистической депрессии. Поскольку механизм ценнобразования все в большей мере подчиняется плановому началу и им модифицируется, затем, поскольку реконструкция осуществляется на основе планового же учета темпов расширенного воспроизводства всей совокупности отраслей и потребительского спроса — исключается стихийный, безудержный прирост производства на манер капиталистического, который далеко забежал бы за пределы платежеспособного спроса. Замена конкуренции плановым ценообразованием исключает также возможность возникновения длительных конфликтов между рыночными показателями и условиями равновесия системы, которые в капиталистическом хозяйстве неизбежно сказываются перепроизводством.

Отрицание цикличности советского хозяйства не означает отрицания кон'юнктурных колебаний. Причины кон'юнктурности ряда хозяйственных процессов следует искать: 1) в отсутствии единого организованного хозяйства—сожительство социалистических элементов с простыми товарными и капиталистическими; 2) в недостаточной высоте уровня производительных сил государственного сектора и недостаточном масштабе производства, чтобы можно было без замедлений удовлетворять возрастающий спрос; 3) в значении денежно-кредитных связей в течении воспроизводства.

Так как воспроизводственный процесс социалистической промышленности связан рядом важнейших звеньев (производительный и личный спрос, предложение) с крестьянским хозяйством, где в значительной мере проявляется действие стихийных экономических законов и влияние урожаев,—это определяет собой существование повышательных и понижательных волн кон'юнктуры. Яркий образец—сезонные волны. Базаров на 129 стр. привел показательную диаграмму понижательной волны в летние месяцы каждого хозяйственного года и правильно заключает, что «эта тенденция порождена общими экономическими причинами» (с. 130). В период отставания производства от платежеспособного спроса мы будем иметь также ряд кон'юнктурных колебаний, связанных с прорывом планового регулирования ценовыми сдвигами ряда отраслей. Кроме того, поскольку у нас нет и не может быть пока совершенного учета прироста потребительского спроса,—с одной стороны, поскольку мы не располагаем еще способностью быстрейшего развертывания производства в меру встречающейся необходимости — с другой, поскольку, наконец, на отдельных участках нашего хозяйства действует конкуренция, не исчезая целиком и внутри социалистического сектора,—действуют тенденции к всякого рода смещениям и уклонениям от «пропорциональности», принимающие в одних случаях вид закономерно повторяющихся сезонных колебаний, в других—спорадических повышений и понижений кон'юнктуры для секторов или отдельных отраслей.

Однако, эти кон'юнктурные колебания не выстраиваются на оси цикличности, как при капитализме. Они, теряя свой капиталистический стержень, остаются в нашей экономике в той мере, в какой организованное во всех своих частях социалистическое хозяйство не появляется сразу же после крушения господства капиталистических отношений. Отрицание господства этих отношений означает исчезновение цикличности, — это первый результат, спорадические же и сезонные колебания исчезнут только при полном овладении обществом течением своего хозяйственного процесса, т.-е. при социализме. Назревающие диспропорции могут вскрыться на рынке резким противоречием

между производством и потреблением, но этот факт ни в какой мере не говорит о существовании цикличности.

Большое значение для исчезновения циклических волн в нашем хозяйстве играет интегральность нашей экономики. Мало зависимые от мирового капиталистического хозяйства, мы в малой степени подвергаемся воздействию волн мировой кон'юнктуры. Это воздействие, имеющее тенденцию все более уменьшаться, в силу твердо взятого курса на индустриализацию страны, не входит существенным моментом в нашу народнохозяйственную динамику, не говоря уже об отмене нашей бесцикличности.

Другое дело более развитая в хозяйственном отношении страна, но тесно входящая в международное разделение труда. Вырвав в еще большем размере внутрихозяйственные корни цикличности, она своим воспроизводственным процессом сильнее будет отражать кон'юнктурные волны мирового капитализма, несмотря на усиленное социалистическое строительство внутри.

Перейдем теперь к конкретной постановке Базарова о советских циклах. «Как мы видим,—говорит он,—динамика восстановительного процесса по формальной структуре своей аналогична... динамике капиталистической промышленности в тот период, когда эта последняя переходит от депрессии к оживлению при посредстве технической реконструкции, повышающей производительность труда... В том и другом случае движение должно носить не равномерно затухающий, а циклический характер,—с одним, однако, крупным различием: так как наша государственная система кредита принципиально отлична от частнокапиталистической, то можно думать, что во второй своей части цикл восстановительного процесса обойдется без типичной для капиталистического цикла фазы ажиотажа и «расцвета», раздувающего об'ем продукции на приостановленном в своем росте или даже деградирующем уровне, с нарушением нормальных пропорций между отдельными отраслями хозяйства» (с. 102—103, разрядка моя. *П. М.*).

В этом «генеральном» положении заключен целый ворох ошибок. Первое автор качественно не различает динамику советского и капиталистического хозяйства. В советской системе, как и в капиталистической был бы «кризис на финише», если бы не было государственной организации кредита. Предположив последнюю при капитализме, мы не будем иметь отличий в динамике: как там, так и здесь, она останется циклической. Особая структура советского хозяйства, характеризующаяся «плановым распределением продуктов и плановой утилизацией производительного накопления», «новыми общественными отношениями», сразу летит вверх тормашками. Признавая на словах качественные особенности нашего хозяйства, повторяя привычную терминологию о социально-экономической реконструкции, автор тем не менее «капиталистически» мыслит нашу народнохозяйственную динамику. В этом проявляется серьезная недооценка социалистической сердцевины нашего советского хозяйства. Автор на всем протяжении книжки разбросал ряд скептических замечаний на этот счет (с. 42, 54, 79 и др.).

Второе: мы уже подчеркивали всю несостоятельность утверждений о том, что кредит «рождает» кризис. В них содержится умаление анархии капиталистического хозяйства, что позволило Базарову прямо «без пересадки» переехать из капиталистического хозяйства в советское. Если занять точку зрения Базарова, то получается сплошная бессмыслица. Нет кредита—нет диспропорции, нет кризиса. Так почему же, когда производство «все время и во всех своих частях будет находиться под контролем

реального спроса», должен проявиться «бескризисный» цикл, почему масштаб производства должен сжиматься абсолютно, почему более быстрые темпы прироста производительности не сменятся более медленными, но неуклонно повышающими масштаб общественного производства? Ведь, при тех предпосылках, которыми оперирует Базаров (соответствие потребления производству, их уравновешивание в каждый данный момент), у Маркса получается прямо-восходящая, а не волнообразно-циклическая линия развития. Откуда, наконец, у Базарова в этих условиях,—когда нет диспропорций,—могут появиться причины, понижающие достигнутый уровень техники? Ниоткуда. Это—бездоказательный постулат. В итоге получается, что Базаров оперирует не реальной, а мифической, больше сказать, нелепой величиной — «бескризисного» цикла. Это, однако, не исключает того факта, что Базаров отрицает коренное, принципиальное различие динамики советского и капиталистического хозяйства, рассматривает советскую динамику, как модификацию капиталистической.

Третье: совершенно не вяжется выдвинутая автором теория цикличности советского хозяйства с другим его утверждением, что в противовес капитализму нам свойственны «кризисы недопроизводства», что «тенденция к относительному недопроизводству должна быть признана столь же характерной для нашей социальной структуры, как тенденция к перепроизводству для капитализма» (разрядка автора, с. 99).

Не будем останавливаться на том, в какой мере эта тенденция—закон, не могущий быть преодоленным плановым перераспределением сил и средств, не менее выросших, чем прирост личного платежеспособного спроса. Нас это положение автора интересует в той связи, что оно прямо противоречит его теории советской цикличности. Недостаток личного платежеспособного спроса при капитализме в условиях нарушения производственных пропорциональностей неизбежно разражается кризисом, следовательно, является неот'емлемым условием цикличности. Противоположный разрез «ножниц» производства — потребления у нас, определяя возможность рыночных нарушений, не является «причиной» сужения промышленного производства, наоборот, все более будет подстегивать его темп. Периодический зажим потребительским рынком производства при капитализме дает перепроизводство — кризис—цикл; отставание производства от прироста личной платежеспособной базы в условиях советского хозяйства дает недопроизводство—задержку возможных темпов развертывания — отсутствие цикла. Итак, «кризисы недопроизводства», по терминологии автора, отмечаемые им для советского хозяйства целиком отрицают его циклическую «теорию». Построения автора в своей принципиальной сущности неправильны и противоречивы по аргументации. Временами это чувствует и сам автор. Непрерывно утверждая о действии основных моментов торгово-промышленного капиталистического цикла у нас, приводя бесконечные аналогии и т. д., он вдруг заявляет, что структура восстановительных циклов стоит в «более близком родстве» с «большими циклами», «чем с малыми».

Это утверждение, забываемое автором уже на следующих страницах, тем более странно, что Базаров отрицает реальность существования больших циклов, не видит в капиталистической экономике «органических» причин, их порождающих, тогда как весь анализ советского «цикла» он ведет на основе свойственной торгово-промышленному циклу неравномерности роста производительности труда. Эти качания Базарова—одно из подтверждений искусственности и предвзятости его анализа советского хозяйства.

Теперь несколько слов о теории «двуцикличности». В применении к «восстановительному» периоду Базаров говорит не об одном, а о двух циклах. «По нашему мнению, двуциклический тип движения предрешался всей структурой нашей пореволюционной экономики...» (стр. 106, разрядка моя. *П. М.*).

Первый цикл начался развертыванием продукции в 1921—22 г. и окончился в 1923 г. «или в самом начале 1924 г.» (стр. 113), второй—с 1924 г. вплоть до 1926 г. В конце первого и начале «второго восстановительного периода мы переживали хозяйственную депрессию» (стр. 127).

Но посмотрим ближе, что это за циклы. Первый цикл породили следующие условия: 1) «оздоровление» заработной платы, делающее возможным «более или менее интенсивный труд»; 2) «элементарные» меры по очистке предприятий «от явно убыточного персонала». Это вся «совокупность основных факторов, создавших первый цикл восстановительного процесса» (стр. 107). Дальше, автор сам заявляет, что здесь нет и в помине «пониженных цен депрессивного периода при капитализме», которые «создают условия для преодоления депрессии». Больше, цены на протяжении этих лет были так низки, что «промышленность работала себе в убыток».

Итак, не было технической реконструкции производства, не было высоких цен и прибылей, наоборот, промышленность «разбазаривала» основной и оборотный капитал, следовательно, не было не только бурного накопления, наоборот, не возмещались часто издержки производства. И этот первый слабый вздох нашей промышленности, «растопку» производства, автор окрестил первым восстановительным циклом. Полная нелепость собственного определения не ускользает и от самого автора. «Если бы на месте государственной промышленности при прочих равных условиях оказались частные капиталисты, то, несомненно, никакого «оживления» возникнуть бы не могло, и 1921/22 г. дал бы лишь усугубление депрессии предшествующих лет» (стр. 107, разрядка моя. *П. М.*).

Здесь буквально несусветная путаница. Цикл—порождение капитализма—возникает в первые годы нэпа, как сплошное отрицание исходных толчков, сдвигов цен, типа воспроизводства, проявляющихся в капиталистическом цикле. Приходится такой «анализ» целиком отнести на теоретическую совесть автора.

Второй цикл начинается после кризиса осени 1923 г. Его предпосылкой является: 1) реконструкция «производительных сил в сфере организации промышленного труда» (стр. 108). Здесь мы имеем более действительный толчок с точки зрения капиталистического цикла. Но он получился, как признается автор, в силу роста планового начала, сказавшегося в снижении отпускных цен, улучшении калькуляции, упорядочении денежно-кредитной системы. Оказывается, второй, более яркий цикл, который «далеко оставил за собой первый», обязан своим существованием росту планового начала, укреплению и упрочению социалистической тенденции. Все грани, все принципиальные отличия капиталистической и советской динамики исчезли. Чем развитее капитализм, чем быстрее идет технический прогресс, тем ярче цикл. Чем больше укрепляется социалистическая тенденция советского хозяйства, опирающаяся на под'ем производительности труда, тем ярче цикл. Получается, что цикл в такой же мере присущ капиталистическому, как и развертывающемуся советскому хозяйству, ибо, чем дальше, тем более быстрым темпом будет итти под'ем уровня производительных сил нашего народного хозяйства.

Мы уже дали принципиальную критику этого смешения. В заключение мы еще раз можем подтвердить, что, на ряду с недооценкой социалистического характера советской экономики, непонимание основных причин капиталистического цикла, недооценка капиталистической анархии сказываются в бесплодных построениях Базарова. Не понимая всего значения «ценностных» феноменов цикла и переоценивая роль кредита, Базаров создает почву для логизации цикла. Для него цикл прежде всего результат неравномерного под'ема производительных сил. Отмечая эту неравномерность при капитализме и в советском хозяйстве, он утверждает о цикличности воспроизводственного процесса как там, так и здесь. Специфическая оболочка капитализма, периодически зажимающая развитие производительных сил, действие которой как раз и сказывается в ценностных сдвигах капиталистического хозяйства, у автора отходит в тень. Остается голый стержень: динамика производительности труда и зависимость от нее динамики производства. И автор утомительно доказывает эту зависимость как при капитализме, так и в СССР. Однако, последняя сама по себе не означает ничего большего, как тот факт, что рост производительных сил определяет собой рост производства. Отсюда еще далеко до цикла. Автор не обратил внимания на изменившийся характер кривой производительности при капитализме и в СССР и не связал этот факт с принципиальным изменением форм обусловленности течения производства. В первом случае—обусловленности через стихийные законы, действующие post factum, действие которых неизбежно сопровождается нарушением «пропорций», взрывом противоречий между производством и отстающим потреблением; во втором—изживание этих законов, плановое приспособление к непосредственно осознаваемым нормам пропорциональности, изменение их, изменение соотношений производства и личного потребления, в силу изживания антагонистичности капиталистического распределения и т. д. Следовательно,—другие общественные отношения, преодолевшие в значительной степени капиталистические формы распределения, потребления, организации экономического процесса.

Эту новую общественную форму недооценивает В. Базаров. Он недооценивает и капиталистическую форму. Это забвение формы, отодвигание ее на задний план особенно ярко выпирает в его неисторической постановке проблемы ценности. Это забвение формы мы видели на характере попыток свести качественные экономические узлы к законам теоретической физики. Весь развернутый ряд ошибочных построений уходит своими корнями в неприятие автором марксистской гносеологии. Не представляя собой непосредственного вреда, когда дело идет о капиталистической экономике, этот однобокий, спутывающий различные качественные явления, механистический подход должен получить отпор, когда его дыхание чувствуется на важнейших проблемах нашего хозяйственного строительства.

* * *

Мы не останавливаемся на анализе приводимых автором кривых производительности—масштаба производства и их связи в отдельные годы и этапы восстановительного периода. Что эта связь есть и будет вплоть до социализма — это несомненный факт. В целях изучения динамики советского хозяйства и предвидения частных кон'юнктурных колебаний и сдвигов, необходимо внимательно анализировать структуру этих связей. В этом отношении книжка Базарова представляет собой важную и значимую попытку. Богато иллюстрированная диаграммами и таблицами, она представляет собой ценный материал, если освободить ее (советскую) часть от теоретических примесей автора.

* * *

Автор в теории капиталистического цикла не затрагивает вопроса о соотношении теории цикла и кон'юнктуры. Нам кажется целесообразным сделать несколько кратких замечаний на этот счет. Теория кон'юнктуры распадается на несколько этапов исследования. Первый—исследуется совокупность действующих «причин» и «следствий», определяющих собою циклическую «фигуру» капиталистического воспроизводства, т.-е. конструируется теория цикла. Методологическое основание—чистый капитализм. Второй—рассматривается в принципиально-теоретическом разрезе влияние монополистических об'единений, государства, международного разделения труда, урожаев, на циклическую динамику. Методологическое основание—чистый капитализм. Третий—типизируются кон'юнктуры в зависимости от конкретных хозяйственных структур (ряд стран с типовым соотношением промышленности, сельского хозяйства, внутреннего и внешнего рынка, баланса и т. д.). Методологическое основание—конкретный капитализм. Четвертый—исследуются хронологические отрезки кон'юнктуры отдельных стран в отдельности или соотносительно, как они располагаются на оси конкретно-выраженного цикла, в целях описания или предвидения. Методологическое основание—конкретный капитализм. Область исследования не теоретическая, а конкретная по преимуществу. Следовательно, теория кон'юнктуры не представляет собой отдельной от цикла части, это—вся совокупность теоретически изучаемых закономерностей развернутого течения чистого и конкретного капиталистического воспроизводства с учетом влияния всех важнейших факторов, вытекающих из международного разделения труда, монополистических об'единений, соотношения промышленности и сельского хозяйства, роли урожаев и т. д. Очередная задача марксистской экономии заключается в систематической развернутой разработке этих проблем.

П. Лапинский.

Судьбы послевоенного государства. Перерождение буржуазного государства, вырождение буржуазной демократии[1]).

Отсутствие всякой «застойности» (в стиле и смысле тех периодов реакции, которые в предыдущие исторические эпохи сменяли половинчатые революции), «движение почвы» мы наблюдаем не только в материальной, т.-е. хозяйственной базе современных капиталистических обществ, не только во всей системе их международных отношений, но и во всей их государственной надстройке, область, пожалуй, не привлекавшая к себе всего того внимания, которого она заслуживает. Между тем, и в этой области капиталистического быта—если и отвлечься от таких ярких, бурных и театральных проявлений, какими явились фашистские перевороты, происшедшие в отдельных странах—протекает отнюдь не менее глубокий, не менее поучительный процесс, постепенно, но достаточно быстро меняющий структуру современного капиталистического государства, процесс, без осознания и изучения которого трудно уяснить себе с надлежащей полнотою как пути развития и распада капитализма нашего времени, всю раз'едающую его внутреннюю диалектику, так и некоторые существеннейшие истоки современного реформистского сверхприспособленчества. Только поверхностному, филистерскому воображению реформистов могло представляться, что водворение широкой формальной демократии при одновременном восстановлении капиталистического хозяйства и «нормальных» международных связей с добавлением кое-какого либерализма (вынужденного или добровольного) в сфере социального законодательства и оплаты труда—в общем и целом должно будет создать прочную, незыблемую основу, железные исторические рамки, в которых будет протекать все позднейшее историческое развитие. Эти господа не заметили, что и сама-то основа, на которой они будто бы собирались строить здание будущего, стала в высокой степени подвижной, что и она вместе со всем капиталистическим миром переживает глубокую и разностороннюю эволюцию, постепенно создавая положение, с которым не может мириться ни пролетариат, ни—в известном смысле—буржуазия.

Развитие, о котором мы говорим,—перерождение современного «демократического» государства—явление глубоко диалектическое, насквозь внутренне противоречивое. Центральный факт в этой области,—чтобы сразу сказать основное—тот, что значение, удельный вес государственного аппарата вырастает буквально с каждым днем, «демократия» же, наоборот,

[1]) Статья представляет собой набросок главы из брошюры, подготовляемой автором к печати.

все более атрофируется, выветривается, испаряется, во всяком случае вырождается. В одном случае мы можем говорить о переросте, о перерождении, в другом о вырождении. Государство идет в некотором смысле в гору, демократия—под гору. Тогда как аппарат капиталистического государства развивается все мощнее, переплетаясь, срастаясь все неразрывнее со всеми основными и подчиненными органами хозяйственного организма (так что не отличишь, где «база», где «надстройка»), то поглощая целые отрасли, целые крупные куски капиталистического хозяйства и превращаясь в крупнейший основной «регулирующий» орган капитализма, то, наоборот, подчиняясь, как никогда, натиску высочайше организованной частнокапиталистической стихии (развитие и тут глубоко-противоречивое!),—в то самое время демократическая оболочка этого государства либо просто и жалко отпадает (случаи фашистских переворотов), либо вырождается в переносном и даже в буквальном смысле (падение парламентаризма). При чем отдельные части, отдельные клетки этой оболочки (выборное начало) могут даже еще продолжать развиваться, расти вширь, значение их может даже возрастать по сравнению с значением других частей, других клеток демократической оболочки («народных представительств»), но и эти процессы, происходящие внутри самой оболочки, эти отдельные дальнейшие успехи формальной демократии уже не в состоянии задержать процесса перерождения всего механизма «демократического» государства и даже отчасти, как увидим, только способствуют эволюции этого государства, т.-е. всей современной буржуазной «демократии», в сторону своеобразной «сословности» на фоне высочайше развитого, но бьющегося о неопреодолимые преграды капитализма.

Начнем с первого, т.-е. с явлений перерождения государства. Затем перейдем к вопросу о судьбах его демократической оболочки.

I. Рост экономической и социальной мощи современного капиталистического государства.

Если еще эпоху мировой войны Ленин характеризовал, как «эпоху перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм» («Государство и революция». I изд., стр. 33. Разрядка наша), то в применении к нашему времени эти слова Ленина стали сугубо верны.

Влияние современной государственной машины на всю хозяйственную жизнь и косвенно и прямо и на весь жизненный уровень масс возросло в степени, о которой буквально не снилось довоенным буржуазным философам. Когда во время войны государство было вынуждено так или иначе забрать все в свои руки, то могло казаться, что этот элефантиазис государственных функций является чисто преходящим явлением; и, как известно, после окончания войны скоро наступило время, когда с немалой силой был провозглашен лозунг: назад к частной инициативе, назад к «нормальному» капитализму. Но в том-то и дело, что история чистого «назад» не знает, что возвращение к «нормальному» капитализму предвоенного типа оказалось реакционной манчестерской утопией. Многое, даже очень многое от чисто военного государственного капитализма было устранено. Но от него осталось в разных формах больше, чем того хотели и ждали глашатаи «чистого» капитализма. Воздействие государственного аппарата на всю экономику пробило себе прочно и более общие и сложные и новые пути. Здесь, в этом кратком очерке, было бы трудно проследить все разветвления этих путей. Быть может, в другом месте нам удастся заняться этим посолиднее. Здесь отметим

важнейшее. В центре всего явления—необычный и разносторонний рост экономической мощи государства. Этот рост проявляется прямо и косвенно. Рассмотрим вкратце основные моменты этого процесса.

а) Рост доли национального дохода, канализуемого государством.

Уже достаточно сравнить предвоенные бюджеты с послевоенными, чтобы констатировать, что через руки государства проходят несравненно бо́льшие доли национального дохода, чем до войны. Громадный рост доходов и расходов послевоенного государства—факт общеизвестный. До войны бюджет Англии не составлял и 200 млн. фунтов, в настоящее время он менее далек от 800 млн. фунтов; бюджет Соед. Штатов Сев. Америки составлял в 1913 г. 734 млн. долларов (в круглых цифрах), ныне 3.772 млн. Бюджет Швеции составлял 261 млн. крон, ныне 697 млн. крон и т. д. Доходы Германии (со включением союзных стран, коммун и т. п.) исчислялись в 1913 г. цифрой 2 млрд. марок. В наше время сумма поступлений исчисляется цифрою в 10 миллиардов. Даже если сделать обычную поправку на падение ценности золота, то рост получится, хотя и неравномерный по странам, но все же громадный, и максимальный в англо-саксонских странах.

В авторитетнейших источниках мы можем найти для Англии утверждение, что бюджет поглощает свыше 20% (тогда, как до войны он поглощал немногим больше 10%) [1]. Таким образом, в этой старейшей и мощнейшей капиталистической стране из года в год только через канал податей и всяких других поступлений через руки государства проходит целая пятая часть национального дохода.

Более или менее аналогичные цифры приводят и для других стран: около 20% для Франции, свыше 19% для Италии, 17% для Бельгии и т. п. [2]). Программная записка германских промышленников называет для Германии даже цифру 25 до 30%, которую, конечно, следует считать весьма преувеличенной [3]).

С этим связан, конечно, рост той доли дохода, которую отнимает государство в той или иной форме у облагаемых слоев населения. Союз германской промышленности высчитал, что целых 63% прибылей промышленности уходят на уплату всякого вида обложений. Пусть эта цифра—в чем вряд ли можно сомневаться—пропагандистски преувеличена, сам факт колоссального роста податных тягот всякого вида (государственных и местных) не подлежит сомнению. Но факт этот обозначает собою необычайный рост непосредственнейшей экономической мощи государства и значительное изменение механизма распределения «национального дохода»: в этом механизме роль и значение государства существенно выросли.

б) Госкапитализм (в узком смысле слова).

Но податной насос является только одним из источников роста экономической мощи государства. Одновременно значительно выросли, хотя и далеко не с той же равномерностью, роль и значение государства, как предпринимателя.

[1]) A. L. Bowley and Siv. Y. Stamp. «The National Income». Oxford. 1927, стр. 53.—Britains Industrial Future. (Доклад либеральной комиссии). Стр. 486.

[2]) The Inter - Ally Debts and the United States. National-Industriale Conference Board. N. Y. 1925. Стр. 275.

[3]) Deutsche Wirtschaft und Finanzpolitik Veröffente. d. Reichsverbandes d. deutschen Industrie. 1925.

Если уже до войны капиталистическое государство в ряде стран превратилось в крупного и даже крупнейшего предпринимателя, если война, как известно, дала необычайно сильный толчок этому развитию, то после войны этот процесс отнюдь не прекратился. Мы здесь, без всякого сомнения, имеем перед собою явление значительного и непреходящего развития своеобразного государственного капитализма. Так именно расценивают и именуют это явление и частнокапиталистические круги, в большинстве случаев относящиеся крайне враждебно к этой новой форме капитализма. Хотя в своей вражде к этим новым хозяйственным формам они и склонны рассматривать и выдавать их, как легкомысленное и вреднейшее осуществление «сверху» и по частям социализма (в этом смысле они говорят о «холодной социализации»: «Kalte Sozialisierung», мы бы сказали по-русски «сухой социализации», т.-е. социализации без революции, без кровавого переворота), все же круги эти определенно отдают себе отчет в том, что они имеют здесь дело с высоким развитием специфической хозяйственной формы—госкапитализма. В сугубо-капиталистическом, «тяжелоиндустриальном», экономическом ежегоднике, отражающем в чистейшей форме, не процеженной через профессорский фильтр, взгляды и пожелания верхушечного трестированного капитала, читаем: «Государство взяло на себя новые функции и вступило в новое соотношение к хозяйству. Даже и отвлекаясь от расширения его регулирующей деятельности по отношению к хозяйству, нужно констатировать, что и сверх того оно само стало капиталистом-предпринимателем с помощью общественных средств, чтобы дела делать, перехватывать у частных элементов их хозяйственные функции, выступать по отношению к последним конкурентом, либо же под предлогом выполнения срочных задач попечительного и благотворительного характера». «Мы имеем здесь дело не с социализмом в марксовском смысле, как с непосредственным обобществлением, экспроприацией, но с новой формой государственного капитализма» [1]).

При чем это широкое развитие как регулирующей роли государства, так и его непосредственных предпринимательских функций [2]) отнюдь не является преходящим, случайно-историческим продуктом военной необходимости, но глубоко неразрывно связано с тем безысходным состоянием неравновесия и хронической кризистности, в которое бесповоротно вступила капиталистическая система с ее растущей неспособностью справиться с громоздящимися хозяйственными и социальными трудностями «собственными силами», как и со всеми теми громаднейшими противоречиями, которые с неслыханною силою вогнаны внутрь всего хозяйственного и всего политического организма капиталистической современности мировой войною и последующим революционным и полуреволюционным развитием. Этим и об'ясняется, почему признаки развития этих госкапиталистических тенденций мы всего более находим в странах, в которых капиталистическая система пережила относительно максимальные потрясения (Германия и отчасти Англия), и наоборот констатируем более слабое развитие этих тенденций в странах, в которых вся система вышла менее потрясенной из войны и последовавшего за ней революционного периода (Франция и Соед. Штаты). Исто-

[1]) Wirtschafts-Jahrbuch für das niederrh.-westfäl. Industriegebiet. 1927 г., стр. 177.

[2]) Обособление отдельных предприятий в псевдосамостоятельные хозяйственные единицы, работающие «на хозрасчете», тут, конечно, существа дела не меняет.

рическую неизбежность процесса (при всей его географической неравномерности, при всех зигзагах, противоречиях и упрямых рецидивах старины), быть может, ярче всего иллюстрирует тот факт, что в классической стране индивидуализма, Англии, последнее «прости» менчестеризму произносят как раз последние его эпигоны, последние потомки вигов, либералы. И по настоящей иронии судьбы новейший, нашумевший документ либерального творчества, известный программный меморандум о «Промышленном будущем Британии», тщательно разработанный при участии всех либеральных светил: редактора Фритредерского «Экономиста» Лейтона, Кейнса, Филиппа Керра, сэра Херберта Сэмуеля, Ллойд-Джорджа и т. п., и произведший некоторый переполох как в рядах консервативной, так и рабочей партии—в основном сводится к программе широчайшего и разностороннего усиления вмешательства государства в экономическую жизнь [1]).

О росте регулирующих функций государства мы будем говорить ниже. Пока нас интересуют факты роста *непосредственной экономической мощи* государства, государства — предпринимателя и банкира. Без сомнения, в этой области налицо громадная неравномерность развития. В настоящий момент классическая страна развития предпринимательских функций публичных органов (государства, коммун) — *Германия* (которая и до войны опередила в этом отношении другие государства). Целый ряд глубоких исторических причин способствовал тому, что и прежде и теперь это явление (в его новых и старых формах) выступает несравненно слабее в других странах. Но не забудем, что Германия является не только страной, пережившей максимальные потрясения, но вместе с тем и *страной самого передового капитализма* в Европе и что родственные явления мы наблюдаем в той или иной степени в других странах.

Быть может, менее всего в Соед. Штатах: но о нарастании той же «опасности» и в этой стране свидетельствует сила капиталистической пропаганды против всей системы идей «национализации», «патернализма» и т. п. Соответствующая американская литература дала даже своеобразный «стандарт-уорк» в этой области: книгу Марка Л. Река об «Отношении между государством и индустрией» [2]). В этой «литературе» в отличие от немецкой или английской всякий госкапитализм еще добродушно смешивается просто с социализмом и даже большевизмом, хозяйственное «банкротство» которого приводится обязательно как классический аргумент против всякой непосредственной хозяйственной деятельности государства.

Но не говоря о том, что в отдельных областях (прежде всего в вопросе о торговом флоте, где как раз проявляются современнейшие интересы американского империализма [3]), после всяких опытов и колебаний мысль о непосредственном почине и деятельности государства не перестает навещать

[1]) Авторы либерального меморандума, быть может, и не заметили того, что предпосылкой осуществления столь широкой, по-своему «революционной» программы должно было бы быть в английских условиях возникновение какого-то сверхсильного, сверхрешительного правительства, какого-нибудь *фашистского* или *полуфашистского* правительства, которое, насилу спасая капитализм против его собственной беспомощности, разброда и рутины, вместе с тем придало бы этому процессу «общественного спасения» социально-цезаристский оттенок: мы имеем здесь, т. о., пред собою неосознанную мечту либерализма о—фашизме...

[2]) Mark. L. Requa. «The relation of Government to Industry». New-York. 1925.

[3]) «Мерчент Мэрин акт» 1920 г. предусматривает субвенцию в 125 млн. долл. на постройку торгового флота. В 1924 г. был принят закон, уполномочивающий Шиппинг Борд израсходовать вплоть до 25 млн. долл. специально на инсталляцию дизелей в уже существующих судах и т. п. Но все эти мероприятия пока не оправдали ожиданий, и по сведениям правительственные круги помышляют о создании государственного торгового флота (специально для рейсов между Соед. Штатами и Индией—с явной целью торгового соперничества с Англией в этой богатейшей британской колонии).

правящих республиканцев,—не говоря уже об этом, отметим, что, во-первых, нигде «сращение» трестированного капитала с правительственным аппаратом не достигло таких размеров, как именно в С. Штатах, что является только другой формой по сути того же процесса («хозяйство» поглощает и опутывает «государство» больше, чем оно поглощается государством). Заметим, во-вторых, что ни в какой другой стране мы не встречаем таких колоссальных схем непосредственного вмешательства государства в хозяйственную жизнь, как напр., известный законопроект Мак Нэри-Хауген, отстаиваемый представителями аграрных интересов, нигде регулирование экономической жизни не достигло столь быстро громадных размеров, хотя и протекая согласно со всей конвенциональной американской экономической и государственной доктриной более всего в форме того, что в внешне-политической практике Штатов получило благозвучное наименование «обязывающих внушений». Все эти факты в значительной степени «компенсируют» собою отсутствующие формы высоко развитого государственного капитализма в узком смысле слова.

Другого типа «компенсации» мы можем наблюдать в Англии, — явление, невозможное для бесколониальных стран, как Германия: это — непосредственнейшее регулирование важнейших отраслей колониального сырьевого производства и прямое участие государства в крупнейших колониальных предприятиях. Примером первого может служить контингентирование производства каучука, примером второго—решающее участие государства в таком колоссальном нефтяном предприятии, как *Англо-Першен*. В ответ на запрос в парламенте в марте 1920 г. сэр Гринвуд ответил, согласно официальному отчету, что «государство является господствующим интересантом в Англо-Персидской компании, владея *двумя третями акций помимо облигаций*». Конечно, «государство не вмешивается в коммерческий распорядок компании и не станет вмешиваться, разве если бы, *что разумеется никогда не случится*, эти распорядки очутились в противоречии с интересами Британской Империи»... Этот общеизвестный (хотя почему-то не упоминаемый либеральным меморандумом) факт теснейшего «сращения» государства с самым боевым, нефтяным, капиталом представляет собой, без сомнения, образчик доподлиннейшего «госкапитализма».

Авторы либерального меморандума, пытаясь провести точный подсчет всем «публичным концернам» (к которым меморандумом отнесены не только предприятия и всякого вида имущество государства и органов самоуправления, но и все виды предприятий с ограниченной частнохозяйственной инициативой: стало быть, рядом с предприятиями военного министерства, доками, портовыми учреждениями, системой путей сухопутных и водных и т. п., также и всякого вида кооперативные общества, концессионированные парламентскими актами общества по снабжению водою, газом, электричеством, железные дороги, имущество университетов, школ, благотворительных предприятий и т. п.),—поражены сами достигнутыми т. о. результатами.

Представляя каталог «разного типа обобществленных, полуобобществленных и других регулируемых государством предприятий», авторы меморандума предупреждают: «мы думаем, большинство читателей будет изумлено величиною, значительностью и пропорцией той доли всего национального капитала, которая уже контролируется этими предприятиями» (стр. 66). Общую сумму этой доли определяет меморандум в 4 *миллиарда фунтов* и приходит к выводу, что в этой цифре представлено «по меньшей мере ⅔ того, что можно было бы назвать крупными предприятиями («large scale undertakings») страны» (стр. 74—5).

Либеральный «каталог» составлен, как видим, весьма «либерально», т.-е. широко: слишком очевидно, что имущество школ, университетов, благо-

творительных учреждений и даже коопераций и т. п. не играет той роли в общей системе национального хозяйства, что крупнопромышленные фабричные предприятия, и что тут попали в общий котел слишком разнородные величины; как ясно и то, что терминология «обобществление» и «полуобобществление» здесь употреблена более чем вольно. Меморандум обнимает все перечисленные явления развития публично- правовой собственности и регулирующего контроля термином «государственный социализм». Гораздо точнее, конечно, было бы говорить о «государственном капитализме», и с развитием этого-то явления в разной форме—как в форме роста непосредственно предпринимательских функций государства и органов самоуправления, так и переплетания самых разнообразных видов регулирования и контроля, смешанного управления и т. п. — мы здесь, без сомнения, имеем дело. Некоторые из «общественных предприятий» (в точном смысле этого слова) представляют собой и в Англии колоссальные хозяйственные единицы. Только 20 из общего числа 177 портовых учреждений, управляемых самостоятельными органами не на началах прибыльности, представляют собой капитал приблизительно в миллиард рублей (100 милл. фунтов). Метрополитен Уотер Борд погашает из поступлений капитал в 53 милл. фунтов и т. п.

Особую главу представляет собою в этой области строительство жилых помещений при финансовом участии государства и органов самоуправления. Это строительство не только в Германии, но и в Англии достигло небывалых размеров. За последние несколько лет выстроено было в Англии около миллиона новых жилых построек, из чего приблизительно половина при участии государства. Только в одном прошлом году было выстроено по официальным данным свыше четверти миллиона новых домов (272.000), из чего 153.779 при участии государства [1]). Но в еще гораздо большей степени, чем в Англии, строительство перешло в Германии в руки публично-правовых органов. Значение этого одного факта просто огромно. «Годичный оборот немецкого строительного промысла, — пишет Г. Штольпер [2]) — достигал до войны цифры 6 миллиардов марок, из чего почти половина уходила на постройку жилых помещений. И преобладающая доля промышленных построек входит ныне наверно в сферу деятельности публично-правовых органов (электрические, газовые и т. п. предприятия). Это нам дает представление о том, что обозначает собою подчинение строительной деятельности общественно-хозяйственному влиянию. Одно это обозначает распоряжение одной восьмой частью национального дохода».

Менее всего проникли публично-правовые органы в Англии (в отличие от Германии) непосредственно в сферу банковской деятельности. Но тем характернее, что достаточно было успешной деятельности сберегательного банка, основанного в 1919 г. городом Бирмингамом, чтобы вызвать значительную враждебность заинтересованных кругов к муниципальным банкам. Назначенный в 1926 г. казначейством Комитет для исследования вопроса с лордом Бредбэри во главе, как и следовало ожидать, высказался решительно против муниципальных банков, как представляющих настоящую опасность для национального кредита.

---

[1]) Точные данные о жилых постройках, воздвигнутых с помощью государства (в круглых цифрах): в 1919 (строительном) году—715, 1920 г.—28.000, 1922 г.—101.000, 1923 г.—67.000, 1924 г.—18.000, 1925 г.—67.000, 1926 г.—106.000, 1927 г.—153.000 («Таймс», 10 ноября 1927 г.).

[2]) «Das deutsche Wirtschaftsproblem», 1918 г., стр. 20—21.—Согласно английской либеральной записке английские «Строительные общества», работающие еще на основе старых, довоенных законов, обращают около 10% общей суммы национальных сбережений.

Все же настоящим отечеством государственного капитализма в его непосредственной форме (предпринимательской деятельности государства) остается Германия: точно так же, как нигде мы не наблюдаем столь развитой и громко выступающей враждебности против всякого расширения хозяйственных функций государства и органов самоуправления, как во Франции, где централизованное государство, представляемое всесильной бюрократией, давно задавило развитие современного местного самоуправления, чтобы самому тем основательнее стушеваться перед наглыми притязаниями «частной инициативы», выступавшей после войны во всеоружии сорганизованности и перехватившей у государства полударом колоссальные богатства «воссоединенной» Лотарингии. Наоборот, в Германии капиталистическая деятельность государства с самого момента восстановления хозяйства после инфляционной катастрофы разрастается. «Мы видим с половины 1924 г. сильный прирост публично-правовых и полупублично-правовых хозяйственных предприятий. Эти предприятия охватывают все области хозяйственной деятельности: производство товаров и распределение, банковое дело и транспорт» [1]).

Перечисление даже более крупных предприятий, находящихся полностью или частично в руках государства («Райха» и союзных государств)—уже не говоря о городах—заняло бы здесь слишком много места. Весь соответствующий фактический материал подобран представителями частных крупнокапиталистических интересов Зогемейром в посвященном этому вопросу труде и Ютзи в докладе о «Государственном социализме и частном хозяйстве», заслушанном на заседании главной комиссии союза германских промышленников [2]). Пользуясь собранным в упомянутых работах материалом, укажем здесь только на основные факты. Итак, одно прусское государство владеет в общей сложности 31 рудниками и металлургическими заводами (в том числе угольными, железными серебряными, калиевыми копями, и т. п.). Следуя современным хозяйственным методам, в 1923 г. государство об'единяет большинство разнородных предприятий в отдельную акционерную компанию (сокращено «Preussag»), которая в первом же году своего существования выплачивает в государственную кассу 1 млн. дохода. Невошедшие в состав «Preussag'а» предприятия об'единены были впоследствии в другую акционерную компанию (т. н. Recklinghauser Bergwerksgesellschaft) с акционерным капиталом (находящимся полностью в руках государства) в 57 млн. марок и громадною земельною собственностью, превышающей 20 тысяч гектаров. Наконец, третье громадное предприятие прусского государства — Hibernia Bergwerksgesellschaft — располагает также акционерным капиталом в 56 млн. марок. О величине же этих предприятий свидетельствует тот факт, что обе последние акционерные компании располагают в угольном синдикате квотой в 12.833.000 тонн. Следуя и здесь классическим частнокапиталистическим прецедентам, прусское государство совместно с общесоюзным государством пользуется впоследствии трудностями, в которых очутился известный концерн Штумма, чтобы обеспечить себе опцию на принадлежащие к концерну громадные рудники. И точно так же Пруссия пользуется крахом концерна Штиннеса, чтобы закрепить за собою 12 млн. акций крупнейшего электрического предприятия всей Западной Германии «Рейнско-Вестфальских электрических заводов». Попытка таким же методом овладеть двумя третями акционерного капитала известного громадного

---

[1]) Deutsche Wirtschafts-und Finanzpolitik (Записка «Reichsverband'a»).

[2]) D-r M. Sogemeier. D. öffentliche Hand in d. privaten Wirtschaft. Berlin 1927. и Veröffentlichungen d. Reichsverbandes d. deutschen Industrie. Heft 30. April 1926. «Staatssozialismus und Privatwirtschaft» von W. Jutzi и т. д. И «верхушечные организации» промышленности, торговли, банков, страховых предприятий и т. п. посвятили этому вопросу в ноябре 1926 г. целое об'единенное заседание, протоколы которого опубликованы.

силезского предприятия «Наследники Гише» и этим обеспечить государству монопольное добывание и производство цинка, сорвалась только потому, что счастливым соперником выступили в данном случае американцы в лице Гарримана.

Прусское государство об'единяет в акц. компанию крупные портовые сооружения в Эмдене, Дуисбурге, Штеттине. Оно систематически стремится усилить свое влияние на водный транспрот угля, приобретая большинство акций «Rhein und Seeschiffartsgesellschaft», «Strom. Kohlen-und Lagergesellschaft» и т. п.

Стремясь создать широкую базу для своей хозяйственной деятельности, прусское правительство в конце 1925 г. вносит в ландтаг (видоизмененный впоследствии) законопроект, предоставляющий ему в самой общей форме право составить себе путем кредита фонд в 150 миллионов на хозяйственные цели.

Примеру прусского государства следуют и другие союзные государства. Саксония создала себе для этой цели своеобразный центральный институт в виде т. н. «Зэксише Верке» (акц. комп.), об'единяющих 18 акц. компаний самого разнообразного типа, как-то: электрических и газовых заводов, предприятий по торговле углем и строительными материалами, электротехнических заводов, и т. п. Рядом с «Зэксише Верке» другой центральный институт т. н. «Kraftverkehr-Freistaat Sachsen A. G.» об'единяет 25 предприятий преимущественно по транспорту.

Но, без сомнения, дальше всех в этом направлении пошло общесоюзное государство. Сохранение в своих руках крупного военного наследия и преобразование его согласно опыту и методам современной частнокапиталистической практики уже силою вещей толкало государство на дальнейшие приобретения и в общем и целом привело к громадной организационной и реорганизаторской работе. Образованный по классическому типу «Хольдинг-Компани» центральный об'единительный институт «А. К. Об'единенные Промышленные Предприятия» (т. н.—сокращенно—«Виаг») охватывает целые десятки крупнейших предприятий, разнородность которых не может не поражать. Сюда вошли при образовании «Виага» и колоссальные предприятия. «Deutsche Werke» и ряд электрических предприятий, заводов, вырабатывающих азот, бумажных фабрик, холодильников, алюминиевых заводов, рыболовных предприятий, ортопедических заводов, машиностроительных, автомобильных, химических и т. д., и т. п. Точно так же, как Пруссия пыталась закрепить за собой монопольное производство цинка, обеспечило себе союзное государство решающее влияние на производство алюминия. Оно производит и медь в Вестфалии, участвует и в иностранных предприятиях по производству боксита. Одно перечисление всех тех предприятий, которые полностью являются собственностью государства, и тех, в которых оно участвует, заняло бы целые страницы.

При этом отличительным признаком этой громадной предпринимательской деятельности государства является то, что эта деятельность финансируется государством самостоятельно, не только при помощи располагаемых государством общих ресурсов и таких крупных государственных банковских учреждений, как прусская «Seehandlung», но и специально созданных для этой цели кредитных институтов, как «Райхскредит Гезельшафт». Выйдя из лона статистического бюро казначейства, это учреждение постепенно превратилось в мощный банковский институт, все определеннее выступающий открытым соперником частных банков (портфель векселей «Райхскредитгезельшафт» к концу 1927 г. превысил 3 миллиарда марок. За этот же год Общество выплатило дивиденда свыше 3 млн. марок, т.-е. только немногим меньше половины выплаченной таким, напр., мощным институтом, как Дармштедтер унд Националь Банк).

Но, без сомнения, сферой максимального развития госкапитализма стало производство электрической энергии. Здесь идет буквально буйный расцвет непосредственнейшей, активной и по своим формам даже нередко агрессивной хозяйственной деятельности органов государства и самоуправления. На последнем заседании общества Сименс-Хальске председатель наблюдательного комитета фон-Сименс заявил, что по последним исчислениям 75% всей электрической энергии, потребляемой в Германии, производится электростанциями, находящимися в руках государства, коммунальных об'единений или смешанных предприятий. По другим данным из 2.669 немецких электрических предприятий с собственными силовыми установками 1.920 электростанций с мощностью в 3,5 млн. киловатт находились в 1926 г. в руках частных или смешанных предприятий, 779 электростанций с мощностью в 2,6 млн. киловатт находились в руках публичных органов [1]). Из этого во всяком случае видно, что государство и коммуны располагали как раз более мощными и современными станциями.

Подобного развития в количественном отношении мы не наблюдаем ни в одной другой крупной стране. В Соед. Штатах при всем их колоссальном развитии электрического хозяйства не более каких-нибудь 5% общей мощности всех электростанций выпадает на долю государственных и коммунальных предприятий. Но рост вмешательства государства, как регулирующего и планирующего фактора, наблюдается более или менее везде. Английский электрический билль 1926 г., предоставляющий государству широчайшие права и навлекший на его авторов обвинение в «социалистическом» уклоне, составил в этом отношении в Англии историческую грань. Вмешательство публичных органов в этой области достигло, без сомнения, высших пределов. Значение этого может быть оценено, если вспомнить, что как раз эта отрасль капиталистического хозяйства находится в периоде буйного расцвета: по данным, представленным организациями промышленников международной экономической конференции, производство изделий электротехнической индустрии по сравнению с довоенным периодом удвоилось, производство же электрического тока превысило в три и в четыре раза довоенные нормы [2]).

В настоящий момент в Германии идет упорная борьба городов с рурско-вестфальской промышленностью, стремящейся концентрировать в своих руках производство и распределение газа во всей стране путем широчайшей системы дальней передачи.

Все это вместе взятое позволяет отдельным германским публицистам утверждать, что центр тяжести как раз современнейшей и решающей отрасли хозяйства, а именно энергетического хозяйства постепенно передвигается в сторону публично-правовых органов [3]).

Укажем, наконец, и на тот факт, что и тот поток иностранного капитала, который, как ниловый ил, восстановляет плодотворность германского национального хозяйства, в значительной степени ответвляется в русло государственных и коммунальных органов и только через этот канал попадает на равнины «хозяйства». По недавнему утверждению президента Рейхсбанка Шахта из общей суммы 5½ миллиардов долгосрочных иностранных займов, только 2½ миллиарда выпадает полностью на долю частного хозяйства, остальные же 3 миллиарда—на долю публичных органов, в том

¹) G. Dehne. D. deutsche Elektrizitätswirtschaft. 1926. Стр. 65.
²) Industrie Electrotechnique. Стр. 21.
³) G. Stolper. D. deutsche Wirtschaftsproblem. Стр. 22.

числе целых 1.300 млн. на долю отдельных союзных государств, коммун и коммунальных союзов [1]).

Мы здесь все время не отличали органов самоуправления от государства в строгом смысле этого слова: мы увидим ниже, что это существенное само по себе различение может иметь здесь для нас только относительное значение.

До сих пор мы имели дело с явлениями госкапитализма в самом прямом смысле. Но при всем их развитии в отдельных странах эти явления, без сомнения, уступают по своему значению регулирующим функциям современного государства, получившим более универсальное распространение.

в) Рост регулирующих функций государства. Источники государственного капитализма.

И в этой области непрямого, косвенного государственного капитализма, буквально, трудно было бы перечислить все сферы деятельности государства. И здесь развитие после окончания войны в общем и целом не получило обратного направления. И не могло его получить. Ибо и здесь мы имеем дело с более глубоким, неизбежным историческим процессом, связанным со всем существом, со всей природой послевоенного капитализма. Может быть в еще большей степени, чем в сфере явлений госкапитализма в узком смысле этого слова, мы имеем здесь дело с двумя основными фактами, толкающими развитие в указанном направлении.

Это, прежде всего, растущая неспособность частнохозяйственных сил, несмотря на все их развитие и концентрацию, справиться с безнадежно нагромоздившимися трудностями и противоречиями развития—«собственными силами», т.-е. без помощи прямого вмешательства государства. Это, нам об'ясняет, почему (мы к этому еще вернемся ниже) и само отношение руководящих частнокапиталистических кругов к этому неудержимому процессу роста регулирующих функций государства столь внутренне противоречиво; почему эти круги, не уставая ругаться по поводу перероста этих функций государства, в то же время сами не перестают искать помощи себе во вмешательстве государства.

Это—один факт, факт нисколько не преходящего характера, ибо он связан со всем хронически кризисным состоянием капитализма нашей эпохи.

Второй факт, другого и в некотором смысле даже противоположного характера — это рост социально-классовых затруднений, на которые наталкивается послевоенный капитализм, и то многое, что в этой области осталось от наследия первой полуреволюционной послевоенной эпохи. С одной стороны, рабочие массы уже нельзя, несмотря на поражение революции, отбросить целиком в прежнее предвоенное состояние. От военного и первого революционного периода остались в организме капиталистического государства обломки и осколки разных завоеваний пролетариата. Остались и разные полубонапартистские легенды и мифы, вошедшие в официальную доктрину, в неписанную конституцию капиталистического государства, легенды и мифы, согласно которым это государство «обязано» всем слоям населения при всех условиях обеспечивать некоторый сносный уровень жизни, некоторый жизненный минимум. Это «патерналистическое» учение свелось отчасти к прямому и грубому обману масс, но отчасти оно продолжает обременять капиталистическое государство, осложняя его движение. На практике же оно должно было найти свое выражение в целом ряде конкретных явлений, в частности, в разных формах обеспечения и поддержки безработных, но прежде всего в том самом общем факте, что послевоенному государству пришлось до некоторой степени заменить, дополнить частного предпринимателя для обеспечения рабочему классу не то, что более высокого, но даже и предвоенного— или не слишком отстающего от предвоенного уровня жизни. Жизненный уровень масс еле-еле держится на довоенном уровне (или отстает от него), даже консервативнейшие английские статистики (Баули, Стэмп) признают, что распределение национального дохода не изменилось в пользу неимущих классов, т.-е. что классовые противоречия скорее углубились; но внутренняя структура пролетарского дохода изменилась за счет зарплаты в пользу всяких социальных поступлений, обеспечиваемых так или иначе государством, — обстоятельство немалого значения, к которому мы еще вернемся ниже.

Это—с одной стороны. С другой стороны, в критические моменты, когда почва горит под ногами, капиталистические слои сугубо довольны, что государство становится тем органом, который, пусть временно и поступаясь кое-чем за их счет, все же спасает основное, т.-е. их существование и господствующую роль. И даже всякое сколько-нибудь крупное колебание, зигзаг политической и хозяйственной кон'юнктуры меняет их отношение к этой стороне деятельности государства: они то скрываются за ширму «патриархального» государства, то бешено атакуют развитие этой «патриархальщины». И все это вместе взятое точно так же определяет собою неустойчивость, двойственность, внутреннюю противоречивость отношения капиталистических классов к росту регулирующих функций послевоенного государства (о чем нам придется еще говорить по существу).

Вот, грубо говоря, основные исторические источники роста этих форм госкапитализма в хозяйственной и социально-хозяйственной области.

Рефрен о переросте этих функций государства вошел, буквально, в железный фонд «стабилизационной» идеологии капитализма. Мы слышим этот рефрен каждый день во Франции, он раздавался особенно громко в 1926 г. в Англии в момент, когда вспыхнула великая борьба между горняками и угольными магнатами, требовавшими, чтобы государство, наконец, устранилось, оставляя борющиеся стороны одними на поле брани; этот рефрен повторяется во всяком публичном выступлении крупнокапиталистических кругов в Германии. В обратившем на себя всеобщее внимание последнем годичном отчете самого подвижного и современного из германских крупных банков—Дармштедтер унд Националь Банк—мы читаем:

> «Государство, как высшее авторитетное место, не должо бы покидать своего об'ективного поста, с высоты которого ему приходится наблюдать за всем ходом событий. Между тем оно все более и более стало вмешиваться в этот естественный процесс развития и в растущей степени превращается в определяющий фактор нашей хозяйственной жизни. Оно фиксирует

[1]) D-r Schacht. Eigene oder geborgte Währung. Стр. 20.

высоту квартирной платы, руководит строительством домов, диктует цены на уголь, железо, калий, ведет само предприятия огромнейшего масштаба, расширяет в возрастающей степени свою деятельность на банковое и кредитное дело, взимает налоги не только с дохода, но и с самой субстанции и с некоего центрального места определяет диктаторски заработную плату и продолжительность рабочего дня».

Но и здесь благоразумно не перечислены все те категории возросшего государственного вмешательства, которые при всех колебаниях послевоенной хозяйственной и политической кон'юнктуры желательны крупному капиталу: в широчайшей сфере всякого протекционизма, всех видов прямой и косвенной поддержки, оказываемой государством промышленности и сельскому хозяйству. Между тем никогда еще попечительная деятельность государства в этой именно области не доходила в современную эпоху до таких размеров.

В частности, сельское хозяйство в таких странах, как Германия, отчасти и Франция, Англия, Соед. Штаты, буквально забрасывает государство — и как мы знаем, отнюдь не без успеха! — требованиями всякой непосредственной поддержки в виде круто повышаемых охранительных ставок, политики «держания цен», организации органов, контингентирующих производство, попечительных кредитов, прямых субвенций и т. п.

При чем характерная вещь: эти домогания капиталистического сельского хозяйства в ряде стран (прежде всего во Франции и Германии) активно поддерживаются не только крупной индустрией, но на этот раз даже и банками — в значительной степени по чисто социальным мотивам реакционного характера [1]).

И если, скажем, германские промышленники в конце 1925 г., когда британское правительство решило субвенционировать из государственных средств угольную промышленность, подняли столь «принципиальный» крик против всякой политики субвенций, как противоречащей «естественной игре международных хозяйственных сил», то эти вопли не могли заглушить того факта, что волею истории как раз Германия стала классической страной субвенционированного капитализма. Если уж и не упоминать о таких ярких случаях, как неожиданно всплывший наружу факт выплаты рурским магнатам почти миллиардной субвенции «теплой рукой» вне парламентского контроля, в возмещение убытков по оккупации, то и вся практика версальского договора и репараций по прежним схемам и по дауэсовской схеме, вся практика возмещения убытков, платежей по поставкам натурою и т. п. привела в колоссальном масштабе к совершенно необычным формам близости между ресурсами государства и частнокапиталистическим государством. На трудно контролируемых возмещениях со стороны государства выросли целые мощные отрасли промышленности, как напр., океанские пароходные предприятия (Гамбург—Америка и т. п.) [2]). И к чему свелась вся политика инфляции, если не к одной сплошной колоссальной субвенции, выплаченной при посредстве государства крупной и крупнейшей индустрии за счет промежуточных слоев и пролетариата? Государство максимально субвенционировало промышленность, как раз в тот период, когда оно само было максимально обездолено и финансово бессильно: государство превратилось в тот момент в руках верхушечных слоев промышленного капитала в крупнейшее орудие перемещения национального богатства. Именно при помощи государства была спасена (и даже значительно расширена) вся промышленно-капиталистическая арматура страны за счет неимущих и средних классов.

[1]) Тот самый г. Якоб Гольдшмидт в упомянутом годичном отчете «Д. унд Н. Банка» распинается за интересы «сельского хозяйства», как «равноценного (?!) фактора нашего (т.-е. германского) хозяйственного развития».

[2]) Практика многомиллиардных возмещений во Франции, позволивших отстроить разрушенные департаменты и обеспечивших французской промышленности на целые годы совершенно фантастические монопольные возможности, как известно, несмотря на все попытки легонько приподнять завесу, осталась окутанной густым покровом спасательной тайны!

г) Роль денежной политики государства и эмиссионных банков.

Но инфляция была только преходящим периодом. С прекращением инфляции колоссальная роль денежно-кредитной политики государства не закончилась. Она только вошла в новую фазу. Можно без преувеличения сказать, что ни в какой другой области современное капиталистическое государство не приобрело столь несравненного влияния на весь ход хозяйственной жизни, на кривую цен, на все развитие хозяйственной кон'юнктуры и—прямо и косвенно—на весь жизненный уровень масс, на степень развития или регресса безработицы и, стало быть, в некоторой мере и на степень напряжения непосредственных классовых антагонизмов,—как именно сквозь механизм и ресурсы своей денежно-кредитной политики. С современным влиянием государства в этой области буквально не может итти в сравнение ничто знакомое нам по довоенной эпохе капитализма. Мировое (прежде всего европейское) оскудение капиталами, соответствующе возросший спрос на кредит, неслыханно выросшая неравномерность в распределении капитала между отдельными странами, концентрация золота в руках государства,—все это должно было обеспечить беспримерную силу и влияние органам денежно-кредитной политики современных капиталистических правительств. Влияние этой политики и проводящих ее органов стало и всеоб'емлющим (по радиусу своего действия) и вместе с тем сплошь и рядом более утонченным, менее заметным, даже просто—конспиративным.

В общем же факты в этой области слишком общеизвестны, чтобы на них приходилось подробнее останавливаться. Достаточно вспомнить политику возвращения к золотому стандарту в Англии, политику регулирования мировых цен директорами Федераль Резерв Борд, действующими под непосредственным контролем правительственных мест, чтобы представить себе все безмерие этого влияния, о котором в этом масштабе прежним банальным мастерам искусства повышения и понижения учетной нормы и во сне не снилось. Заметно и незаметно государство через свои прямые и косвенные органы влияет на развитие цен, определяет темп биржевой спекуляции, рационирует кредит, то закрывает, то открывает широко доступ иностранному кредиту в страну, то поощряет кредит органов самоуправления (и стало быть их хозяйственную деятельность), то простирает над ними свою карательную руку, то незаметно повышает, то сбивает реальную заработную плату и т. п.

Этим мы, конечно, не желаем сказать, что государство руководится при этом только своими собственными импульсами. Наоборот, все зигзаги этой политики являются только отражением не всегда прозрачных законов современной капиталистической стихии с ее дикими внутренними противоречиями. И точно так же ни в какой другой области рентнерско-финан-

совый капитал не проводил и не проводит столь непосредственно своей политики, как именно через посредство денежно-кредитной политики государства и его органов. *Здесь гегемония международного финансового капитала находит свое главное орудие и свое самое яркое выражение*. Эпоха инфляции эту гегемонию временно заслонила и затмила. Денежно-кредитная политика государства в период дефляции ее торжественно реабилитировала и восстановила. Это верно, прежде всего, по отношению к основным странам вывоза капитала— Англии и Соед. Штатам Сев. Америки. Здесь теснее всего произошло *сращение между государственной машиной* и—как их называют в Соед. Штатах—«*Международными банкирами*». Превалированию интересов финансового капитала не смогли помешать протесты промышленников против слишком крутых методов дефляции (в Англии), ни против слишком грубых приемов рационирования и дороговизны кредита (Германия), ни против жертвования некоторыми местными интересами в пользу более высоких, международных интересов финансового капитала (Соед. Штаты).

Здесь к месту будет упомянуть о *необычайно возросшей роли центральных эмиссионных банков*, являющихся тем стыком, где непосредственнее всего происходит «смычка» между государством и частным банковским капиталом. «Самостоятельность» эмиссионных банков там, где она (как в Англии, или в Германии с 1924 г.) признана, является юридической фикцией; в той же мере, в какой она фикцией не является, эта «самостоятельность» обозначает усиление влияния частного финансового капитала на всю политику банка. Навязанная Германии вместе с дауэсовским планом «независимость» Райхсбанка от государства обозначает вдобавок усиление его зависимости от *международного* финансового капитала и от других государств, сверх германского. Ни в одной же из современных крупных стран центральный эмиссионный банк не спаян так непосредственно с государством, с одной стороны, и со всей системой крупнейших частных банков, с другой, как в метрополии современного финансового капитала—в Соед. Штатах (где, как известно, и формально министр казначейства является ex officio членом правления банка, и где т. н. «губернатор» банка назначается президентом).

Между тем, как раз *роль этих высших органов «смычки» между финансовым капиталом и «демократическим» государством замечательно выросла в новейшую фазу послевоенной эпохи*.

Они являются основными проводниками получившей столь огромное значение денежной политики. Когда нужно, *они* почти открыто шантажируют кратковременные «левые» правительства (как это было с правительством Эррио весною 1925 г.) и т. п.

Руководители основных эмиссионных банков организуются в последнее время в своеобразную международную корпорацию, в банковский триумвират или кваттуорвират, конференции которого окружены гораздо меньшим шумом, чем конференции иностранных министров, но наверное имеют неменьшее значение. Восседая на ящиках с золотом Федерального банка, г. Стронг, в сотрудничестве с своими младшими сотоварищами (и прежде всего с своим британским коллегою) или без таковых, «регулирует» международное движение золота, международное развитие учетной нормы, долгосрочного и краткосрочного кредита, повышает и сбивает уровень мировых цен, или «стабилизует» их, определяет «дождь и погоду» международной хозяйственной кон'юнктуры. Хотя власть его в этом отношении, конечно,

не вполне «абсолютная» [1]) (капитализм, к несчастью для этих господ, не знает ничего абсолютного), все же подобных степеней власти и влияния еще не знала история капитализма. В только-что вышедшей книге о центральных банках, снабженной напутствием «губернатора» британского банка Монтэгю Нормана (и уже заключающей целую главу о «Кооперации центральных банков»), мы можем прочесть на этот счет следующие красочные строки:

> «Т. н. автоматический характер золотого стандарта, был всегда и в довоенный период подвержен существенным оговоркам. Но со времени его всеобщего восстановления после происшедшего после войны краха валют, золотой стандарт стал окончательно «манипулированным» стандартом в руках руководящих центральных банков. Та доля участия, которая может быть приобретена этими банками путем их здоровой политики и всемирного их сотрудничества в деле создания и сохранения стабильных условий для промышленности и для труда— громадна. *Эта власть стоит на втором месте разве только по сравнению с властью правительств в широчайшем смысле этого слова*, властью, которая сообразно с принимаемым ею направлением действует на благо или во вред целых обществ» [2]).

Таким образом, гг. «президенты» и «губернаторы» эмиссионных банков являлись бы (согласно авторам упомянутого труда) чем-то в роде параллельных правительств, и г. Стронг, «возглавляющий» эту весьма немногочисленную компанию, по сути, являлся бы и сам по себе чем-то в роде даже международного «правительства»: не обозначал ли бы этот факт некоторого нововведения в реальной, неписанной конституции современной «демократии»?

д) Государство и рента. „Сращение" с депозитными банками.

В общей системе явлений, о которых шла выше речь, обратим внимание на одно частное немаловажное явление, которое одно время несколько исчезало от нас за туманом инфляции. Это — *возросшая близость между современным капиталистическим государством и рентой*. Основной факт в этой области тот, что за время войны и первые годы после войны *существенно видоизменилась, так сказать, внутренняя структура ренты*. Все основные воюющие европейские страны были вынуждены освободиться от крупнейших частей своего рентнерского богатства, основанного на долголетнем вывозе капитала, т.-е. от ренты, обеспеченной доходом от других стран [3]), и в то же время в еще большей степени вырастали всякие формы ренты, основанные на внутренней задолженности, т.-е. ренты, обеспечивае-

---

[1]) Когда в 1926 г. некий другой г. Стронг, член Палаты, вздумал было предложить билль, возлагающий на Федеральный Банк *формальную* обязанность обеспечения стабильности цен, то Говернору Стронгу пришлось об'яснить своему уже совсем увлекшемуся тезке, что его предложение повело бы, будь оно осуществлено, к недоразумениям, поскольку возможность федеральной системы влиять на цены все же «*не абсолютна, но подвержена некоторым существенным ограничениям*»...

[2]) C. K. Kisch and W. A. Elkin. «Central Banks». London. 1928. Стр. 153.

[3]) Согласно разным вычислениям *Англия* потеряла целую *четвертую часть* — около 5 миллиардов долларов — своих заграничных помещений Еще несравненно сильнее пострадала *Франция*, одни русские, турецкие и болгарские долги которой составляли немногим меньше половины всей суммы ее внешних помещений, исчислявшейся в 1914 г. цифрой приблизительно в 8 миллиардов долларов.

мой государством. Революция в России и Турции нанесла дальнейшие удары старым формам «заграничной» ренты. В результате, в небывалых до сих пор степенях рента приобрела форму государственных обязательств. Карман податеплательщиков стал основным источником ренты, и государство—основным насосом, выкачивающим ренту из этого источника. Пример Франции в этом отношении самый яркий. Но и в Англии произошли крупные и прочные изменения. Боули и Стэмп высчитывают, что доход, получаемый Англией из-за границы представляет в настоящий момент около 5% всего национального дохода страны, тогда как до войны эта доля составляла около 9 или 10% [1]), т.-е., другими словами, значение этой категории дохода уменьшилось приблизительно вдвое. В это самое время внутренняя задолженность, т.-е. государственная рента, выросла, как ни в какой другой стране, поглощая свыше одной трети (около 38%) всего национального бюджета и представляя выше 7% (по вычислениям тех же статистиков, как и Комитета Кольвина) всего национального дохода.

Иначе говоря, из года в год государство перекачивает из кармана податеплательщиков в карман обладателей ренты свыше 7% всего дохода страны, для чего использует почти 40% всех государственных поступлений!

Пользуясь цифрами Боули и Стэмпа, изменившееся внутреннее соотношение различных частей ренты можно бы представить следующим образом: в 1911 г. общая доля всякого типа «unearned income» представляла 24½% всего национального дохода страны, в этой сумме около 9 или 10% составляла доля дохода из-за границы, а остальное, т.-е. 14 или 15½%, доход, черпаемый из самой страны; в 1924 г. эта же общая доля исчислялась в общем уменьшенной цифрой 22%, но в этой общей цифре доля, так сказать, «заграничной» ренты представлена только 5%, тогда как доля «внутренней» ренты—17%. 10 и 14½%, 5 и 17% — изменения в соотношении, во внутренней структуре ренты прямо громадные (об'ясняемые в немалой части и параллельно шедшим относительным ростом вложений в местную, т.-е. национальную промышленность)!

Из этого ясно, какую роль играет современное государство для рентнерского богатства, насколько оно «срощено» с государством. Всякие колебания денежной политики государства отражаются непосредственнейшим образом и в первую голову именно на ренте. Это дало государству громадную силу в руки, дало ему возможность определенно и систематически поддерживать и укреплять реакционные настроения и реакционные элементы в стране. Эпоха дефляции была эпохой реванша ренты в экономической и в политической области и совпала с периодом повсеместного торжества реакции. В своей политике ревалёризации Муссолини и Пуанкаре, без сомнения, больше считались с интересами ренты, чем это было желательно промышленности. В Англии же вся сплошь денежная политика с самого момента установления Комитета Кенляйфа была прежде всего политикой рентнерско-банковских интересов, с которою трудно мирилась промышленность в ее борьбе за сохранение высоких цен и за сокращение издержек. «Вторая трудность (хозяйственной проблемы Англии),—писал в 1922 г. Стэмп,—состоит в том, что страна видит, как ее зафиксированное бремя по оплате процентов и погашению долга становится все большей долей всего ее дохода и ресурсов» [2]). Согласно докладу, меньшинства комитета

[1]) The National Income. 1924. Oxford. 1927. Стр. 52.

[2]) Wealth and Taxable Capacity. 1922. Стр. 174. Почему автору (крупнейшему железнодорожному и финансовому деятелю) представлялось и «недиковинным», что в настоящее время имеются растущие круги общественного мнения, считающие, что дефляция является плохой политикой» (стр. 175).

Кольвина, целых две трети послевоенного долга были заключены, когда ценность фунта была ниже, чем впоследствии, когда по этим долгам пришлось государству расплачиваться. Но этому дальнейшему росту ренты, обеспечиваемой государством, как прямому результату дефляции не смело оказать сопротивления, несмотря на тайное и скрытое сопротивление промышленности, ни одно британское правительство. Тут от Сноудена до Черчилля все были единодушны: рента должна была оставаться доминирующим началом британской финансовой политики [1]). Рента и государство «срастались» в степенях, каких не знала довоенная эпоха.

По этой же линии должно было прогрессировать «срастание» между современным государством и депозитными банками, как основными носителями ренты и ближайшими проводниками заемно-кредитной политики государства. В эпоху войны и первые послевоенные годы, когда политика крупных займов еще продолжала процветать, эти банки стали просто подсобными органами государства. Сотрудничество государства с этими банками достигло тогда высших пределов. Колоссальные количества государственных бумаг должны были при этом так или иначе застревать в портфелях банков, обостряя в них интерес к сохранению максимальной ценности за этими бумагами и побуждая их в соответствующем направлении нажимать на государство. Вот для пояснения поучительнейшая цифра: Лейтон (редактор «Экономиста») показал перед комитетом Кольвина, что, по его подсчетам, из общей суммы государственных бумаг свыше 10%, именно 820 млн. фунтов находится в портфелях банков вместе с Банк оф Инглянд (не считая сберегательных банков! Совместно с последними — 1.275 млн.) [2]). Громадность этой цифры станет ясной, если вспомнить, что вся сумма предвоенной задолженности Англии составляла меньшую цифру—656 млн. фунтов,— чем та, которая ныне числится в активе банков! Этот факт достаточно красноречиво говорит о заинтересованности банков в ренте и о их неизбежной близости, «сращении» с государством [3]).

---

[1]) Вопрос о значении ренты в британской экономической политике был в свое время очень интересно разработан тов. Варгой в статье, посвященной забастовке 1926 г.

[2]) Report of the Committee on National Debt and Taxation. Стр. 360.

[3]) К другим явлениям перерождения современного капиталистического государства — и прежде всего роста его влияния на весь жизненный уровень пролетарских масс (с чем неразрывно связано развитие современного реформизма)—мы вернемся в другой статье, и тогда уже перейдем к вопросу о том, что в этой связи произошло с буржуазно-демократической оболочкой этого перерождающегося капиталистического государства.

В. Григорьев.

Коллективизация советской деревни.

I. Два этапа коллективизации.

Подводя итоги десятилетнего строительства колхозов, нужно признать, что мы имеем за этот период два разных пути коллективизации. Первый путь заканчивается сейчас, второй начался позже первого, в значительной степени независимо от первого и по-настоящему разворачивается лишь теперь. Первый путь заключался и заключается в коллективизации вокруг национализированных фондов, второй путь лежит в об'единении крестьянских хозяйств вокруг инвентаря, в последовательном обобществлении отдельных функций крестьянского хозяйства, в последовательном перерастании крестьянского хозяйства, из индивидуального в товарищество по совместному пользованию инвентарем, затем в товарищество по совместной обработке земли, затем в артель, в коммуну.

Организация колхоза в первые годы революции представляла для крестьянских хозяйств лучшую форму освоения национализированных фондов.

По Северному Кавказу за все время возникло на национализированной земле 89,57% всех коммун и 68,78% артелей. В Орловской губернии колхозами получено бесплатно 40,4% всех имеющихся у них плугов, 84,2% сеялок, 89,3% уборочных машин, 69,2% молотилок и 55% зерноочистительных машин. Немалое количество колхозов было в те годы организовано случайными элементами — крестьянами, желающими спасти от реквизиции свой инвентарь, и рабочими, ушедшими в деревню с остановившихся фабрик. В московских колхозах в 1919 году рабочие составляли 72,7% всех членов.

Наличие случайных элементов рано или поздно должно было вызвать развал колхозов. Это и началось с момента устранения причин, толкавших эти случайные элементы в колхозы. Количество рабочих в московских колхозах сократилось с 72,7% в 1919 году до 32,2% в 1925 году.

В СССР без Украины колхозов было:

в 1921 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
14.732	8.469	8.802	7.161

Возобновление роста колхозов в 1924—25 годах стоит в связи с массовым освобождением национализированных фондов в связи с ликвидацией ряда совхозов.

К 1927 году нацфонды почти исчерпаны. Дальнейшее строительство колхозов вокруг нацфондов делается уже невозможным. Если бы коллективизация не нашла иных путей, ее будущее заключалось бы в распаде отдельных колхозов и замене их новыми, возможно, что лучшими, но в старых количественных пределах.

Но новый путь нашелся, и этот путь лежал в машинизации. Вся сумма нашей экономической политики в области машиноснабжения была таковой, что рост машинных товариществ мы получили громадный. А все обследования НК РКИ СССР прямо говорят о том, что установить твердую границу между машинным т-вом и т-вом по общественной обработке земли очень

трудно. Машинное т-во обычно на первых же шагах своей работы перерастает свой устав, превращается в т-во по общественной обработке земли. Невыгодность работы на тракторе со слабым конным инвентарем заставляет хозяйства озаботиться приобретением вслед за трактором специальных прицепных орудий к нему: тракторная молотилка, двадцатирядная сеялка, сенокосилка, жнейка, последовательно приобретаются и поступают в общественное владение. Нецелесообразность использования трактора на мелких работах по хозяйству толкает хозяйства к обобществлению некоторого количества рабочего скота. Создается крепкая техническая база кооперирующихся хозяйств. И кооперация проникает все глубже и глубже в корни крестьянских хозяйств. При пахоте невыгодны межи — межи сравниваются. Сначала они сравниваются только на время пахоты и восстанавливаются по паханному полю. Но приходит кооперативная сеялка, кооперативная жатка — и межи уже ни к чему. Делят снопы. Приобрели молотилку — переходят к дележке уже не снопов, а обмолоченного зерна и соломы, а уж на этой ступени внутрихозяйственные отношения переплетаются так, организация труда делается настолько стройной, что хозяйства отдельные теряются в общем хозяйстве. Возникает ряд общих расходов и работ: обучение тракториста-механика, приобретение нефтепродуктов, ремонт трактора и машин, возка копен, работа на общей молотилке, обучение счетовода, оплата союзного инструктора и пр. Обобществляются деньги и большая часть труда. И товарищество переходит к системе заработной платы, а потом и к полному обобществлению потребления. Так крестьянское хозяйство от тракторно-машинного товарищества, через товарищество по совместной обработке земли, через артель вырастает в коммуну.

Получается следующая *динамическая* схема коллективизации:

Степень коллективизации.	Что обобществлено.	Название организации.
Первая	Инвентарь.	Машинное товарищество или т-во по совместному пользованию рабочим скотом.
Вторая	Инвентарь и земля.	Товарищество по совместной обработке земли.
Третья	Все средства и процессы производства.	Сельскохозяйственная артель.
Четвертая	Все средства производства и процессы производства и потребления.	Сельскохозяйственная коммуна.

Балансовые данные о колхозах Ставропольского округа ясно показывают, что более полным формам колхозов соответствует и более полный переход к коллективизации. Если в коммунах обобществлены все средства, то в артелях 43,7% их, а в товариществах — 15,9%.

Обратимся к составу основных капиталов разных видов колхозов.

Основной капитал в среднем на одно товарищество по совместной обработке земли Ставропольского округа распределяется следующим образом:

	В индивидуальном пользовании.		В коллективном пользовании.	
	Сумма	%%	Сумма	%%
Живой инвентарь	3.885	50,6	116	5,4
Мертвый	763	9,9	1.987	93,3
Постройки	3.024	39,5	29	1,3
Всего:	7.672	100,0	2.132	100,0

В стоимости основных капиталов, находящихся в коллективном пользовании, главное место (93,3%) занимает мертвый инвентарь; в индивидуальном пользовании находится, главным образом, инвентарь живой (50,6%). В общем получается, что стержнем коллективизации оказывается мертвый инвентарь, вокруг которого группируются обобществленные постройки и рабочий скот. Выделяется общее самостоятельное хозяйство, при чем черты индивидуальных хозяйств еще сильны. Члены товарищества имеют свои постройки, свой рабочий скот, свой мертвый инвентарь.

Возьмем тот же вопрос в отношении артелей.

Основной капитал в среднем на одну артель Ставропольского округа:

	В индивидуальном пользовании.		В коллективном пользовании.	
	Сумма.	%%	Сумма.	%%
Живой инвентарь	1.273	54,2	1.092	32,3
Мертвый „	84	3,5	2.101	62,2
Постройки	998	42,3	186	5,5
Всего	2.355	100,0	3.379	100,0

Здесь тот же процесс, но более углубленный, тот же процесс, но ушедший в следующую стадию. Коллективное накопление пошло дальше, и доля мертвого инвентаря в составе основных капиталов, находящихся в коллективном пользовании, естественно понизилась за счет роста доли живого инвентаря. Но индивидуальные хозяйства остаются попрежнему индивидуальными. Питаемая коллективным производством артель живет индивидуальной жизнью маленьких потребительских, повидимому, семейных ячеек.

В коммунах индивидуальный сектор отсутствует и капиталы, целиком обобществленные, располагаются так:

Живой инвентарь.	Мертвый инвентарь.	Постройки.	Всего.
37,1%	36,5%	26,4%	100,0

Не трудно уловить несомненную связь с артелью. В артели, если мы сложим все средства (и индивидуального и коллективного пользования) получится такое распределение:

Живой инвентарь.	Мертвый инвентарь.	Постройки.	Всего
41,2%	38,2%	20,6%	100,0

Разница между коммуной и артелью здесь заключается лишь в том, что у артели повышенная доля живого инвентаря. Но, ведь, совершенно же ясно, что с обобществлением всех средств производства использование рабочего скота будет более целесообразным, количество его сократится, средства, в него вложенные, лягут в постройки, и строение капиталов артели будет таким же, какое характерно для коммун.

Таким образом, связь между разными степенями коллективизации несомненна.

Сумма основных средств в коммунах (18.552 руб. в среднем на коммуну) превышает даже общую сумму средств индивидуального и коллективного пользования в артелях (5.734 руб.) и в товариществах (9.803 руб.).

Сравнение данных 1921 года о формах колхозов с данными 1925 года показывает, как мы констатировали уже выше, сдвиг в сторону преобладающего возникновения простейших форм.

Займемся этим вопросом подробнее.

Сгруппируем колхозы СССР (без Украины и Крыма) по удельному весу отдельных форм, сопоставим изменения этого удельного веса и получим:

Изменения в процентном соотношении отдельных форм колхозов с 1921 г. по 1925 г.

Районы	Коммуны.	Артели.	Товарищества.
1. Северо-Западный	+ 4,09	– 2,61	— 1,48
2. Северо-Восточный	+ 3,81	+21,12	+24,34
3. Северо-Волжский	– 15,51	+ 5,82	+ 9,69
4. Нижне-Волжский	— 3,04	+33,94	+36,98
5. Центрально-Промыш.	+ 1,66	+ 3,92	— 5,58
6. Центрально-Земледельч.	+ 0,24	—24,31	+67,18
7. Западный	+ 0,97	— 6,10	+ 5,13
8. Вятско-Ветлужский	— 8,96	+ 4,45	+ 4,51
9. Северо-Кавказский	— 8,57	—53,21	+61,48
10. Уральский	—14,20	+11,00	+ 2,20
11. Киргизск. ССР	— 0,90	— 6,60	+ 7,20
12. Сибирь	—10,08	— 4,16	+ 5,71
Итого без Украины и Крыма	— 4,10	—15,80	+19,90

В основном здесь отразился процесс распада коммун, организовавшихся в исключительных условиях 1918—20 годов. Но наиболее характерно в этой таблице то, что коммуны прибавились лишь в районах наибольшего сосредоточения национализированных фондов в то время, как удельный вес товариществ повышается почти всюду, давая особенное увеличение в районах экстенсивного земледелия, куда за последние годы направлялась и основная работа по машинному и тракторному снабжению.

2. Коллективные хозяйства в системе с.-х. кооперации.

По данным Союза Союзов с.-х. кооперации по СССР без Украины удельный вес коллективных хозяйств представляется в следующем виде:

	На 1 октября 1925 г.	На 1 октября 1926 г.	На 1 января 1927 г.
Процент колхозов ко всему количеству первичных с.-х. кооперативов	21,3	19,1	19,3
Процент членов колхозов ко всему кооперированному населению	2,9	2,1	2,1

Таким образом, колхозы занимают около одной пятой всего количества первичных сельскохозяйственных кооперативов и об'единяют немного более двух процентов об'единенного с.-х. кооперацией населения.

В 1924 году они составляли 26,7% всех первичных кооперативов и об'единяли 8% кооперированного населения. В период 1921—23 годов колхозы являлись основным ядром с.-х. кооперации.

Таким образом, развитие сельскохозяйственной кооперации в ее массовых формах быстро и далеко опередило развитие колхозов.

В систему с.-х. кооперации в последнее время оказываются вовлеченными 58% колхозов СССР без Украины и 48% украинских колхозов. Все вообще материалы указывают на значительное количество «диких» колхозов. Из вовлеченных в систему с.-х. кооперации РСФСР колхозов 67,4% входят в союзы и 32,6% в первичные кооперативы. «Дикость» колхозов повышается в направлении от высших форм к низшим. Из 1.999 колхозов РСФСР «диких» коммун 10,9%, артелей — 21,6%, товариществ — 43%.

Особенно это заметно в районах наибольшего распространения простейших форм. В Центрально-Земледельческом районе процент «диких» товариществ составляет 35,6. в Нижне-Волжском районе — 50, на Северном Кавказе — 68,3.

Размеры «дикости» колхозов находятся в соответствии с тем, что по УССР, например, колхозы сбывают через кооперацию только 29,7% всей своей товарной продукции и делают только 25,4% закупок.

Причинами «дикости» колхозов можно считать следующие. Во-первых, то, что колхозы часто находятся в стороне от железной дороги и плохо связаны с городом, что делает нецелесообразной связь их с союзом, во-вторых, неприспособленность кооперативного аппарата к колхозам, как к новой форме производства. Большая механизация земледелия по сравнению с единоличным крестьянским хозяйством позволяет колхозу производить уборку урожая значительно быстрее. На Северном Кавказе были случаи, когда значительная партия зерна колхозов шла вне кооперации вследствие того, что кооперация не приступила еще к хлебозаготовительной кампании. В-третьих, на дикость колхозов оказывает влияние и то, что система с.-х. кооперации вообще проявляет весьма мало заботы по отношению к колхозам, требующим агрономической и технической помощи. В отношении последней положение осложняется еще и тем, что оказание ее распределено между госорганами и кооперацией, при чем обе организации не имеют права обслуживать преимущественно кооперированное население.

Более или менее налаженное организационное и агрономическое обслуживание колхозов отмечается лишь в Сибири, на Сев. Кавказе и кое-где в УССР, где имеются секции колхозов. Но и тут на одного агронома приходится 36 колхозов. В среднем по УССР нагрузка на одного агронома равна 100 колхозам.

По данным обследования НК РКИ РСФСР в течение 4—5 лет не были совсем представители кооперации в 33,4% обследованных коммун, в 33,3% артелей и в 44,0% товариществ.

Все это приводит к ненужности для колхозов вступления в с.-х. кооперацию. Необходимость же внесения пая, денег,—за что, неизвестно — окончательно отталкивает колхозы от с.-х. кооперации. Бесспорно, что с.-х. кооперация должна как-то перестроить свою работу, изыскать какие-то новые пути для организации колхозного движения. И бесспорно также то, что здесь в меньшей степени поможет организация всевозможных союзных и республиканских центров, нежели организация на месте, на низу, даже в первичных кооперативах, об'единяющих несколько колхозов, действенных ячеек агрономической, технической и организационной помощи колхозам. Тогда и только тогда у колхозов найдутся и средства для вступления в систему с.-х. кооперации. В этой части последние решения правительства значительно развязывают положение. Курс на создание групповых и кустовых об'единений, отпуск специальных средств на их организацию и на создание специально колхозной агрономии, — все это даст значительную поддержку дальнейшему развитию колхозов.

3. Производственная характеристика коллективных хозяйств.

Переход крестьянских хозяйств к коллективному способу землепользования, обычно, сразу же сопровождается и привлечением их к агрикультуре. Перед об'единившимися хозяйствами в первые же дни встает вопрос об организационном плане, о поиске лучших форм земледелия, чем те, которые применялись ими до об'единения. Каждый только-что сорганизовавшийся коллектив сразу же тянется к агроному. Особенно в том случае, если об'единение произошло вокруг трактора.

Любопытны изменения в составе стада, которые несет за собой тракторизация. По 70 тракторизованным хозяйствам Сев. Кавказа эти изменения шли таким образом:

	Лошадей	Коров	Свиней	Овец
До покупки тракторов	71	57	59	64
После покупки тракторов	45	54	52	74
Уменьшение (—) или увеличение (+)	— 26	— 3	— 7	+ 10

Из убывших продано для уплаты за трактор: лошадей 21, коров — 5, свиней—5, овец—8.

Аналогичные данные получены и в результате обследования 32 хозяйств разных районов. Данные эти говорят о том, что даже при наличии платежей за трактор тракторизованные хозяйства увеличивают часть продуктивного скота (овцы). Уменьшение же крупного продуктивного скота сильно отстает от уменьшения скота рабочего. За продуктивный скот держатся. Возможности расширения кормовой площади для продуктивного скота за счет освобождения части кормовой площади для лошадей толкают хозяйства к перестройке своего организационного плана, к введению в севооборот кормовых культур, в конечном счете, к переходу на многополье и к интенсификации всего хозяйства через интенсификацию скотоводства.

Естественно, что колхозы с большей легкостью, нежели индивидуальные хозяйства, переходят к многопольным севооборотам. На Северном Кавказе многополье введено в 70,9% коммун, в 42,5% артелей, в 23,1% товариществ. В Западном районе на трехполье остались 9,3% коммун, 10,0% артелей, 27,3% товариществ; в Центрально-Черноземном районе — соответственно 3,7%, 24,0%, 30,8%.

Отсюда и то обстоятельство, что процент зерновых культур в колхозах, как правило, ниже, нежели в крестьянских хозяйствах.

Вот таблица:

Процент зерновых культур в посевах

Районы.	Колхозов	Крестьян. хозяйств	Разница в пользу колхозов
Северный	48,00	67,30	— 19,30
Западный	51,64	60,60	— 8,96
Центр -Промышл.	52,27	67,30	— 15,03
Центр.-Землед.	56,66	63,00	— 6,34
Волжско-Камский	69,16	79,90	— 10,74
Уральский	80,28	91,30	— 11,02
Волжский	78,29	74,80	+ 3,49
Северный Кавказ	74,48	81,70	— 7,22

За счет зерновых культур в колхозах развиваются посевы технических культур, корнеплодов и кормовых трав. Такая же в общем картина и по Украине.

Соотношение посевов на Украине.

	Озимая рожь	Озимая пшеница	Яровые зернов.	Пропашные
В колхозах	21,5	18,0	40,0	15,5
В крестьянских хозяйствах	28,0	10,5	44,5	12,6
Разница в пользу колхозов	— 6,5	+ 7,5	— 4,5	+ 2,9

По РСФСР по данным обследования НК РКИ поздние пары сохранились только в 14,2% обследованных коммун, в 25,9% артелей и в 22,2% товариществ.

Но этим, примерно, и исчерпываются показатели лучшей постановки сельского хозяйства в колхозах по сравнению с крестьянскими индивидуальными хозяйствами. Слабость агрономической помощи колхозам, о которой мы говорили уже выше, не осталась без влияния на хозяйственные успехи колхозов. Сравнение колхозов с индивидуальными крестьянскими хозяйствами по урожайности главных зерновых культур приводит к неутешительным выводам.

Материалы Колхозцентра дают такую картину:

Превышение (в центнерах) урожая с десятины в коммуне над урожаем с десятины в индивидуальном крестьянском хозяйстве.

Районы.	Рожь озимая.	Пшеница озимая.	Пшеница яровая.	Овес.	Ячмень.
1. Урал	+ 0,54	+ 3,45	+ 2,58	+ 0,97	— 2,84
2. Ц. Ч. О. . . .	+ 6,13	+ 5,15	+ 0,23	+ 2,17	— 4,2
3. Ц.-Промышл. .	+ 2,12	—	—	+ 0,77	—
4. Сев. Кавказ. .	+ 6,4	+ 2,52	— 3,84	— 0,05	+ 0,46
5. Ср.-Волжск. .	+ 2,72	—	+ 1,05	+ 0,74	— 0,61
6. Крым	— 2,3	+ 0,08	+ 2,46	+ 5,06	— 0,38
7. Западный . . .	+ 4,27	— 0,98	— 2,87	+ 3,55	+ 0,46

Тоже по артелям.

Районы.	Рожь озимая.	Пшеница озимая.	Пшеница яровая.	Овес.	Ячмень.
1. Урал	— 1,79	—	— 0,34	— 0,70	— 4,98
2. Ц. Ч. О. . . .	+ 5,38	+ 1,38	—	+ 5,1	— 0,79
3. Ц.-Промышл. .	+ 5,15	+ 12,1	— 0,72	+ 2,05	+15,2
4. Сев. Кавказ. .	—	+ 2,48	— 3,18	+ 2,16	+ 4,8
5. Ср.-Волжск. .	+ 2,0	—	— 0,66	— 0,31	— 0,94
6. Крым	+ 0,49	— 3,2	—	+ 4,25	— 0,05
7. Западный . . .	+ 1,47	— 0,41	— 6,96	— 0,13	— 0,34

Коммуны, дающие в общем неплохие показатели, по ряду важных районов и культур отстают в урожайности от крестьянских хозяйств. Еще хуже в артелях. В общем, несмотря на несомненный успех, колхозы еще недостаточно резко выделяются в смысле урожайности из основной массы хозяйств. И это при условии, что сам по себе переход на обобществленное хозяйство неизбежно дает повышение урожайности уже на одном уничтожении межей и на однородности вспашки и унавоживания полей.

Значит, агрикультура в колхозы не проникла еще в такой степени, чтобы обеспечить им устойчивые разультаты хозяйствования.

Соотношение культур, обеспечивающее хозяйство коллективов большими кормовыми ресурсами по сравнению с индивидуальным крестьянским хозяйством, создает благоприятные условия для развития в колхозах продуктивного животноводства. Однако, общие показания в этом отношении для колхозов неблагоприятны. Так, например, в Северо-Западном районе на 100 десятин земли приходится в колхозах 13,3 коровы, в крестьянских хозяйствах — 20,3. В Западном районе в колхозах — 10,6, в крестьянских хозяйствах — 16,7. В среднем по РСФСР в колхозах — 7,6, в крестьянских хозяйствах — 11,2.

По Украине на 100 десятин посева приходится коров в коммунах 7,5, в артелях — 12,1, в крестьянских хозяйствах — 21,0. Овец там же в коммунах — 30,2, в артелях — 13,1, у крестьян — 52,5. Свиней там же в коммунах — 28,9, в артелях — 17,1, у крестьян — 24,5. Только в отношении свиней цифры в пользу коммун, что, повидимому, об'ясняется наличием в больших общественных хозяйствах большего количества отбросов, позволяющих разводить свиней.

Конечно, недостаточное развитие животноводства в массе колхозов не исключает того, что среди них есть коллективы со значительной обеспеченностью продуктивным скотом. Например, по Минскому округу Бел. ССР животноводство в колхозах, перешедших на многополье, развито сильнее, нежели в крестьянских хозяйствах. Здесь получается так, что на 100 десятин посева приходится коров в таких колхозах 32 головы в то время, как в индивидуальных хозяйствах 27 голов.

Недостаток продуктивного скота приводит к разрыву между организацией полеводства и животноводства. Значительная площадь под кормовыми культурами дает возможность расширить скотоводство и даже вынуждает к этому в целях использования кормового запаса. Недостаток скота определяет острый недостаток навоза, и процент неунавоженных полей в колхозах велик. Но здесь мы сталкиваемся с вопросом, на котором останавливались уже выше. Стержнем коллективизации является мертвый инвентарь. Платежи за него велики, что заставляет до выплаты ликвидировать живой инвентарь. Иными словами, недостаточное развитие продуктивного животноводства в колхозах об'ясняется в немалой степени тем, что основная часть колхозов переживает период накопления или восстановления своего основного капитала главным образом в части мертвого инвентаря.

На этом фоне колхозы делают слабые еще пока попытки специализации своего производства. В некоторых районах они начинают основательно врастать в семенное дело. Из Саратовской губернии, например, пишут, что «в 1924 году колхозы были еще слабо заинтересованы в селекционных семенах, но уже в 1925 году они провели больше пятидесяти процентов всей работы райсемсоюзов». В Новосибирском округе «колхозы становятся репродукторами чистосортных семян».

Стремятся колхозы и к организации переработочных предприятий, главным образом, мельниц, крупорушек, маслобоек. В УССР промышленные предприятия имеются в 45% коммун, 9% артелей, и 2% товариществ. По 12 районам РСФСР на одну коммуну приходится 1,23 предприятия, на одну артель — 0,79 и на одно товарищество — 0,82. Соотношения эти, конечно, вполне естественны, так как в высших формах колхозов открывается безусловно больше возможностей для организации переработочных предприятий, нежели в низших.

Характерно, что предприятия в основном рассчитаны на чужое сырье, на работу на стороне, на работу для прямого заработка. По обследованным НК РКИ 27 предприятиям работают на собственном сырье водяные мельницы на 4,5%, механические мельницы — на 8,5%, просорушки — на 5,2%, маслобойки — на 9,4%. Значит, организация переработочных предприятий в колхозах не стоит в прямой связи с их собственным производством, а является способом накопления, что еще больше подтверждает то положение, что вопрос о накоплении или восста-

новлении основного капитала сейчас основной вопрос для колхозов.

Обратимся к вопросу об использовании рабочей силы в колхозах.

На 100 десятин приходится работников по СССР без Украины в колхозах 47,6, в крестьянских хозяйствах 61,3. По отдельным видам — в коммунах 30,4, в артелях — 49,4, в товариществах — 63,5. Таким образом, использование рабочей силы в колхозах выше, нежели в крестьянских хозяйствах. Но в связи с недостаточным развитием неполеводческих отраслей оно, конечно, не может быть достаточным. По данным обследования наиболее типичных колхозов Киевского округа, использование рабочей силы в них не превышает 75%. По отдельным коммунам УССР обследование устанавливает процент использования рабочей силы равным 75, 51, 61, 50, 35. Одновременно, в связи с полеводческим направлением большинства колхозов и, вследствие этого, сезонной загрузкой рабочей силы, в колхозах наблюдается значительное применение наемного труда.

Районы.	Коммуны.		Артели.		Товарищества.	
	Средн. колич. наемн. раб.	В %% к общ. числу раб.	Средн. колич. наемн. раб.	В %% к общ. числу раб.	Средн. колич. наемн. раб.	В %% к общ. числу раб.
1. Западный	0,6	2,46	0,7	2,71	2,0	9,61
2. Моск. Пром. . .	1	6,29	—	1,53	3	10,45
3. Центр.-Черн. . .	1	2,91	—	1,42	—	0,38
4. Волжск.-Камск. .	0,05	3,61	0,02	0,74	—	—
5. Уральск. обл. . .	—	6,75	—	—	—	—
6. Башк.-Оренб. . .	0,7	3,85	0,4	1,44	0,07	2,44
7. Волжский . . .	1	4,72	2	4,60	1	3,68
8. Сев.-Кавк. окр. .	2	3,9	1,7	4,7	0,7	1,5
9. Сибирь	1,8	2,9	0,7	1,5	0,2	0,3

Картина по всем районам такова, что можно говорить о том, что *колхозы еще не нашли настоящих форм организационного плана своего хозяйства, как правило, ведут хозяйство одностороннее, не позволяющее рационально распределить имеющиеся у них рабочие руки.*

Вывод, конечно, в достаточной степени кислый и заставляющий еще раз подумать о необходимости организационной, агрономической и технической помощи колхозам.

Здесь необходима такая реорганизация хозяйства колхозов, при которой было бы обеспечено более равномерное распределение рабочей силы во времени, чего невозможно достигнуть при одностороннем полеводческом направлении хозяйства. Прекрасный пример дают две коммуны Киевского округа—«Новый мир» и «Чайка». В «Новом мире» полеводство составляет 73,4%, в «Чайке»—54,8%. В «Новом мире» наемная рабочая сила составляет 47,3%, в «Чайке» — только 6,5%, при чем наемные рабочие в «Чайке» используются *исключительно в полеводстве.*

Вопрос о производительности труда в колхозах в немалой степени упирается в то обстоятельство, что члены колхозов переносят в колхозы привычные формы работы мелкого крестьянского хозяйства, непригодные для хозяйства коллективного. *Каждому крестьянину, вошедшему в колхоз, приходится по существу переучиваться.* А всему колхозу надо еще выделить определенные достаточно культурные силы для выполнения ряда общественных обязанностей, необходимых в большом общественном хозяйстве. Особенно тяжело со сче-

товодами. По данным обследования НК РКИ РСФСР учет ведется только в 50% обследованных коммун, в 37% артелей и 7% товариществ. По УССР благодаря работе агроперсонала счетоводство ведется в 70% колхозов. Даже в Московской губернии из 160 колхозов счетоводство ведется в 83, да и то хорошую его постановку можно встретить редко. Еще хуже в отношении планов. По обследованным НК РКИ РСФСР колхозам план оказался у 25% коммун, 15% артелей, 10% товариществ. НК РКИ УССР указывает, что «ни в одном колхозе нет не только организационного, но и производственного плана, которым колхозы руководствовались бы в повседневной жизни».

Получается *явный разрыв между несомненным стремлением колхозов к организации своего хозяйства и отсутствием для этого культурных сил.*

Культурная революция еще только идет и требует чуткого руководства, *требует помощи от кооперативной системы.* Медленно, кое-где болезненно вырабатываются новые формы организации хозяйства, новые формы быта. Противоречия индивидуального хозяйства с коллективным слабы в области производства На обобществление производства идут легко. Настоящие противоречия начинаются тогда, когда колхоз подходит к обобществлению потребления. Здесь дается генеральный бой между индивидуальной, прочно укоренившейся и коллективной новой психологией.
И весь вопрос в том, насколько глубоко коллективная психология укрепи-
лась в течении процессов обобществления производства. В массе колхозов,
нужно сказать, новые формы еще не найдены. Механически переносят ста-
рые общинные формы. Наибольшим распространением пользуется принцип
распределения по едокам (по существу, по земельной площади), установлен-
ный в 52% коммун, 47,8% артелей, в 32,6% товариществ. Далее идет рас-
пределение по паям, то-есть, принцип чисто капиталистический, означаю-
щий шаг назад и по сравнению с принципом распределения по едокам. Рас-
пределение по паям ведется в 9,3% коммун, 21,9% артелей, 32,6% товари-
ществ. Распределение по рабочему времени только еще начинает проникать
в колхозы, проводится в 10,2% коммун, 17.7% артелей, 14,5% товариществ.
Вот этот последний принцип, повидимому, будет распространяться. Но су-
щественного значения он не получит до тех пор, пока организация хозяй-
ства в колхозах не обеспечивает работы всем ее членам. *Вопрос организации распределения прямо упирается в вопрос организации хозяйства, в свою очередь зависящий, как мы видели выше, от длительности процесса накопления или восстановления основных капиталов колхозов.*

Выше мы об'ясняли многие недостатки колхозов тем, что в них происходит процесс накопления. Имеющиеся у нас, правда, не массовые данные, показывают, что процесс этот идет довольно успешно. Так, например, колхозы Минского округа за 1925 год увеличили собственные средства на 55%.

По коммунам Киевского округа:

	„Новый мир".	„Муравище".	„Черв. Рильн".	„Новый шлях".	„Зеленки".	„Надия".
Было средств . .	61.305	9.717	4.804	11.450	1.953	1.405
На 1/X—1925 г. .	64.251	13.436	11.921	14.900	4.347	5.277

Характерно, что *накопление это происходит, несмотря на более высокий уровень потребления в коммунах, нежели в крестьянских хозяйствах.* В последних расход на еду одного человека в день составляет 11—12,5 копейки в то время, как в коммунах: «Новый мир» — 37,2 коп., «Чайка» — 16,8 коп., «Муравище» — 21,2 коп.

Резюмируем. Новая экономическая политика породила новый путь коллективизации, идущий через машинизацию, заключающийся в последовательном обобществлении отдельных функций крестьянских хозяйств, главным образом, вокруг мертвого инвентаря, являющегося стержнем коллективизации. Возникающие на этом пути формы колхозов—товарищества, артели, коммуны не являются формами самодовлеющими, самостоятельными, оторванными, а целиком включаются в динамический процесс коллективизации, представляя собой разные стадии этого процесса. Тот общий этап коллективизации, который характерен для настоящего времени, можно характеризовать, как этап накопления и восстановления основного капитала колхозов. Процессу накопления соответствует ряд противоречий, характерных для колхозов, поскольку они пока-что строят всю свою работу на накоплении для накопления.

Основные из этих противоречий будут следующие.

Противоречие между возможностями развития продуктивного животноводства в колхозах и фактическим уровнем его. Так, в то время, как значительная часть колхозов перешла на многополье и процент зерновых культур у нее, как правило, ниже, чем в крестьянских хозяйствах, за счет большего развития кормовых культур, — на 100 десятин посева приходится в колхозах скота меньше, чем в крестьянских хозяйствах. Так как явление это вызывается идущим в колхозах процессом восстановления и создания основных капиталов (продают скот для уплаты за машины), перед кредитными организациями встает серьезнейшая задача облегчения этого процесса в колхозах путем улучшения условий кредитования их.

Противоречие между неиспользованием рабочей силы членов колхозов и необходимостью сезонного найма ими чужой рабочей силы. Это обстоятельство об'ясняется еще в значительной степени сохранившейся в колхозах зерновой (в лучшем случае улучшенной зерновой) системой хозяйства, что не позволяет рационально распределить во времени труд членов колхозов и ставит задачу реорганизации хозяйства колхозов путем введения в него таких культур и производств, которые, вытеснив, частично зерновой клин, обеспечат правильный баланс труда в колхозах.

Противоречие между высокой формой землепользования в колхозах и недостатком культурных сил, все еще слабо подготовляемых и мало посылаемых в деревню нашими учебными заведениями. Необходимо обеспечить возможно больший охват школами членов колхозов.

Противоречие между громадной тягой колхозов к агрикультуре и низким состоянием агрикультуры в колхозах, сплошь да рядом не имеющих организационных и производственных планов или не могущих эти планы выполнить. Здесь, на ряду с принятыми уже мерами, необходимо обеспечить выделение из местных бюджетов средств на создание колхозной агрономии.

Противоречие между долей, занимаемой колхозами в системе с.-х. кооперации, и большим количеством «диких» колхозов. Необходимо поставить организационную работу с.-х. кооперации так, чтобы колхозам выгодно было вступать в кооперативную систему. В виду наблюдающегося вступления колхозов, особенно простейших производственных об'единений (машинных, тракторных, мелиоративных, пр. товариществ), не в союзы, а в первичные с.-х. кредитные кооперативы, небходимо проработать вопрос о целесообразности закрепления коопинструкторов-агрономов за теми из с.-х. кредитных кооперативов, которые об'единяют больше 10 колхозов, привлекая к содержанию этих инструкторов-агрономов как средства товариществ, так и средства самих колхозов.

4. Участники строительства коллективных хозяйств.

Основными строителями коллективных хозяйств в настоящее время являются крестьяне. По последним данным они составляют в колхозах РСФСР 95,5%, а в украинских колхозах — 77,9% при чем в низших или неполных формах колхозов процент этот еще выше. Если процент крестьян в коммунах РСФСР равен 88,5, то в товариществах он доходит до 97. В УССР соответственно — 53,4% и 79,6%. Артели занимают промежуточное положение. Рабочий состав концентрируется главным образом в коммунах (6,5% по РСФСР и 6,7% по УССР), будучи совсем ничтожным в товариществах (0,3% по РСФСР и 3,0% на Украине). Естественно, что процент рабочих повышается в промышленных районах. Так, например, в Московской губернии по обследованию 1925 года он был равен 32,2, в Ленинградской (вместе с батраками) 20,7 в то время, как в Киевском округе — 1,6 в Сибири — 4,8, на Северном Кавказе от 2,6 до 3,8.

При этом, как мы уже говорили выше, крестьянство занимает преобладающее значение в колхозах только в годы новой экономической политики, когда рабочие начинают возвращаться в город на восстанавливающиеся фабрики и заводы. Так, например, по Московской губернии процент крестьян в колхозах подымается с 15 в 1919 г. до 53 в 1925 году, в Киевском округе с 42 в 1920 году до 96,7 в 1924 году.

Для характеристики имущественного состава строителей колхозов можно воспользоваться данными Союза Союзов с.-х. кооперации. В этих данных приведены следующие имущественные группировки:

	В колхозах	В крестьянских хозяйствах
Безлошадных	35,3	28,7
С 1 лошадью	44,4	49,9
С 2 лошадьми . . .	15,8	15,2
С 3 „ . . .	3,5	3,9
С 4 и более	1,0	2,3

Выходит так, что низшие группы по лошадности в общем в колхозах преобладают.

Примерно то же получается и в группировке по коровности.

	В колхозах	В крестьянских хозяйствах
Бескоровных	22,6	17,3
С 1 коровой	50,3	54,7
С 2 коровами	20,2	19,7
С 3 „	4,3	5,1
С 4 и более	2,6	3,2

Но интереснее будут эти сопоставления в отношении отдельных форм коллективных хозяйств. При чем нужно иметь в виду следующее: в то время как анализ имущественного состава товариществ и артелей не представляет особых трудностей в виду индивидуального характера хозяйств их составляющих в коммунах этот анализ неизбежно является несколько условным, так как коммуна представляет собой одно целое. В коммунах речь может итти не о составляющих ее хозяйствах, а о хозяйствах, в свое время коммуну

образовавших. Воспользуемся данными Колхозцентра по колхозам Северного Кавказа.

	Состав колхозов			Состав всего крестьянского населения
	коммун	артелей	товариществ	
Без рабочего скота	80,54	53,00	39,18	53,27
С 1 головой	12,68	17,91	27,77	21,09
С 2 головами	5,52	19,89	23,82	18,29
С 3 „	0,29	2,62	2,62	2,78
С 4 и более	0,87	6,58	5,07	4,57

Эти данные вполне подтверждают сделанные нами только-что выводы в отношении коммун. В коммунах высшие группы представлены слабее. Но уже в артелях положение менее благоприятно, и еще менее благоприятно оно в товариществах. Коллективные формы земледелия охватывают главным образом, середняка. Здесь можно говорить опять о недостаточной работе с.-х. кооперации по обслуживанию колхозов тем более, что и другими материалами подтверждается то положение, что кооперация мало активна в деле коллективного снабжения средствами производства бедняцких хозяйств, наиболее нуждающихся для этого в кредите.

В снабженческой работе сталкиваются интересы всех групп крестьянства. Естественно, что интересы эти разные. Бедняцкие хозяйства, как целое, более всего заинтересованы в снабжении коллективном. Возможность получить группой машину для них означает возможность, во-первых, обработать свои поля, во-вторых, освоить сдаваемую в аренду землю, в-третьих, сократить круг аренды земли и инвентаря крупными единоличными хозяйствами и, следовательно, повысить оплату аренды земли и понизить оплату проката инвентаря.

По 19 тракторным хозяйствам, обследованным НК РКИ СССР в разных районах Союза, об'единяющим 5.387 хозяйств, получается, что площадь земли на одно хозяйство после тракторизации увеличилась с 11,45 га до 12,5 га. По 4 тракторным хозяйствам Одесского округа, по данным НК РКИ УССР, расширение запашки на одно хозяйство после приобретения трактора дало 5,02 га.

Интересно в этом явлении то, что увеличение пахотной земли обычно обгоняется расширением посева.

По 70 машинно-тракторным товариществам, обследованным НК РКИ СССР на Северном Кавказе, соотношение пашни и посева представляется в следующем виде:

	Пашня		Посев	
	до приобретения трактора	после	до приобретения трактора	после
Количество земли:				
В гектарах	524	602	445	600
В %%	100 0	114,9	100	135,4

При увеличении пахотной земли на 14,9% посевная площадь увеличилась на 35,4%. Использование ранее неудобных земель сыграло здесь несомненную роль. Посмотрим, за счет чего увеличивается пахотная земля в хозяйствах, перешедших к машинной обработке.

По тем же 70 кооперативам до приобретения трактора хозяйства сдавали за отсутствием тяговой силы в аренду 79,2 га. Теперь они не сдают ничего. И, мало того, что не сдают — начинают арендовать сами.

По тем же 70 кооперативам арендуют земли в гектарах:

	До приобретения трактора	После приобретения трактора
Единоличные хозяйства	33,8	32,7
Коллективная аренда	—	49,0
	33,8	81,7

«На арендованной коллективно земле, — говорится в докладе, — работают артельно. Урожай идет частью на оплату кредита на с.-х. машины и другие нужды всего товарищества, частью распределяется между членами пропорционально затраченному труду (товарищество «Комбинат»)».

Ту же тенденцию подтверждают и данные НК РКИ УССР по 4 товариществам Одесского округа:

Расширение запашек за время работы трактора в гектарах

		В том числе	
		За счет своей земли	За счет аренды
Всего	365,00	119,00	246,00
На одного члена	5,02	1,64	3,38

Как аренда земли машинно-тракторными товариществами, так и эксплоатация трактора и сложной машины с.-х. товариществами сокращают круг единоличной аренды в районе и нивелируют кулацкие цены на аренду.

По Григорополисскому району уплотненной тракторизации и Курганному району (Армавирский округ Сев. Кавказа) обследование НК РКИ СССР дает такие цифры:

Цены за аренду 1 гектара пашни

	После пропашных		После зерновых	
	до тракторизации	после	до тракторизации	после
Григорополисский район	9,35 р.	18,65 р.	6,50 р.	18,35 р.
Курганный район	7,35 „	13,95 „	5,32 „	13,75 „

Рабочий моск. кондитерской фабрики М. К. пишет в «Крестьянскую Газету»:

«Недавно организовавшееся машинное товарищество приобрело трактор. В таком тихом уголке, как наша деревня, это — целое событие. До того середняки и более зажиточные крестьяне обрабатывали землю безлошадникам — у нас таких большинство — и брали за это, сколько хотели. Часто бедняки не в состоянии были платить за работу и отдавали свою землю исполу. Когда пришел трактор, то товарищество об'явило гражданам, что оно будет пахать пар по цене от 6 до 7 руб. за десятину с бороньбой и с рассрочкой платежа до осени. Лошадники тоже не дремали: они начали распространять слухи, что трактор пашет плохо, после приходится лопатой работать по нескольку дней и т. п. Несколько семей бедноты с некоторым страхом сорганизовались и наняли трактор. Когда трактор выехал пахать, то народ собирался не только из нашего села, но и из других деревень. Этот день был экзаменом для трактора. И те признавались, что на лошадях так не разделать землю, как трактором. И посыпались после этого заявки на вспашку. Были случаи, что некоторые бедняки, отдавшие свою землю исполу, взяли ее обратно и наняли трактор».

В несколько иной плоскости лежат интересы середняцких групп крестьянства в снабженческой работе с.-х. кооперации. Во многом тут серед-

няку по пути с бедняком. Он также заинтересован в коллективном снабжении машинами и двигателями, так как единолично ему машина часто не под силу. Но у него есть и иные интересы, присущие его единоличному хозяйству. Ему нужны чистосортные семена, и удобрения, и лошадь, как средство поднять свое хозяйство, не лишая его индивидуалистических черт. Он имеет больше возможности выбиться в одиночку, нежели бедняк, которому единолично непосильна и покупка лошади, не говоря уже о чистосортных семенах и удобрениях, потребность в которых является только у хозяйств, обеспеченных инвентарем, необходимым для обработки земли.

Черты, присущие середняцким хозяйствам в той части, где интересы бедняка и середняка расходятся, эти черты еще более резки у хозяйств зажиточных. Здесь уже — явное стремление к получению двигателя, сложной машины, семян, удобрений для укрепления своего единоличного хозяйства. И для этой группы характерен уже не только спрос на эти товары, но и платежеспособный спрос.

Наконец, последняя группа хозяйств — хозяйства эксплоататорские. Здесь, как и у бедняцкой группы, налицо наибольшая потребность в двигателе и сложных машинах. Но в то время, как бедняцкие хозяйства заинтересованы в приобретении машины для придания устойчивости своим коллективизированным хозяйствам, кулак стремится к машине для использования ее на стороне.

Эти хозяйства прибегают к всевозможнейшим ухищрениям для того, чтобы машину получить. Они не прочь организовать машинное товарищество, использовать кооперативную вывеску для целей укрепления своего хозяйства.

Интересы коллективных об'единений бедняцких и середняцких хозяйств в снабженческой работе с.-х. кооперации в основном совпадают с интересами средних и зажиточных крестьянских хозяйств. Они заинтересованы в том же укреплении своего хозяйства, только хозяйства не единоличного, а коллективного. И тем и другим нужны чистосортные семена, удобрения, рабочий скот, мертвый инвентарь. В области снабжения предметами оборудования переработочных мастерских интересы коллективов те же, что интересы кулацких хозяйств. Но кулацкое хозяйство основывает свое предприятие на наемном труде, а коллективы, если это действительно коллективы,—на труде своих членов.

Таким образом, перед кооперацией и системой с.-х. кредита стоит достаточно серьезная задача: надо построить свою снабженческую работу так, чтобы, удовлетворяя частнохозяйственные интересы некулацких групп крестьянства, удовлетворяя коллективные интересы бедноты, в то же время не давать своей работой почвы для развития кулака и организовывать снабжение средних и зажиточных групп такими предметами, которые, будучи им не под силу в одиночку, способствовали бы их коллективизации.

Трудностей на этом пути сколько угодно, но основная из них заключается в том, что бедняк и в значительной степени середняк нуждаются в кредите в то время, как зажиточный и кулак берут за наличные. Последним продавать легче, с ними не надо «возиться», и это обстоятельство открывает широкие опасности перед кооперацией.

Последние государственные мероприятия в области расширения кредита по снабжению деревни средствами производства, создают достаточно твердую базу для усиленного привлечения бедняцких хозяйств в колхозное строительство путем об'единения вокруг инвентаря. Надо добиться того, чтобы и соответствующие мероприятия организационного, агрономического и технического свойства со стороны кооперации не заставили себя ждать.

Нет ничего угрожающего в том, что середняк наиболее активен в колхозном строительстве. Наоборот, это доказывает только то, что коллективные формы оказываются хозяйственно приемлемыми для основной массы крестьянства.

Но надо приложить все усилия к тому, чтобы повысить долю участия в колхозном строительстве хозяйств бедняцких. Ибо для такого хозяйства организация колхоза часто является единственным способом удержаться на земле, ибо работа по вовлечению в колхозное строительство хозяйств без рабочего скота является неот'емлемой частью нашей деревенской политики.

П. Шубин.

Развитие с.-американо-европейской борьбы.

I.

Характер назревающего экономического кризиса в Соединенных Штатах и его неизбежное воздействие на экономику Европы подчеркивают с особой отчетливостью шаткость и распад капиталистического равновесия, установившегося после первой или, вернее, накануне новой всемирной войны. Стремление крупных американских монополистов найти выход из назревающего кризиса и те громадные финансовые и экономические силы, которые сконцентрированы в руках этих монополистов, придают сейчас особо-острую напряженность борьбе за рынки сбыта и источники сырья. Стремительно растут сверхтресты и синдикаты Соед. Штатов; вместе с тем ускоряются процессы трестифицирования и в Европе, сращивания колоссальных трестовских об'единений с государственным аппаратом, образования международных европейских картелей: обе стороны стремятся занять наиболее выгодные исходные позиции к предстоящей борьбе за уничтожение конкурентов на мировом рынке.

Растут по экономической мощи и по искусству борьбы монопольные организации по захвату сырья, успех которых в том или ином пункте земного шара имеет немедленным своим следствием расширение театра межимпериалистических столкновений. Комми-вояжеры и чиновники министерств торговли говорят,—прежде всего и больше всего в Соед. Штатах,—языком рыцарей крестовых походов, а адмиралы и генералы, ссылаясь на опасность, угрожающую священному праву этих комми-вояжеров на завоевание покупателей, пророчат неизбежность и близость всемирного военного конфликта. Американская буржуазия, победившая врагов, в особенности же союзников в старой войне, благодаря тому, что она дольше всех осуществляла грабеж мирным путем, теперь побивает рекорд по части агрессивности и военного задора: назревающий кризис отнимает у нее выдержку и спокойствие.

Параллельно с углублением и обнажением противоречий в империалистическом лагере ожесточается классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, между угнетателями и угнетенными народами. В предстоящей экономической войне буржуазия каждой страны рассматривает живую силу «своего» пролетариата, как находящийся в ее бесконтрольном распоряжении резерв, который она будет бросать по мере развития событий на линию огня. «Индустриальный мир» и все другие формы прямого сращивания экономических и политических организаций реформизма с предпринимательскими трестами являются не чем иным, как мобилизационным планом в деле использования этих резервов. При всем отличии, которое существует в методах эксплоатации колоний между отдельными империалистическими группировками (в первую очередь между Соединенными Штатами и Англией)

общими для всех них в настоящий период являются усиливающаяся стремительность в нажиме и растущая активность в захватной политике с целью укрепления своих экономических и стратегических позиций в решающих пунктах земного шара.

Было бы ошибочно представлять себе назревающий и отчасти уже прорывающийся мировой конфликт, как столкновение между всемогуществом Соединенных Штатов, с одной стороны, и дезорганизованностью, распыленностью уже обессиленной, уже потерявшей самостоятельность Европы. По крайней мере для 1928 г. соотношение сил между Америкой и Европой уже не может быть охарактеризовано таким упрощенным образом. Европа обладает мощным, в ряде стран сверхрационализированным производственным аппаратом, могучими производственными и торговыми об'единениями, стабилизованной валютой, восстановленной кредитной системой, охватывающей своей сетью весь мир,—до зубов вооружена она для экономической борьбы. В еще большей степени следует это сказать о военных ресурсах милитаризованной до отказа Европы. Остающееся все же превосходство Соед. Штатов, с их колоссальными финансовыми и экономическими и техническими возможностями, над европейским противником, хотя и явится одним из решающих факторов по мере развития борьбы, но не может обеспечить ни быструю капитуляцию Европы, ни тем более предотвращение самой борьбы.

Разбитая в империалистической войне, добитая в Версале, запутавшаяся было в долгу, как в шелку, Германия начинает не только разбрасывать сети своей химической промышленности по всему миру, но даже заставляет химического короля Соед. Штатов Дю Понта засылать тайком сватов к германскому химическому тресту I. G. Farbenindustrie как раз в тот самый период, когда американская печать, находящаяся на содержании того же самого Дю Понта и по его прямым директивам, грозно обвиняет германские химические тресты в покушении не только на благосостояние, но и на независимость Соед. Штатов! Американская сталь горит священной страстью завоевания всего мира, но это не мешает американской буржуазии пускать, хотя бы в виде пробного шара, в печать слух, что председатель Юнайтед Стил Корпорэйшен Томас не прочь был бы вступить в соглашение с европейским стальным картелем о разделе сфер влияния. И даже в финансовой области, где Нью-Йорк, оставаясь обладателем почти половины золотого запаса всего мира, является, казалось бы, властелином, операции французского банка, располагающего сейчас возможностью оттянуть золото с мировых денежных рынков, являются отнюдь не безразличными не только для Лондона (об этом и речи быть не может), но и для Нью-Йорка. Не случайно и то, что самый факт обострения американо-европейских отношений в настоящий момент вызывается не усилением, а, наоборот, возможностью ослабления экономического положения американского империализма, возможностью, которая будет становиться тем более реальной, чем дальше будет развиваться хозяйственный кризис в Соед. Штатах.

С другой стороны, необходимо учитывать и то, что страны капиталистической Европы, несмотря на общность интересов в борьбе с Соед. Штатами, раздираются сейчас внутриимпериалистическими противоречиями не в меньшей степени, чем раньше, а это дает возможность Вашингтону находить опорные пункты для своей наступательной против Европы (в первую очередь против Англии) политики на самом европейском континенте. Навстречу этим усилиям Соед. Штатов «расколоть» Европу идут все более усиливающиеся стремления со стороны различных европейских стран перебежать, как только он поманит, на сторону Вашингтона и договориться с Соед. Штатами против Лиги Наций.

Но при всех этих оговорках основным является тот факт, что экономический кризис в Соед. Штатах, толкая их к еще более решительной борьбе за рынки сбыта и источники сырья, обостряет и углубляет антагонизм между Северной Америкой и Европой, что силой, определяющей направление развития этого антагонизма является англо-американское соперничество. Эта разворачивающаяся в новой обстановке борьба в империалистическом лагере открывает уже в ближайшие 2 года более широкие, чем, может быть, раньше полагали, перспективы перед пролетарской борьбой и колониальным восстанием.

Цель настоящей статьи на основании материалов первых 2-х месяцев 1928 г. отметить важнейшие факты, характеризующие темп и форму обострения процесса отношений между Северной Америкой и Европой.

II.

Симптомы развивающегося кризиса.

Депрессия в хозяйстве Соед. Штатов перестала быть секретной болезнью: она получила официальное признание. Больше того, она становится центральным пунктом в борьбе между республиканцами и демократами за пост президента. Представитель демократической партии Вагнер в сенате издевается над заявлениями Кулиджа о процветании Соед. Штатов. Демократы внезапно обнаруживают исключительную чуткость к вопросам безработицы. По требованию Вагнера сенат возлагает на министерство труда обязанность обследовать вопрос о росте безработицы. Еще дальше идет сам демократический кандидат в президенты, губернатор Нью-Йорка Смит: он бьет рекорд «интереса к безработным», организует работы, устраивает столовые и т. д. Вознаграждение не заставляет себя долго ждать: профсоюзы Нью-Йорка, входящие в Американскую Федерацию Труда, выпускают воззвание, призывающее голосовать за друга рабочих—Смита.

«Республиканцы,—пишет «Чикаго Трибюн» [1],—обвиняют Смита, что его мероприятия (в пользу безработных) являются только пропагандой со стороны демократов, направленной на то, чтобы дискредитировать «благополучие Кулиджа». Демократы отвечают, что это благополучие сочинено в правительственных кабинетах и что теперь необходимо признать факт депрессии».

Министр труда Джемс Девис, выступая перед вполне благонадежной буржуазной аудиторией в Вашингтоне, вынужден все же говорить о безработице и отводить возведенные против правительства обвинения в том, что оно из-за политических соображений подделывает статистику. По этим официальным данным число взрослых, не находивших работу, определялось в январе в 3 миллиона человек. Демократическая печать берет эти цифры под большое сомнение. «Чикаго Трибюн» [2]) определяет число безработных в 4—5 миллионов.

Характерно, что издающиеся в Париже американские газеты, превосходящие обычно все пределы буржуазного хвастовства и циничной заносчивости, оказываются вынужденными уделить кое-какое внимание такой компрометирующей теме, как безработица. «Нью-Йорк Геральд» [3]) помещает даже передовую под заголовком «Безработица преувеличена». По сведениям Американской Федерации Труда,—пишет газета,—число безработных членов профсоюзов достигает полумиллиона. Но, если бы даже это было

[1]) «The Chicago Tribune» от 21 февраля 1928 г.
[2]) «The Chicago Tribune» от 18 февраля 1928 г.
[3]) «N. Y. Herald» от 29 февраля 1928 г. (парижское издание).

так, то нет, мол, никаких оснований для тревоги: ведь полмиллиона безработных на 75 миллионов живущих заработком, это—не только пустяк, но является даже полезной резервной армией, обеспечивающей дальнейшее бесперебойное развитие хозяйства. Газета, обнаруживающая ежедневно большое знание дела в описании наружности и костюмов прибывающих в Европу американок, упускает из виду, что в Американской Федерации организовано не 75 миллионов, а около 3½ миллионов и что по отношению к этому числу полмиллиона представляет процент, превышающий, вероятно, аппетит самых ненасытных поклонников резервной армии. Разумеется, нельзя отнять у американцев возможности утешаться тем, что в Англии дела с безработными обстоят несравненно хуже («в Великобритании с количеством населения около 40 миллионов число безработных одно время достигло 2,5 миллионов, да и сейчас еще оно остается очень высоким»), да и самый характер безработицы здесь и там совершенно различен. Все же тот факт, что американская буржуазия, до сих пор хвастливо отказывавшаяся от всяких форм социального страхования на том основании, что «промышленность Соед. Штатов вместо того, чтобы помогать больным, старым и т. д. предоставляет каждому возможность обеспечить самого себя собственными средствами», не может сейчас уклониться от вопросов, связанных с безработицей, обнажает процесс депрессии, происходящий в американском хозяйстве. Но где лежат корни этой депрессии? Безработица начала 28 года не является непосредственным результатом усиливающегося устремления фермерского населения в города. Наоборот, по официальным данным министерства земледелия фермерское население Соед. Штатов уменьшилось в 1927 г. всего на 190.000, в то время, когда в течение 1922—26 гг. оно уменьшалось ежегодно в среднем на 400.000,—процесс, который в свою очередь об'ясняется и тем, что уже в 1927 году города перестали притягивать рабочие руки. Смит заявляет, что полмиллиона безработных, «омрачающих сейчас внешний вид Нью-Йорка, согнаны сюда депрессией промышленности в Новой Англии и даже Западных Штатах». Председатель Нью-Йоркской Федерации Труда, Сюлеван, тот самый, который является главным агентом демократической партии по вербовке избирателей, воздавая должное усилиям Смита, подкармливающего безработных, вынужден прибавить, что это только паллиатив, так как основная причина безработицы заключается в рационализации и в росте экономии труда; так, Форд, предполагая больший, чем когда бы то ни было раньше, выпуск машин, сокращает число рабочих на 25.000 [1]).

Сын знаменитого отца, молодой Рокфеллер (из молодых да ранний: уже прославившийся нефтяными скандалами и подкупом высших правительственных чиновников) «жертвует большие суммы на постройку мостов, проведение дорог и других работ на частные средства, чтобы помочь таким образом безработным». Надо ли добавлять, что все это пестрое по своему составу жулье стремится исключительно к тому, чтобы приостановить совершающийся рост классового сознания безработных (популярность коммунистических лозунгов, выборы коммунистических кандидатов в комитеты и т. д.).

* * *

Депрессия перестала быть секретной болезнью еще и потому, что официальные данные о состоянии промышленности за последний квартал 1927 года находятся в решительном противоречии с теми оптимистическими оценками и пророчествами, которые делались в новогодних речах и статьях. Приводим некоторые из этих фактов. Количество

[1]) «New-York Herald» от 11/II—28 г.

груженых товарных вагонов за 4 квартал 1927 года было на 8% меньше, чем в 1926 году. Автомобильная индустрия была в октябре и ноябре 1927 года самой низкой за 5 лет. Производство стали к концу 1927 года упало до 60% производственной способности предприятий. Строительное дело было в 1927 году на 12% ниже, чем в 1926 году, при чем решающее значение имеет то, что падение было особенно сильно в четвертом квартале. В текстильной промышленности, особенно в прядильной, был закрыт ряд фабрик и уволены рабочие. Число промышленных рабочих в штате Нью-Йорка было самым низким за период, начиная с декабря 1921 года. Этой общей картине, как-будто противоречит тот факт, что количество употребленного электрического тока в 1927 году было на 9—12% больше, чем в 1926 году; но избыток падает на начало года, снижаясь к последнему кварталу до 5%.

Опубликовывая эти данные Нейшиенел Сити Банк Нью-Йорка [1]) об'ясняет понижение всего хозяйственного темпа к концу 1927 года исключительно сокращением производства стали и автомобильной промышленности и видит естественное утешение в том, что «обе эти индустрии находятся сейчас по пути к выздоровлению, особенно автомобильная индустрия, в которой ожидается большой рост производства». В какой мере, при каких условиях и на какой промежуток времени могут оправдаться возлагаемые на автомобильную индустрию надежды, мы увидим ниже. Но характерно, что это— единственное светлое пятно, которое банковский обозреватель может обнаружить в хозяйстве Соед. Штатов в этот период.

> «Сбыт угля пострадал вследствие теплой погоды... Хлопчатобумажная промышленность, которая стремилась удержаться в 1927 году на прежнем уровне, несмотря на падение тяжелой индустрии, подвергается сейчас сокращению, вследствие накопившихся у нее излишков... Информация, которой располагает сейчас эта индустрия благодаря работе хлопчатобумажного Института, дала возможность определить запасы продукции на предприятиях и принять шаги к тому, чтобы избежать серьезного перепроизводства, которое обычно следует за периодом такой чрезвычайной активности, какая была в прошлом году. Однако, с сокращением производства тенденция к уменьшению заработной платы, которая проявилась в последние месяцы 1927 г., получила дальнейшее распространение на фабриках Новой Англии. Тот факт, что это сокращение (10% в большинстве случаев) принималось обычно рабочими без возражений, сам по себе является убедительным доказательством тяжелого положения этой промышленности в Новой Англии, вызванного сравнительно высокой себестоимостью и конкуренцией южных фабрик.
>
> Что касается южных фабрик, то они имели в общем хороший год, и заработная плата в этом районе, вероятно, не будет затронута» [2]).

В таких закругленно спокойных фразах банковский бюллетень изображает начало депрессии хлопчатобумажной промышленности северных штатов, ложащейся уже всей своей тяжестью на рабочих. Перед нами, таким образом, следующие явления: 1) перепроизводство и образование запасов продукции на фабриках; 2) сокращение производства в порядке предписания хлопчатобумажного штаба, работающего под скромной вывеской научноисследовательского текстильного института; 3) сокращение числа рабочих; 4) сокращение заработной платы «в среднем на 10%»; 5) приводящая банковские

[1]) N. C. Bank of New-York; Бюлл. за февраль, стр. 3 и след.
[2]) Там же, стр. 4 и след.

сердца в умиление пассивность рабочих при увольнениях и сокращениях,— пассивность, которая об'ясняется не только слабой организованностью, но еще в большей мере систематическим предательством профсоюзных дельцов и, наконец, 6) перенесение промышленности в южные штаты, где есть не только негритянский, но и дешевый труд «белых рабов». Работающая почти исключительно на внутренний рынок хлопчатобумажная промышленность чувствительнее и раньше других подвергается ударам кризиса и пытается обезвредить его для себя резким сокращением заработной платы, уменьшением числа рабочих и привлечением южного, совершенно неорганизованного и беззащитного труда. От всей лицемерной теории северо-американского «процветания», основанного на высокой заработной плате, растущей покупательной способности населения и расширяющегося вследствие этого внутреннего рынка и т. д., и т. п. остается только мокрое место.

То же самое относится к обувной промышленности.

> «Обувная промышленность в последней части лета и в начале осени была в полном оживлении, и производство обуви достигло наиболее высокого уровня за ряд лет. Для многих крупных компаний... 1927 год принадлежал к числу хороших. Однако, последние сообщения о сокращении заработной платы и о последовавших забастовках, которые привели к закрытию большинства фабрик в Гаверхиле (Массачузетс), свидетельствуют о трудностях в некоторых отраслях этой промышленности. Как в текстильной индустрии, так и здесь постоянное распространение промышленности на другие части страны создает серьезную конкуренцию для старых центров».

Мы видим, таким образом, что легкая индустрия подает уже не подлежащие никакому оспариванию сигналы кризиса.

* * *

Как обстоит дело с грузооборотом в 1928 году? Согласно опубликованным официальным предположениям количество заказов на погрузку товарных вагонов в первом квартале 28 г., будет на 2,3% меньше, чем в 27 г. Эта цифра, однако, отнюдь не отражает действительного сокращения грузового движения. Так, согласно предположениям, перевозка автомобилей предполагалась на этот квартал на 12,5% больше, чем в 27 г. Можно уже с уверенностью сказать, что эти ожидания не оправдались, так как до сих пор выпуск автомобилей заводов Форда обманул все расчеты (в январе 28 г. было выпущено на 14 тыс. автомобилей меньше, чем в январе прошлого года.

Остатки казенного оптимизма, как мы видим, связываются с предстоящим расцветом автомобильной промышленности. Она должна сыграть роль ведущей, и некоторое оживление в стальной индустрии в январе, действительно об'ясняется в первую очередь заказами Форда. «Уолл Стрит Джорнал» считает, что оставшийся, вследствие приостановки во 2-й половине 27 года выпуска фордовских машин, ненасыщенным американский рынок проглотит в 28 г. машин на миллион или полтора больше, чем в 27 г. Считая в среднем цену автомобиля в 700 долларов, газета уверяет, что автомобильная промышленность увеличит продукцию на 700 млн. фунтов, что даст увеличение числа рабочих и служащих, занятых либо в автомобильной промышленности, либо в связанных с ней отраслях, на 350 тыс. человек. К этому присоединяются еще рабочие по прокладке шоссе, по строительству и обслуживанию новых гаражей, нефтеналивных станций и т. д.,—всего по подсчетам газеты, развитие автомобильной промышленности даст в 28 г. при-

рост занятых рабочих на полмиллиона. Хотя эти ожидания пока остаются на терпеливой бумаге, все же нельзя отрицать, что предстоящий под'ем производства автомобилей может *временно* смягчить депрессию и в других отраслях промышленности и снизить безработицу. Правда, развернутое выступление победителя Форда на рынок все больше отсрочивается: по официальной версии исключительно по техническим причинам, в действительности же, может быть, и по причинам рекламно-политического характера,— Форду, успех которого в значительной степени основан на уменье приспосабливаться и разжигать настроение публики, чрезвычайно лестно появиться в качестве целителя депрессии в самый разгар выборной президентской борьбы. Во всяком случае исключительное обстоятельство—остановка производства,—сулящее успех Форду, тем самым определяет и ограниченный характер этого успеха: чрезвычайно выросший в течение 27 г. производственный аппарат автомобильных заводов быстро насытит внутренний рынок, обнаруживающий сейчас спрос на дешевый автомобиль, и после кратковременного взлета Форд, в форме более острой, чем другие тресты, вынужден будет устремиться даже на завоевание новых рынков, на борьбу с автомобильной промышленностью Европы.

Наконец, характерным для 27 г. является *рост банкротств и сокращение доходности* промышленных корпораций, хотя при оценке официально публикуемых данных, относящихся к доходности, необходимо учитывать мошенничества, которые проделываются в балансах в целях уклонения от уплаты налогов, об'егоривания мелких держателей бумаг и т. д. Все же нельзя отрицать за колебанием доходности значения показателя общего состояния хозяйства. Ограничимся двумя характерными цифрами. По данным, опубликованным «Юнайтэд Стил Корпорэйшен», об'единяющей, как известно, около половины производства стали, ее доход за последний квартал 27 г. составлял 31 млн. долларов против 53 млн. за этот же период 26 года, а чистая прибыль снизилась на 10 млн. долларов сравнительно с соответственным кварталом 26 г. и на 22 млн. сравнительно с 25 г. В консервном деле для 4-х крупнейших трестов приводятся следующие цифры доходности: для 26 г.— 5,8%, для 27 г.—2,52% [1]). Для разных отраслей промышленности прибыль в 1927 г. была приблизительно на 25% ниже, чем в 1926 г.

Увеличение банкротств настолько характерно для 27 г., что коснуться этого вопроса не признал для себя зазорным президент Национального Промышленного Совета Магнус Александр на праздничном собрании германо-американской торговой палаты. Начав с обычных хвастливых заявлений на тему о том, что Соед. Штаты являются раем для рабочих, президент продолжал [2]):

> «Контрастом этому является тот факт, что банкротства в этот период расцвета (в 27 г.) стоят *почти так же высоко, как во время депрессии 1921—22 годов*. Согласно данным при взимании подоходного налога за последние годы из каждых пяти промышленных корпораций двое либо не имели дохода, либо работали с убытком. Цифры за первые три квартала 27 г. показывают, что,

---

[1]) N. C. Bank of. N.-York, Бюлл. за февраль 1928 г., стр. 24. «Широкое общественное мнение считает, что консервное дело является одним из наиболее доходных и что предприниматели в этой отрасли способны устанавливать цены и доходность как им заблагорассудится. Но цифры последних лет не оправдывают эту точку зрения». Такое трогательно-сочувственное отношение банка к «бедным овечкам», монополизировавшим консервное дело в С. Штатах, заставляет относиться с большой осторожностью к приведенным цифрам в качестве показателей абсолютной величины прибыли; *относительное* же падение ее за последний год указано, надо думать, более или менее правильно.

[2]) «N.-Y. Ch. Tribune», 11/II—28 г.

> несмотря на большую активность в делах, положение не было розовым для всех концернов. Перед нами—«парадоксы бесприбыльного расцвета».

В эту характеристику представителя комбинированного капитала следует внести довольно существенную поправку, сводящуюся к тому, что, несмотря на «плохие дела», доходы миллиардеров растут отнюдь не с меньшей быстротой, чем раньше, что во всех случаях, когда деятельность треста связана с биржевой спекуляцией,—а таких случаев большинство,—действительные слезы приходятся лишь на долю неудачников; что же касается миллиардеров, то они ловят вполне успешно «миг удачи». Так, «Дженераль Моторс Корпорэйшен»—автомобильный трест, взятый под высокую руку Морганом, дал в 27 г. (в значительной степени благодаря прекращению производства Форда) 235 милл. долларов чистой прибыли, побив таким образом не только все рекорды и восстановив полностью традиции военного времени, но и в течение довольно продолжительного времени являясь фаворитом биржевой спекуляции (за одну первую декаду марта эти акции поднялись в цене на 15%).

Но в подавляющем числе отраслей промышленности доходность понизилась, при чем депрессия особенно чувствительно отразилась на тех предприятиях, которым меньше удалось прикрыться преимуществами монополии.

* * *

Особенно заметным показателем того, что хозяйство Соед. Штатов с'езжает с рельс, является спекуляция на бирже и даже не столько спекуляция сама по себе, как обнаружившаяся в течение первых двух месяцев 28 г. осечка «всесильной» банковской резервной системы в деле ее обуздания. Еще в конце декабря Кулидж в подкрепление своего оптимистического прогноза «раз'яснил», что бешеный рост банковских ссуд под ценные бумаги является отнюдь не кредитованием биржевой спекуляции, а поощрением к выпуску займов, нереализованная часть которых временно остается за банками и проходит по балансу как обеспечение кредитов под акции. Заявление Кулиджа, опровергающее наличность биржевой спекуляции, было, в свою очередь, использовано, и в весьма широкой степени, не кем иным, как именно биржевыми спекулянтами, погнавшими дальше вверх нужные им бумаги. Прошло несколько недель после президентского вещания и резервные банки один за другим приняли решение о повышении учетной ставки с 3,5 до 4% в целях борьбы с биржевой спекуляцией. Президент Соед. Штатов оказался уличенным с поличным, впрочем, в таком «сухом» деле, которое вряд ли может омрачить его промасленную нефтью репутацию.

25 января Резервный банк Чикаго, т.-е. города, администрация которого славится слепой ненавистью к Англии и пренебрежительным отношением ко всяким соглашениям с Европой вообще, об'явил о повышении процентной ставки. На международном денежном рынке этот факт был встречен, как весьма неприятный сюрприз. Начались догадки, последует ли за Чикаго сейчас же Нью-Йорк или, подобному тому, как было в 25 г., нью-йоркский банк, будучи главным поборником низкой процентной ставки «в интересах эмиссионных банков других стран», продержится на старом уровне по крайней мере в течение двух месяцев. Особенно большой интерес проявили к этому *промышленные организации Англии*, которые связывают свои расчеты на рационализацию с дешевизной кредита и совершенно открыто—с низкой учетной ставкой в Соед. Штатах. Но оптимистические ожидания не оправдались: уже 3 февраля, не дожидаясь решения других резервных банков, Нью-Йорк повысил учетный процент,

тем самым подчеркнув, что борьба с биржевой спекуляцией требует быстрых мероприятий.

О мощи резервной системы Соед. Штатов,—составляющей наиболее усовершенствованный общехозяйственный планирующий орган, до которого додумалась до сих пор буржуазия,—о способности этой системы устанавливать погоду во всем хозяйстве, определять уровень цен, устанавливать общий курс бумаги и т. д. и т. п. написаны восторженные книги—и не одними американцами. Регулирующее дйствие бюро резервных банков сравнивают то с искуственной ирригационной системой, орошающей все хозяйство страны, то с рулем, направляющим ход хозяйственной машины, то с смазочным маслом, уничтожающим трения между отдельными частями хозяйства. На деле оказалось—ни то, ни другое, ни третье. Оказалось, что резервная система не только не в состоянии, как уверяли ее трубадуры, предотвратить свойственные капиталистической анархии периодические кризисы, но даже более или менее безболезненно справиться с таким «эпизодом», как перешедшая всякие границы приличия игра небольшой, но хорошо спевшейся банды на бирже.

Еще за несколько недель до повышения учетной ставки бюро резервных банков попыталось ограничить биржевую спекуляцию сокращением обращающегося в стране кредитно-ссудного капитала, пустив в ход другой свой рычаг, т.-е. приступив к продаже правительственных облигаций Соед. Штатов. Каждую неделю подсчитываются результаты действия обоих этих рычагов, составляющих главнейшую, если не всю регулирующую силу резервной кредитной системы, и оказывается—нуль! Сумма выданных банками маклерских ссуд не упала, как следовало ожидать; спекуляция не только не сократилась, но, наоборот, за первую неделю действия обоих рычагов сумма маклерских ссуд поднялась на 19 млн. долларов. Отмечая этот неожиданный репримаид, солидный еженедельник «Финансовая Хроника» пишет в передовой [1]:

> «Дальнейший рост (маклерских ссуд) на этой неделе тем больше привлекает внимание, что одновременно безусловно происходила распродажа бумаг на фондовой бирже, сопровождаемая серьезным падением курса. Ряд пулов (биржевых синдикатов) вынужден был выбросить свои бумаги на биржу, не считаясь с курсом. Этого, разумеется, надо было ожидать в виду сокращения ссуд под акции и облигации. Но в то время, когда старые пулы вынуждены были реализовать свои бумаги, терпя во многих случаях серьезные потери, вновь возникающие пулы начали игру на других акциях, и это проталкивание новых спекулятивных фаворитов не задерживалось какими-либо трудностями в получении кредитов, которые необходимы для этих операций. Сумма кредита под ценные бумаги, таким образом, осталась на прежнем уровне и даже выросла».

Итак, фавориты меняются, спекуляция остается. И не только остается, а по существу дела еще усиливается. Не только в течение первой недели после решительного вмешательства банковской системы, но чем дальше, тем она усиливается все больше. Необходимо прибавить, что если цитированный выше журнал в общем и целом правильно характеризует растущую спекуляцию, то он все же скромно обходит вопрос, какая же категория биржевых пулов исчезает, терпя убытки, и какая продолжает развиваться, наживаясь на «борьбе с спекуляцией»? В действительности гибнут более слабые,

[1]) «The Commercial and Financial Chronicle», 11/II 1928 г., стр. 755.

в громадном большинстве случаев присосавшаяся к ним биржевая мелкота. Для кучки миллиардеров стремительная перемена фаворитов и, следовательно, рост биржевого азарта, создают лишь наиболее благоприятные условия для раздевания публики. Меняются не только фавориты, меняются и «руки»; как раз накануне своего кратковременного, но стремительного под'ема соответствующая бумага, или вернее бухгалтерский символ ее, выскальзывает незаметно из слабых рук мелкоты и оказывается в сильных руках сверхспекулянта. Банки, являющиеся членами резервной системы (числом около 9.000), и свободные банки, уже не связанные никакими ограничениями, которым поэтому сам бог велел в такие моменты особенно усердно стричь и брить публику (а их число достигает еще более почтенной цифры—20.000), «регулируют» эту биржевую игру таким образом, что выигрывает сильнейший, а за разбитые горшки платит мелкая и средняя публика. Разного рода финансовые и экономические агентства, раздающие за соответствующее вознаграждение, а иногда и без оного, добрые советы честным людям о том, на каких бумагах можно быстро и верно разбогатеть,—агентства, среди которых есть и «солидные институты», считающие в нормальное время более выгодным быть более или менее добросовестными,—теперь, когда дело идет о том, чтобы сорвать всю биржевую ставку, завлекают в один голос публику в волчьи ямы, заготовленные спекулянтским штабом. В предсказаниях этих агентств, которыми кишат финансовые газеты и газетки, приводятся примеры из истории 25 г., когда биржа уже после понижения Резервным банком учетной ставки еще продолжала в течение 6 недель «кипеть», что как раз в периоде этого кипения легко делались деньги, что такая перспектива не исключена и сейчас—необходимо только продолжать вариться в биржевом соку. И ажиотаж действительно достигает все более высоких градусов. Разумеется, что и крах будет тем сильнее.

* * *

Со времени активного выступления Резервного банка прошло около 6 недель. Картина в общем и целом остается все той же. Вышедший за это время официальный бюллетень бюро Федеральных Резервных Банков [1]), посвященный последним мероприятиям по борьбе с «маклерскими ссудами», обходит полным молчанием вопрос о достигнутых за все это время результатах. Даже буржуазная печать отмечает эту странную молчаливость официального хозяина денежного рынка.

> «Бюллетень Резервного Банка,—говорит «Нью-Йорк Геральд» [2]),—оставляет без об'яснений тот факт, что маклерские ссуды сейчас значительно выше, чем раньше».

Молчание, как нельзя более, понятно, если принять во внимание, что еще до середины марта спекуляция на нью-йоркской бирже не только не прекращалась, но росла (телеграмма ТАСС от 13 марта сообщает: «Вчера в биржевой оборот были вовлечены 3,8 млн. различных акций, что является рекордной цифрой даже для нью-йоркской биржи». Из этой же телеграммы видно, что продолжается «смена фаворитов», придающая игре особый азарт).

> «Легко,—пишет цитированный выше «Financial Chronicle»,—ободрить и симулировать спекуляцию излишней свободой в пользовании банковским кредитом по низким ставкам. Но совершенно другое дело взяться за ограничение или уничтожение разнузданной спекуляции, когда движение оказывается уже вне контроля».

[1]) «Fed. Res. Bulletin», февр. 1928 г.
[2]) «N.-Y. Herald» от 15/II—28 г. (парижск. издание).

Для американской экономической прессы или правильнее для читателя ее, которого систематически уверяли, что резервная система обладает чудодейственной силой, такое заявление является неожиданным. Но, разумеется, тут нет никакой неожиданности для той горстки воротил, которая одновременно спекулирует на бирже и сидит в совете Резервного банка, дает взятки в качестве представителей трестов и получает их в качестве членов правительства. На торжественном обеде в честь Федерального Резервного Банка секретарь казначейства Меллон (тот самый, который, как теперь уже безусловно доказано, получил от нефтяного вора Синклера взятку в надлежащее количество десятков тысяч долларов для республиканской партии) еще 19 января пропустил «тонкий намек», который, однако, кем следует был тут же учтен, о том, что не следует возлагать преувеличенных надежд на резервную систему.

> «Работа федеральной резервной системы,—сказал он,—идет по здоровому творческому пути. Но было бы величайшей ошибкой ожидать от нее невозможного. *Она не является панацеей против всякого финансового и экономического зла, которое может обрушиться на страну.* Ни резервная, ни какая-нибудь иная система не может контролировать цены. *Самое большее, что эта система может* сделать, это — *оказать влияние, и то в ограниченных размерах, время от времени, на сумму циркулирующего в стране кредита и на его стоимость.* Кредит же, хотя и является одним из факторов, влияющих на цены, но отнюдь не единственным и даже не решающим. Мы требовали бы от федеральной системы невозможного, если бы возлагали на нее ответственность за контроль над ценами только потому, что она может осуществлять ограниченный контроль над размером предоставляемых кредитов [1]).

Эта речь Меллона, впрочем, стреляет гораздо дальше, чем по биржевой спекуляции: контроль над ценами относится уже к борьбе с надвигающимся кризисом. И в то время, когда в Англии виднейший банковский деятель Мак Кена разливается соловьем, отчасти из-за дипломатически-финансовых соображений, воспевая неограниченное всемогущество резервной системы (она, мол, регулируя кредит, определяя состояние денежного рынка и курс доллара, тем самым определяет и цену золота и общий уровень цен),— в это самое время Меллон считает необходимым пустить на всякий случай мысль, что ответственность за приближение кризиса и за его течение резервная система взять на себя не может [2])... Но уже одна такая неожиданная скромность со стороны секретаря казначейства С. Штатов, который

[1]) «Fin. Chron.» от 28/I 1928 г. Стр. 521.

[2]) Характерно, что именно сейчас в германской экономической печати стали появляться статьи по вопросу о том, в какой мере Бюро Резервного Банка Соед. Штатов способно регулировать хозяйство и денежный рынок страны. «Der Deutsche Volkswirt.» (№ от 2/III 1928 г., стр. 699) печатает статью «Федеральная резервная система и кредитные банки» *парижского* сотрудника Клауэ, которого редакция рекомендует «особым авторитетом, который два года прожил в Америке, специально изучая вопросы кредита». Автор с благоговением повествует о том, при помощи каких тонких приемов Федеральный Резервный Банк господствует над денежным рынком. Вторая статья («Magazine der Wirtschaft», № от 23/II 1928 г., стр. 278). Д-р Палий в статье под заглавием «Диктатура эмиссионного банка!» полемизирует с Мак Кена, доказывая, что американская кредитная система в конечном счете при сильных колебаниях в притоке и отливе золота находится в такой же зависимости от золотых запасов, как и всякая валютная система. Последняя статья, несмотря на плохо скрываемую цель внушить читателю веру в превосходство германской эмиссионной системы, заключает некоторый фактический материал.

до сих пор повелевал стихиями, не предвещает ничего утешительного: «Что-то гнило в царстве датском!»

* * *

Выше мы видели, что представители официальной Америки начинают похмелье 1928 года с признаний ряда фактов, являющихся показателями кризиса. Какие же меры они рекомендуют для их устранения?

Министр труда Дэвис, говоря о борьбе с безработицей, подчеркивает, что «он возражал против понижения таможенных тарифов *и против отправки новых американских денег за границу для развития иностранной промышленности, которая конкурирует теперь с соответствующими отраслями промышленности Соед. Штатов*». Президент Национального Промышленного Совета Магнус Александр, говоря о бездоходности американской промышленности, считает необходимым, несмотря на свое положение знатного гостя, в честь которого германскими фирмами дается обед, внести в свою речь тревожную ноту: «*Европейская конкуренция*,— говорит он, — *начинает давать себя чувствовать в возрастающей степени*». Форд, который призван окропить живой водой впадающую в апатию американскую промышленность, внезапно обнаруживает исключительный интерес к Европе: будучи всю свою жизнь противником шаблонной рекламы в слишком откровенных и потому недостаточно обманывающих газетных об'явлениях, он начинает систематически покупать по воскресеньям в важнейших европейских газетах целую страницу для проповеди о преимуществах фордовской марки перед всеми остальными существующими. Больше того, Форд так далеко идет по пути отказа от своих привычек и традиционных взглядов, что начинает настойчиво и повторно об'ясняться в любви по адресу Советского Союза: «Россия станет одним из крупнейших мировых рынков, когда там будет проложено больше хороших дорог»...

Вопрос о завоевании новых рынков и о европейской конкуренции, мешающей этому завоеванию, получает решающее значение для Соед. Штатов с точки зрения преодоления надвигающегося и надвинувшегося кризиса. Здесь мы подходим к вопросу о том, в какой степени приближение кризиса уже оказало влияние на активность американского империализма в хозяйственно-финансовой и дипломатической области.

II.

Стремительное возникновение монопольных об'единений.

Еще в начале года «Journal of Commerce» писал, что 1928 г. будет годом хозяйственных об'единений. В феврале, сообщая о ряде слияний и об'единений, он гордится тем, что его предсказание оправдалось.

> «Сказанное относится к стальной индустрии, к некоторым отраслям текстильной промышленности, к производству пищевых продуктов, к распределению, в особенности же к автомобильной индустрии».

Этот процесс газета об'ясняет тем, что

> «массовая продукция и понижение цен привели к понижению доходности, что было одним из характерных моментов для прошлого года. Отсюда — высокий рекорд банкротств».

«Consolitated Press» в начале февраля сообщает, что ведутся переговоры об образовании новых *об'единений в дюжине значительных отраслей промышленности*. Часть «независимых»

стальных компаний обсуждает условия, на которых может произойти об'единение. Ряд предприятий, производящих приборы и инструменты, ставит вопрос об об'единении. Производство шин «чувствует также необходимость в об'единении» («Literary Digest» от 11 февраля 1928 г.). Сообщая об этом стремительно развивающемся процессе об'единения, печать считает необходимым неизменно предупреждать, что цель, которая при этом преследуется, отнюдь не повышение цен (эти оговорки нужны, чтобы легче обходить антитрестовский закон). Речь идет о понижении, и только о понижении стоимости. Но почему этот вопрос получает такую острую постановку именно сейчас и разрешается в таком пожарном порядке?

В «Большевике» уже указывалось [1]), что необходимость об'единения трестов Америки в национальные монопольные организации мотивируется подготовкой к борьбе за внешние рынки против трестифицированной Европы. Уже в конце 1927 г. такую откровенную формулировку можно было встретить в экономической печати и в речах представителей экономических и финансовых организаций. Новое, что принес в эту область 1928 г., заключается в том, что с речами о серьезной опасности, представляемой трестифицированной Европой, выступают официальные представители правительства. Начали адмиралы Вильбур и Пленкет, заявившие с чисто вильгельмовской откровенностью, что сильнейший флот нужен Соед. Штатам для того, чтобы разбить Европу и отвоевать у нее заграничные рынки. Одними адмиралами, которым, особенно при истребовании биллионных ассигновок, стесняться не приходится, дело, однако, не ограничивается. Официальный представитель такого мирного и солидного министерства, как департамент торговли — Юлиус Клейн [2]) выступает в комиссии конгресса с развернутой экономической программой борьбы против Европы. Трудность и неотложность этой задачи мотивируется прежде всего ростом трестификации Европы. Клейн считает своим долгом предупредить конгресс о том, «что настал час, когда американский деловой мир должен вступить в борьбу, если только он хочет сохранить могущественную внешнюю торговлю, построенную им в течение последних десятилетий». Европейская опасность усугубляется тем, что развитие хозяйства совершается там в форме картелей. Но почему американские чиновники, питающие столь нежные чувства к своим трестам, так возмущаются европейскими картелями? Не потому, конечно, что в первом случае речь идет об усилении мощи своих капиталистов, а во втором о мощи своих конкурентов! Клейн видит принципиальное различие между американскими и европейскими хозяйственными монополиями.

> «Европейские картели представляют собою тип комбината, правда, приближающийся к нашим трестам, но с такими ограничивающими свободу промышленности задачами и с **таким участием в них правительства, которого никогда не потерпели бы Соед. Штаты**».

Итак, в своем глазу мистер Клейн бревна не хочет видеть, зато в европейском он довольно своевременно заметил, правда, не сучок, а такой достаточно развившийся ствол, как **сращивание трестов с государственным аппаратом**! Европейские монополии, оказывается, «переамериканизировали» самоё Америку!

> «Картели,—говорит Клейн,—это—**новое страшное оружие конкуренции**... Они причиняют глубочайшую тревогу нашей стране, в особенности тем отраслям промышленности, которые изготовляют сталь, рельсы, трубы, алюминий, эмаль, искусственный шелк, медь, электрические принадлежности, стекло, проволоку. Все эти отрасли промышленности охвачены сейчас в Европе картелями. Европа, глубоко встревоженная теми гигантскими преимуществами, которых мы добились благодаря нашей способности к массовой продукции, об'единяет целые отрасли промышленности... Мы видим к чему они стремятся. Они пытаются организовать, например, европейскую стальную промышленность, которая могла бы противостоять американской стальной индустрии. Картелизированные товары появляются на наших рынках экспорта. Сталь, как известно, является одним из главных предметов нашего экспорта, другим таким товаром является стекло. Сейчас в печати появляются сообщения о возникновении комбината с миллионом долларов в химической индустрии Европы. Франция и Германия уже связаны химическим комбинатом, Англия вступает в него в ближайшие недели. Положение, разумеется, вызывает всеобщую тревогу. Она заключается в том, что **европейские правительства готовятся с серьезностью и интенсивностью, которых они раньше никогда не обнаруживали, к новой погоне за иностранными рынками**. Мы отметили это на недавно состоявшейся последней Женевской экономической конференции. Это было еще более заметно на международной Стокгольмской конференции торговых палат. Во всей Европе мы видим пробуждение, небывалое в прошлые годы».

[1]) См. «Большевик» № 23—24. 1927 г. «Трестифицированная Европа и американские планы».

[2]) «Journal of Commerce» от 6/I —28 г.

Мы видим, что не только адмиралы, но и правительственные чиновники министерства торговли ставят в центре внимания борьбу против трестифицированной Европы, что даже такие акты «пацифизма», как Женевская экономическая конференция, вызывают у них не слезы умиления, а скрежет зубовный. Речь, разумеется, идет не о тех добавочных сотнях тысяч долларов, которые Клейн испрашивает для своего департамента «в целях наблюдения за Европой». Речь идет о том, чтобы, взвинтив патриотизм янки, ликвидировать остатки антитрестовского закона, доказать права американских рвачей на неограниченные монополии и подготовить общественное мнение к ожесточенной экономической и военной борьбе против угрожающей Европы. «Теория» Клейна является, таким образом, «обоснованием» того процесса стремительного образования новых, архимогущественных трестов, который совершается сейчас в Америке.

Отметим некоторые из них.

* * *

В конце февраля в Вашингтоне предполагалась конференция представителей **химической индустрии**, в которой должны были принять участие вызванные специально для этой цели из Европы торговые агенты Соед. Штатов в Париже и Берлине. Цель конференции—«обсудить положение, создавшееся в связи с предстоящим образованием европейского химического треста». Европейская печать пыталась было заверить американцев, что переговоры в химической промышленности не направлены против Америки. Не поверили! Затем с той же целью выступил на состоявшемся в конце 1927 г. юбилейном собрании председатель союза химической индустрии Германии фон-Вейнберг; он торжественно опроверг «слух, будто европейское об'единение химических предприятий имеет целью образование боевого фронта». Напрасно! Америка таким заявлениям верить не будет.

«Европейская сторона,—пишет «Вельтвиртшафт» [1]),—обнаруживает желание соглашение в химической промышленности привести к мировому соглашению с целью достигнуть нормального распределения продукции и нормального сбыта. Американцы стоят на другой точке зрения. Франциск П. Карвин, президент химической организации, заявил недавно в номере нью-йоркского «Джорнал оф Коммерс», *что не может быть и речи о присоединении американской химической индустрии к европейскому об'единению*. Другой член химической организации видит в химическом об'единении Европы не только об'явление *торговой войны* против Америки, но и *также военно-наступательный союз, потому что он не сомневается, что в ближайшем времени будет химическая война*».

Характерно, что печать германских промышленников [2]) скрывает от читателей, что решающим аргументом для американских трестовиков является не только картелирование европейской химической промышленности, но и наступательные планы *специально Германии* против американской химической индустрии.

«Германское проникновение в наш район,—пишет «Джорнал оф Коммерс» [3])—привело к возникновению далеко идущих планов. Они заключаются в том, что германский химический трест уже контролирует и предполагает расширить свой контроль над некоторыми химическими предприятиями в самих Соед. Штатах. В результате этого таможенный тариф, который сейчас охраняет рынок Соед. Штатов от иностранной продукции, даст им ту самую защиту, которой сейчас пользуются американские фабриканты, и откроет им рынки для продуктов, которые они сейчас не могут продать вследствие существования таможенного барьера. Существуют серьезные сомнения относительно того, возможно ли делать что-либо, чтобы противодействовать планам германского об'единения. В Вашингтоне уже в течение известного времени ведется агитация для внесения поправок в антитрестовский закон, агитация, которая получила недавно новую силу вследствие перепроизводства в нефтяной промышленности»...

Итак, германская индустрия угрожает американской химической индустрии не только на внешних рынках, но и в самой Америке. Здесь мы встречаемся с новым моментом характеризующим сложность отношений в международных синдикатах. Она заключается в следующем: подобно тому, как международные хозяйственные об'единения не исключают, а только придают другую форму остающейся, иногда еще более усиливающейся конкурентной борьбе, так и открытая борьба, хотя бы она и приобрела форму экономической войны, не исключает, а предполагает одновременно соглашения, тайные и явные, между отдельными участниками враждующих группировок—соглашения, которые в свою очередь направлены на удушение противника уже «на близком расстоянии».

* * *

Химическая индустрия, как известно, играет центральную роль во всех военных планах всех империалистов. Ни в одной отрасли промышленности не ведется такая энергичная, не останавливающаяся перед тратами бешеная работа по изысканиям и открытиям. И уже во всяком случае ни в одной

[1]) «Weltwirtschaft» № 2, 1928 г., стр. 31.
[2]) «Berg. Zeitung» № от 2/II—28 г.
[3]) «Journal of Commerce» от 21/I—28 г.

отрасли промышленности результаты этих изысканий не оберегаются с такой священной заботливостью. Однако, европейский химический картель будет, по крайней мере по заявлениям его организаторов, одним из самых обширных не только по составу членов (об'единяя сразу не только все важнейшие страны континента, но и Англию), но и по об'ему соглашения, предполагая обмен патентами, даже специалистами и т. д. Как примирить это противоречие? Скрыть его не может даже такой утонченный дипломат-экономист, как редактор английского «Экономиста» Лейтон. В статье, предназначенной для иностранной печати [1]), «Навстречу мировому химическому тресту. Преимущества немецко-английской совместной работы» Лейтон повествует о том, какие выгоды обеим сторонам сулит англо-германское химическое соглашение и как славно жилось бы на свете, если бы все другие страны последовали этому похвальному примеру. Помилуйте! Появилась бы возможность делиться изобретениями, которые везде накапливаются и скрываются! Но тут автор начинает заминаться. Он пытается выплюнуть застрявшую у него в глотке косточку и вернуть себе свободу речи. Но не тут-то было!

«Секретные формулы каждого изобретения (в области химии) оберегаются самым заботливым образом, чтобы можно было извлечь, как можно большую выгоду (в конкурентной борьбе). *Наибольшая трудность, однако, заключается в той роли, которую призвана играть химическая индустрия во время войны*. При современном состоянии международного вооружения химическая индустрия образует даже не вторую, а первую линию *защиты* каждой страны, которая вынуждена вести войну. Это соображение лежит в основе всей таможенной политики и тех затруднений для импорта, которые были введены со времени окончания войны различными правительствами Великобритании. *При теперешнем состоянии мировой политики и мирового хозяйства трудно сказать, каким путем эти трудности могут быть устранены*».

Читатель опечален. Если даже в Англии, которая, как известно, думает только «о *защите*» (см. выше) *все* правительства (читай и Макдональдовское) не только оберегали свои химические секреты, но препятствовали развитию чужой химической индустрии из-за военных соображений, то каким же образом картелю удастся установить химическую идиллию и гармонию удушливых газов? Остается единственная, хотя и не слишком близкая, но все же верная надежда на всеобщее разоружение. Но Лейтон, увы, поручиться и в этом случае не может.

«Всеобщее разоружение имело бы своим результатом скорее увеличение значения химической индустрии в отдельных странах, чем его уменьшение, ибо раз народы уничтожат свою тяжелую артиллерию, свои аэропланы для сбрасывания бомб, свои военные корабли и другие видимые орудия войны, они, вероятно, тем более употребят свою энергию на неограниченное развитие химических средств, которые, хотя и менее специализированы, чем названные выше орудия смерти, все же по меньшей мере столь же действительны, как они».

Мы, таким образом, попутно получаем от достаточно осведомленного по этой части публициста (важнейшего эксперта женевской экономической конференции, одного из редакторов последней промышленной программы английской либеральной партии и т. д.) раз'яснение, *что* буржуазные пацифисты и поборники разоружения разумеют под «всеобшим разоружением».

[1]) Цитирую по «Prager Tagblatt» № 2—3 1928 г.

Согласно откровенному признанию Лейтона, речь идет не более и не менее, как о том, чтобы видимые орудия войны заменить невидимыми, «не уступающими первым по смертоносной силе», но имеющими то преимущество, что, не бросаясь резко в глаза, они лучше скрывают военные замыслы. Секрет и тайна и в этом случае остаются главным преимуществом химии. Тем более непонятно, как же химические короли систематически будут пробалтывать друг друг свои секреты и посвящать своих коллег по синдикату в то, что составляет святая святых современного милитаризма.

В статье Лейтона нет ответа на этот вопрос. Есть только указание на то, что эти серьезные трудности при международном об'единении придется преодолеть. Но как? Ответа нет. Между тем ларчик открывается очень просто. Каждая из договаривающихся сторон одинаково стремится использовать соглашение, как новое средство борьбы против всех остальных. Соглашение, как новая, отнюдь не исключающая все старые, форма борьбы,—вот, что лежит в основе той исключительной сговорчивости и мнимой уступчивости, которые обнаруживают национальные тресты именно в химической промышленности.

Но если международные хозяйственные соглашения, предполагают непрекращающуюся борьбу между союзниками, то, с другой стороны, в тех случаях, когда между конкурентами идет открытая борьба, она не исключает элементов тайного сговора между участниками враждебных лагерей за счет своих союзников. Пример. Северо-американская и германская химическая индустрия как-будто на ножах. Мы видим, что американская печать обвиняет немцев не только в экономическом наступлении, но в покушении на самое существование Соед. Штатов (понижение обороноспособности!). С целью отбиться от этой опасности созывается специальная конференция всех представителей химической индустрии Соед. Штатов. На вопрос о примирении между обеими враждующими группировками официальный представитель американской химической организации отвечает: никогда! И что же? Одновременно крупнейшие участники обеих группировок, не прекращая войны и не собираясь ослабить ее, в сторонке договариваются о совместной работе по монополизированию отдельных специальных областей химической промышленности.

Мы видели выше опасения «Джорнал оф Коммерс», что европейская химическая индустрия, в первую очередь германская, заложит свои гнезда в самих Соед. Штатах. Но разве трудно ликвидировать в самом начале проникновение этого чужеродного тела в американское хозяйство? Оказывается—не легко.

> «Не существует пути,—продолжает газета, передавая мнение официозных кругов,—чтобы предупредить проникновение иностранных инвестиций в американские концерны,—известно, ведь, что значительная сумма европейских денег вложена в американских предприятиях. С другой стороны, много американских денег инвестировано в заграничных предприятиях, часть их, как передают,—в ту самую германскую организацию, которая стремится сейчас обосноваться в Соед. Штатах».

Перед нами, таким образом, переплетение интересов двух борющихся между собой группировок, заставляющее каждую из них одновременно «и ненавидеть и любить» своего конкурента-компаньона. До 14 года это переплетение интересов, наиболее резко бросавшееся тогда в глаза в области банковского капитала, давало основание и глупцам и жуликам утверждать, что такая общность интересов делает невозможной войну между странами, внутренне связанными между собой экономическими и финансовыми нитями. После опыта империалистической войны 1914—18 годов глупцы должны были прозреть, и уже одним только лжецам полагается развивать теорию о преодолении опасности войны экономическими сближениями и соглашениями между народами. Главный их аргумент заключается в том, что в 1928 г. в отличие от 1914 г., речь идет не о частичных соглашениях между раздробленными и распыленными интересами, а о законченных мирных экономических договорах между национальными трестами, охватывающими или контролирующими целую область производства страны. На примере химической индустрии видно, как, с одной стороны, внутри этих национальных об'единений тлеют и зреют противоречия, а с другой—межнациональные соглашения являются лишь платформой для экономической борьбы и исходной позицией для военных конфликтов.

Официальные круги Соед. Штатов, как мы видели, утверждают, что нет средств для того, чтобы в данных условиях отнять у германской промышленности возможность просочиться на американский рынок. Но почему так? Американская химическая индустрия в достаточной степени трестифицирована, власть над ней сконцентрирована в руках двух-трех химических королей; для них раздавить те непослушные предприятия, которые, вопреки «общему интересу», будут заводить шашни с германской промышленностью, казалось бы—пара пустяков. С другой стороны, сама-то химическая индустрия Германии давно ли в порядке защиты цивилизации была до последней нитки ограблена Соед. Штатами, и патенты ее (химии, а не цивилизации) были распределены безвозмездно между американскими фабрикантами? Правда, после этого химическая индустрия в Германии успела оправиться, но опять-таки в порядке плана Дауэса, т.-е. на американские денежки и под неусыпным американским оком. При таких условиях германской промышленности полагается «сидеть на пайке» и уже во всяком случае не появляться в качестве победительницы в Соед. Штатах. Оказывается, однако, что дело развивается не таким упрощенным «автоматическим» путем.

Раздавить непокорных своих членов, пренебрегающих интересами целого, американская химическая семья не может по той простой причине, что позади их, или, правильнее, во главе их, стоит не кто иной, как король всех химических королей, один из крупнейших комбинаторов Соед. Штатов, не раз бывший диктатором нью-йоркской биржи и сейчас контролирующий крупнейший химический трест Соед. Штатов знаменитый Дю Понт! Правда, пока-что будучи душой похода против германских химических трестов и давая директивы своей печати симулировать встревоженность за будущую оборону страны, он ведет переговоры с I. G. Farbenindustrie под железной маской, но черты лица архиспекулянта Дю Понта слишком выразительны, чтобы их можно было скрыть.

> «Наблюдатели, вернувшиеся из Берлина, сообщили Уолл-Стриту,—продолжает «Джорнал оф Коммерс»,—что Карл Бош, директор I. G. Farbenindustrie заявляет, что ранней весной он собирается приехать в Соед. Штаты. Со слов Боша передают, что он пытался в ряде случаев достигнуть соглашения с Allied Chemical and Dye Co (второй после Дю Понта по мощности химический трест. *П. Ш.*), но без успеха, в то время, когда переговоры о соглашении с Дю Понтом, по его словам, развиваются благоприятно до настоящего времени. Бош, как передают, предполагает постройку совместно с Дю Понтом больших заводов нитрата и метанола в Соед. Штатах. Передают, что I. G. Farbenindustrie предполагает построить здесь также большой завод нитрата за собственный счет. Д-р Бош также заявил публично в печати, что он получил приглашение от торговых палат Соед. Штатов открывать фабрики

в различных городах и что все руководящие американские банки предложили ему займы».

Трудно, конечно, сказать, в какой мере эти сообщения о предстоящей гастроли Карла Боша и об ожидающих его головокружительных успехах соответствуют действительности и нет ли здесь сознательного сгущения красок в целях расжигания страстей накануне воинственной конференции представителей химических трестов. Во всяком случае, если и в преувеличенном виде, то все же отражает действительно происходящий процесс взаимного прощупывания и проникновения между отдельными отраслями промышленности Европы и Соед. Штатов. Но общим фоном, на котором происходят эти частичные процессы, остается обострение противоречий и углубление борьбы между обоими противниками, из которых никто еще не является ни разбитым, ни обезвреженным. Сближение между I. G. Farbenindustrie и трестом Дю Понта в какой-нибудь области производства отнюдь не означало бы даже примирения: каждая из договаривающихся сторон с места в карьер стремилась бы использовать сближение, чтобы нанести противнику как можно более решительный удар. От сближения полюсов, на которых накоплены такие чудовищные массы противоположного электричества, сила взрыва только возрастает.

* * *

Такое же ускорение процесса трестификации под лозунгом борьбы с европейской конкуренцией, как в химической индустрии, можно констатировать в железоделательной и сталелитейной промышленности, хотя здесь вследствие общей замедленности темпа роста производства процесс выступает не так отчетливо. И здесь, с одной стороны, переговоры между так называемыми «независимыми», т.-е. не входящими в «Юнайтед Стил Корпорэйшен», трестами об об'единении в общий национальный трест с официальной программой «создания организации, которая была бы способна конкурировать не только на внутреннем рынке, но и в наименее доступных частях мирового рынка». Основа этого нового сверхтреста уже заложена об'единением двух компаний: «Республиканской компанией железа и стали» и «Трэмбелской Стальной Компанией»; обрастание этого ядра другими «независимыми» трестами лишь вопрос времени. Однако, и стальная промышленность С. Штатов пытается оттеснить Европу не только в открытой борьбе. Здесь также намечается, хотя и в зачаточной форме, план добиться разрешения той же задачи частичным сближением с европейским континентальным картелем или, по крайней мере, соблазнами такого сближения. Пробный шар в этом направлении был пущен сообщением в печати о предстоящем приезде в Европу председателя «Юнайтэд Стил Корпорэйшен» Томаса для переговоров с европейским стальным картелем о «согласовании действий». Такая перспектива, разумеется, была бы особенно заманчива для германского стального картеля, ибо она принудила бы Англию поторопиться с отказом от всяких колебаний и переторжек в деле присоединения к континентальному картелю, не говоря уже о Польше и других мелких производителях, которые стали бы умолять об их включении. Тем более показательно, что пробный американский шар был встречен в кругах германских промышленников с большой осторожностью и подозрительностью. Причины этого изложены с достаточной откровенностью на страницах хорошо осведомленного «Дейтшер Экономист» [1]) следующим образом:

«Если сообщение о намерении председателя Томаса вступить в переговоры с континентальными предприятиями встретило все же только незначительное внимание, то причиной этому является тот факт, что С. Штаты до сих пор уклонялись от всяких попыток к сближению, и что нельзя легко доверять такой неожиданной перемене в намерениях... Каждый раз, когда осторожно запрашивали, не намерена ли стальная индустрия Соед. Штатов принять участие в стальном картеле, оттуда немедленно следовал отказ. Дело не доходило даже до необязательных предварительных переговоров... Вся тенденция американцев в последние годы заключалась в том, чтобы удерживать поодаль от своего рынка чужое железо и сталь, при чем имелась в виду в первую очередь германская сталь, которая, согласно господствующему в Соед. Штатах мнению, является самым серьезным конкурентом. Отсюда требование — затруднять ввоз и облегчать вывоз, — требование, которое еще совсем недавно было поднято в Вашингтоне могущественнейшим стальным трестом».

[1]) «Der Deutsche Economist» от 23 февраля 1928 г., стр. 253.

Но, может быть, американская стальная индустрия изменила свою политику и собирается действительно перековать мечи экономической борьбы в арала картельного соглашения? Германские трестовики не очень-то этому доверяют не только потому, что такие внезапные метаморфозы мало вероятны, но и потому, что, по их собственной оценке положения мирового рынка, дальнейшее заострение борьбы неминуемо.

«Если верно, что Томас хочет вести переговоры с континентальными группами, то в Соед. Штатах должна произойти радикальная перемена в оценке целесообразности соглашения с Европой. Самим положением мирового рынка эта перемена тенденции не может быть обоснована. В возможность под'ема на мировом рынке не верят также и там. Борьба за районы сбыта будет и впредь существовать. Для стальной индустрии Соед. Штатов это означает, что так горячо преследуемая ими цель — покрывать американский спрос только американской продукцией — не будет достигнута, не говоря уже о том, что ее дальнейшие стремления — рассматривать сбыт в Южной Америке с такой же точки зрения—еще долго останутся музыкой будущего. Может быть, в Соед. Штатах думают приблизиться скорее к исполнению этих желаний, если подобные требования будут поставлены в порядке международного соглашения».

Перед нами, таким образом, довольно трезвая оценка столь быстро растущего в Америке интереса и внимания — притом в самых разнообразных и наиболее противоречивых формах — к европейским трестам: не только кулак открытой конкуренции, но и протянутая через Атлантический океан рука соглашения имеют прежде всего цель зажать трестифицированную Европу и оградить от нее по меньшей мере все рынки западного полушария. Повиснет ли эта рука в воздухе, или волей-неволей будет принята Европой, зависит, разумеется, не только от одной Европы: дурной мир часто является результатом хорошей ссоры!

* * *

В порядке дурного мира цинковая индустрия Соед. Штатов завершает и оформляет сейчас свое неоспоримое господство на мировом рынке, нанося при этом самый чувствительный удар Англии и в производственном и в торговом отношении. В течение февраля в основных цинкопроизводящих странах Европы (Германии, Англии, Польше, Скандинавии, Франции и Италии) происходили выборы делегатов на предстоящую в Брюсселе конференцию по вопросу об образовании европейского цинкового синдиката.

Два основных американских металлических синдиката, контролирующие цинковую промышленность Соед. Штатов, намерены тоже присоединиться к этому соглашению; речь, таким образом, идет об образовании мирового цинкового картеля. То соотношение сил, которое будет установлено этим соглашением, является в сущности серьезным поражением, понесенным Британской империей в ее борьбе с Соед. Штатами.

> «Борьба за доли участия, — пишет «Дейтшер Экономист» [1]), — явится в Брюсселе в действительности важнейшим пунктом порядка дня. В этой борьбе наметилась совершенно отчетливая линия фронта. На одной стороне находятся могущественные производители цинка Америки, которые сумели поднять свою долю в мировом производстве цинка с 31% (до войны) до 46% — в 1924 г. и до 50% — в 1926 г., и которые теперь, получив опорные пункты в европейских располагающих цинковыми рудами странах, Соед. Штаты хотят прекратить в абсолютное превосходство как в мировом производстве, так и в будущем международном цинковом картеле, — такое же превосходство, какого они уже добились в мировом медном картеле. На другой стороне — вынужденные к обороне производители цинка Европы, доля которых в мировой добыче между 1913 и 1926 годами упала с 68% до 45%, а в потреблении — с 80% до 52%».

С какими козырями явятся американские синдикаты на брюссельское совещание или, вернее, с какими они будут вести свою беспроигрышную игру, даже не показавшись в Брюсселе? Прежде всего превосходством в технике: весь американский экспорт цинка в Европу — в последнее время около 33 тыс. тонн ежемесячно — состоит из высших, добываемых электролизом сортов цинка, составляющих монополию Соед. Штатов. Затем за американскими синдикатами стоит всемогущий Рокфеллер, чье имя уже одно сулит победу. Наконец, Америка располагает наиболее богатыми залежами цинковых руд в то время, когда европейские и австралийские запасы исключают возможность дальнейшего роста добычи. Но это еще не все. Решающим является тот факт, что и на эти европейские запасы Америка налагает свою руку, заключая, с другой стороны, с важнейшими европейскими потребителями (бельгийцами) долгосрочные договоры на поставку американцами цинковой руды, применяя обычную тактику «окружения», которая дает все преимущества наиболее сильной по своим монопольным позициям стороне.

> «Ближайшей страдающей стороной этого развития будет Англия. Руководитель английской цинковой корпорации Гуветт недавно заявил, что Британская империя вынуждена платить Америке чудовищные цены за цинк, — около 35 млн. фунт. стерлингов в год. Но и в другом отношении растущее цинковое господство Соед. Штатов угрожает Англии. Чем больше центр тяжести мировой продукции перемещается в Америку, тем теснее европейские, а именно бельгийские, цинковые предприятия примыкают к американским группам при продаже, тем слабее становится доминирующее некогда положение лондонского металлического рынка, как посредника европейской цинковой промышленности, тем больше опережают его конкурирующие цинковые рынки Сент-Луи и Нью-Йорка. Этим определяется опасность, угрожающая одному из устоев лондонской мировой торговли».

[1]) «Der Deutsche Ekonomist» от 1 марта 1928 г., стр. 299 и сл.

* * *

Не случайно конечно, что такой же процесс перераспределения сил в пользу обеспечения превосходства Соед. Штатов происходит как раз сейчас и в алюминиевой промышленности, играющей все более важную роль в военном деле. В алюминиевой промышленности положение Соед. Штатов в этом отношении значительно хуже, чем в цинковой, потому что в Соед. Штатах запас сырья — боксита — скоро будет исчерпан в то время, как Европа обладает залежами боксита в большом количестве. Кроме того, алюминиевая промышленность является для Соед. Штатов сравнительно новой и развилась лишь во время войны. Своим быстрым расцветом американский алюминий обязан прежде всего семье Меллонов (двух Ричардов, Вильяма и самого Андрю, нынешнего секретаря казначейства), являющейся полным хозяином алюминиевой компании, которая монополизировала 100% производства. Что же касается семьи Меллонов, то она, в свою очередь, обязана алюминию своим быстрым обогащением, так как во время войны она, с одной стороны, являлась монопольным заказчиком алюминия, представляя интересы государства, а, с другой — являлась монопольным поставщиком, представляя интересы треста, — такое «совместительство» дало Меллонам исключительные даже для военных рвачей барыши. Дальнейшим шагом меллоновской монополии явилось превращение Алюминиевой Компании Канады, контролирующей также 100% производства, в дочерную организацию Алюминиевой Компании Соед. Штатов. В результате установилась до последнего времени молчаливая договоренность между американской алюминиевой промышленностью, с одной стороны, и европейским картелем — с другой. Но в самое последнее время это равновесие нарушается: в начале 1928 г. Соед. Штаты уже без всякого сговора с европейским синдикатом, меняют условия худого мира в направлении, обеспечивающем дальнейшее превосходство Соед. Штатов на мировом рынке. Какими средствами? «Виртшафтдинст» [1]) отмечает следующие моменты:

> «1) понижение цен на алюминий в Соед. Штатах с 26 на 25 центов (ноябрь 27 г.), а затем на 23 цента за фунт (декабрь 27 г.), — мера, которая затрудняет ввоз европейского алюминия;
> 2) постройка новых гигантских предприятий в Канаде, где ежегодно будет добываться 100 тыс. тонн чистого алюминия, в результате чего американская доля в мировой продукции будет удвоена;
> 3) заключение концессионного договора с советским правительством с целью развития алюминиевой русской промышленности;
> 4) повышенная активность по экспорту в Восточную Азию за счет европейских конкурентов и
> 5) участие в акционерной компании «Боксит» (Цюрих)».

Последний пункт особенно характерен: речь идет о захвате источников боксита в самой Европе. Уже раньше американский трест подчинил своему контролю запасы боксита в Британской Индии, затем в Нидерландской и Британской Гвинее, затем перешел в Европу и заключил соглашение с итальянскими группами и, наконец, наложил руку на цюрихскую компанию, от которой в значительной степени зависит алюминиевая промышленность Германии. В конце января 28 г. появилось сообщение, что американский трест берет под свою высокую руку боксит в Юго-Славии и предполагает построить в Далмации крупную алюминиевую фабрику.

> «Главным фактором изменения соотношения сил в алюминиевой промышленности, — пишет «Виртшафтдинст», — является, как было указано, Алюминиевая Компания Америки, что может быть охарактеризо-

[1]) «Wirtschaftdienst», № от 10 февр. 1928 г., стр. 209 и след.

вано таким образом: те самые методы экспансии и монополии, которые эта компания до сих пор осуществляла на американском континенте, она хочет сейчас в крупном масштабе перенести на другие части света... Отсюда вывод, что в той мере, в какой европейская индустрия хочет остаться самостоятельной, предстоит острая международная конкурентная борьба за обеспечение мира металлом, всестороннее применение которого будет выяснено лишь в будущем».

Может быть, по отношению к алюминиевой промышленности угрозы по адресу Америки перспективами «острой международной конкурентной борьбы» в значительной степени уже запоздали, потому что эта отрасль промышленности в Америке достигла решающих успехов, несмотря на то, что в Европе она уже раньше была трестифицирована буквально на все 100% (если не считать часть производства Норвегии). Может быть, в данном случае следовало бы напомнить воякам еще не потерявшее своего значения правило: после драки кулаками не машут! Но не подлежит сомнению, что для промышленности в целом драка между Европой и Соед. Штатами не только еще не закончилась, но еще не достигла своего апогея. Она ведется с обеих сторон самыми разнообразными приемами, прерывается перемириями, сопровождается перебежками, перегруппировкой сил в обоих лагерях и изменением состава участников. Решающим, однако, остается, что линия фронта во всех случаях проходит в общем и целом между Соед. Штатами и Европой, при чем Англия все больше становится слабым участком европейского фронта, против которого американская конкуренция направляет главный удар.

Характерно, что во всех приведенных выше цитатах из немецких экономических журналов факт этой борьбы между Соед. Штатами и Европой не только признается открыто, но является ключом, расшифровывающим все переговоры и соглашения между мировыми монополиями.

* * *

Мы не останавливаемся здесь на борьбе между «Стандарт Ойль К°» и «Роял Дэтч К°», чрезвычайно поучительной для характеристики англо-американских отношений. Для нефтяной борьбы, хотя и происходящей сейчас в форме борьбы за рынки сбыта, все же основным является борьба за монополию мировых источников нефти, и ее правильнее будет рассмотреть в этой связи.

Чтобы закончить обзор типовых явлений в области трестификации, характерных для данного периода скачкообразного под'ема конкурентной борьбы, отметим еще одну форму, когда монополия прямо направлена на сокращение производства в связи с назревающим кризисом. Характерным для нее в данном случае является непосредственное, без всяких промежуточных стадий и звеньев, наступление на рабочий класс (увеличение безработицы, резкое понижение заработной платы). Показательной в этом отношении является работа, проводимая в Соед. Штатах в последние месяцы в целях «об'единения текстильного сознания». Речь идет о созываемой текстильной секцией нью-йоркского совета торговли и транспорта конференции представителей всех существующих в Соед. Штатах текстильных трестов—числом 33, из которых каждый в свою очередь об'единяет в среднем по 270 различных производственных и торговых организаций. Эта грандиозная конференция, в которой предполагается участие хлопка, шерсти, шелка, меха, начиная с монополистов сырья и кончая синдикатами портновских и шляпных фабрик, официально фигурирует под невинным названием «завтрака друзей».

Мы видели выше, что ограничение производства хлопчатобумажной пряжи и сокращение заработной платы проведено благодаря той «исследовательской» работе, которая была проделана хлопчатобумажным институтом. «Джорнал оф Коммерс» [1]) сообщает, что обследование распространяется на фабрики с числом веретен в 1.700.000. Результатом этого обследования явится экономия, понижение себестоимости, расширение заграничных рынков сбыта и т. д. Программа обещает не более, не менее, как улучшение условий труда, на деле же она начинает с установления принципа «обслуживания южных фабрик только южными рабочими», т.-е. ставит ставку на дешевый труд южных штатов, и основной ее пункт заключается в организации перенесения текстильных фабрик на юг. Но если в области хлопчатобумажной промышленности тресты уже достигли достаточно высокого уровня «текстильного сознания», то, по словам организатора «завтрака» Лео Гительсона, этого, к сожалению, нельзя сказать о всей текстильной промышленности.

> «Текстильная промышленность,—говорит он,—высоко организована, но лишь по отдельным отраслям или в отдельных штатах, «по приходам». Здесь сотрудничество почти совершенно полное. Но в то же время отмечается отсутствие сотрудничества как между отдельными отраслями внутри каждой группы, так и в особенности между группами. Этот недостаток нью-йоркский совет стремится устранить. Текстильная промышленность, как целое, должна быть выведена из трясины уныния (of the slough of despond). Сотрудничество должно быть расширено».

«Вывести из трясины уныния»... Вряд ли можно сомневаться в том, что речь идет о попытке внести «планомерность» в депрессию рынка, что на деле в первую очередь должно привести к росту безработицы и к сокращению заработной платы.

Мы не можем останавливаться на других формах промышленных об'единений, лихорадочно осуществляемых сейчас в Соед. Штатах. Эта об'единительная горячка со всех сторон подмывает антитрестовский декрет Шермана, от которого вообще-то остались только рожки да ножки.

Не сегодня—завтра трестовские «идеологи», приспособляясь к обстановке депрессии, создадут новую философию «процветания», которая в отличие от нынешней будет уже хвастать не «самой высокой во всем мире заработной платой», а, наоборот, дешевизной труда, обеспечивающей конкурентоспособность американских монополий. Но самое характерное для данного периода исключительного роста монополистических тенденций заключается в подготовке экономической борьбы не на живот, а на смерть с поднимающей свою голову Европой. Американский зверь, которому кризис нанесет чувствительную рану, собирается прыгнуть достаточно далеко.

Приведенная выше философия Клейна характерна не только тем, что является фактически об'явлением экономической войны Европе, но и тем, что, как всякое об'явление войны «цивилизованной» страной, она уже заключает обвинение против противника в том, что он, мол, и есть агрессивная, нападающая, нарушающая мир сторона. По Клейну выходит, что Соед. Штаты только защищаются, что из своего миролюбивого состояния они выведены ростом европейских аппетитов. Было бы странно, если бы европейская буржуазия с своей стороны не позаботилась о том, чтобы заранее подготовить общественное мнение к тому, что страдающей стороной является она, чтобы, изображая свою экономическую политику чище снега альпийских вершин, Европа не утверждала, что ненасытность американского империализма—вот единственный источник зла! Такие подготовительные нотки все чаще

[1]) «Journal of Commerce» от 1 февраля.

можно встретить в европейской печати, и что особенно достойно внимания, роль правительственного чиновника Клейна в Европе исполняет не кто иной, как официоз германской социал-демократии берлинский «Форвертс»!

> «Особенно важное значение,—пишет «Форвертс», рисуя перспективы европейской внешней торговли на 1928 год,—приобретает для европейской торговли политика Соед. Штатов, которая практикует подлинную диктатуру над Европой. Эта диктатура состоит в том, что все те льготы, которые одна из европейских стран представляет другой, Соед. Штаты требуют для своего эксперта, не делая, однако, со своей стороны никаких уступок и ни в какой степени не снижая своих собственных высоких пошлин... Осуществляется ли единый фронт европейских стран против американской таможенной политики? Пока-что мир напрасно ждет, чтобы указания всемирной экономической конференции, имеющей целью поощрение мировой торговли, были осуществлены».

Времена меняются! Давно ли германская социал-демократия лизала сапог Дауэса, давно ли она была самым раболепным лакеем северо-американского империализма? Теперь обстановка не та: у германского империализма вырастают когти. Германская социал-демократия смотрит уже в глаза своему старому хозяину. И не будет ничего удивительного в том, если по мере развития событий европейская социал-демократия, срастающаяся с предпринимательскими организациями и уже берущая на себя инициативу в деле образования европейских картелей и даже, как это было на последней конференции международного секретариата горняков, подталкивающая на этот путь наименее приспосабливающиеся к новой обстановке предпринимательские группы, об'явит священный поход против «претензий» Соед. Штатов.

(Окончание следует).

Д. Лебедь.

Внимание идеологическому фронту.

XV с'езд партии указал на необходимость с особым усилием повести пропагандистскую работу внутри партии и среди рабочих масс, считая это одним из условий окончательного устранения тех идеологических извращений, которые были внесены в партию двухлетней пропагандой антиленинских и антимарксистских взглядов оппозиции.

В процессе повседневной работы партии на конкретных творческих задачах партия проводит решение XV с'езда, тем самым отметая оставшиеся пережитки оппозиционных «теорий» и «теориек». Но этого еще недостаточно, должна усилиться и собственно пропагандистская работа, основанная на изучении членами партии ее истории, отдельных ее течений, уяснении социальных и классовых причин тех или иных идеологических искривлений, вносимых в партию различными оппозиционными группами.

Пролетарской диктатуре приходится выполнять свою историческую миссию—осуществление социализма—в стране своеобразной, где два основные класса — рабочий класс и масса крестьянских простых товаропроизводителей,—несмотря на свои разные исторические традиции, на свое разное экономическое содержание, осуществляют союз под руководством пролетариата. И уже в самом этом союзе кроется известная часть противоречий, вытекающих из трудности перевоспитания крестьянства.

Поднять, перевоспитать целый грандиозный класс из мелкобуржуазной «ограниченности» на рельсы коллективистического строительства — задача не одного года, она целиком связана с переустройством, в течение долгого ряда лет, «распыленного» еще и до сих пор достаточно «нищенского» состояния хозяйства на началах машинизации и ленинского кооперативного плана и создания на место единоличных мелких хозяйств крупных машинных, а следовательно, и усиления влияния пролетариата на крестьянство,—в этом смысл борьбы за овладение деревни на долгие годы.

В процессе укрепления влияния пролетариата на крестьянство неизбежно ослабление опасностей, идущих от мелкобуржуазной стихии внутрь коммунистической партии, а ведь, в сущности говоря, большинство идеологических уклонов в нашей партии было не чем иным, как отражением настроений мелкобуржуазной демократии, которая опять-таки имеет своим источником, в первую очередь, крестьянство, само собой разумеется, прежде всего на его кулацком полюсе.

Городская мелкая буржуазия, мещанство, часть технической интеллигенции, некоторые слои советских служащих, являясь выразителем этих мелкобуржуазных чаяний кулаков, по сути дела, есть идеологический и политический рупор, иногда более, иногда менее полным голосом дающий нам знать об опасностях и сдвигах в сторону буржуазной демократии. Говоря

так, мы имеем в виду наши советские условия, где экономическая роль буржуазии почти сведена к нулю и ничтожные группки буржуазии ищут опоры в крестьянских слоях.

Наибольшую активность приобретает «борьба за существование» демократии против пролетарской диктатуры тогда, когда эта идеология демократии находит себе проводников в рядах коммунистической партии. Так было с «рабочей оппозицией», так было с троцкистской оппозицией 23 года (постановление XIII с'езда о мелкобуржуазном уклоне), так было с троцкистско-зиновьевской оппозицией 26—27 гг. (солидаризация с нею мелкой буржуазии внутри и меньшевиков и мелкобуржуазных эмигрантских групп за границей). Это так было. А есть ли у нас возможность теоретически считать, что так еще и может быть? Да есть. Такая возможность кроется все в тех же противоречиях существования пролетарской диктатуры в условиях «допущения капитализма» и распыленного крестьянского хозяйства, а равно и особенно в условиях внешних капиталистических окружений.

Вот почему вопрос об идеологической крепости партии есть вопрос успешного преодоления могущих быть и имеющихся еще отклонений от пролетарского мировоззрения нашей партии на путь демократических мелкобуржуазных или анархических иллюзий. Укреплять идейную броню партии—дело важнейшее и в современных условиях первоочередное.

Мы приближаемся к 25-летнему юбилею II с'езда нашей партии, на котором был дан фактически генеральный бой со стороны последовательно классового, марксистского мировоззрения либерально-демократическому. Итог, подведенный на II с'езде РСДРП, был итогом победы первых боев пролетарского социализма над мелкобуржуазным либерализмом. Ленин в вопросе организации рабочей партии вскрыл оппортунистическую сущность ряда вождей соц.-демократии (Троцкий, Мартов), голосом которых косвенно говорила и тогда мелкая буржуазия.

Изучая события, предшествовавшие II с'езду, и вопросы, поднятые на самом с'езде, а затем и всю историю уклонов в нашей партии, мы тем самым закалим ее еще сильнее, она станет еще способнее легко пройти мимо или преодолеть могущие быть вспышки и «бури» мелкобуржуазной и анархической стихии. Однако, не только изучение исторических внутрипартийных этапов должно быть основанием для пропагандистской работы, но и внимательное изучение и своевременное раз'яснение тех уклонов и из'янов, которые то притихают, то вновь вспыхивают в рядах нашей партиии, отражая молекулярные, а иногда довольно-таки ощутительные и заметные процессы, происходящие внутри классов нашей советской страны.

На одном из самых последних рецидивов мелкобуржуазного влияния в нашей партии мы бы хотели обратить внимание партийной общественности.

Еще на XV с'езде партии тов. Зеленский обратил внимание на опасность уклонов, намечающихся в некоторых национальных республиках на почве национальных задач. Он указал: «Эти элементы и некоторая часть наших партийцев, не освободившихся еще от национального уклона, выдвигают такую позицию, что национальные республики должны внутри себя иметь *все* элементы для развития народного хозяйства. Каждая национальная республика должна внутри себя иметь все необходимое, должна свое хозяйство конструировать таким образом, чтобы оно являлось законченным хозяйственным организмом, могущим развиваться на внутренних ресурсах без связи с Союзом в целом» [1]).

О том, что такой уклон не единичное явление, говорит и статья Косты Таболова [2]), где вскрываются уклоны среди коммунистов Армении и

---

[1]) Стенограф. отчет XV с'езда ВКП(б), стр. 24.

[2]) «Большевик» № 7. «Против линии национальной демократии», стр. 65—78.

вообще Кавказской федерации, где за последнее время усилились националистические настроения, выраженные Садвокасовым в форме защиты обособления национальных республик и устранения централизованного руководства командными высотами нашей экономики. Но рекорд на полную программную законченность и идеологическую выдержанность национализма побил тов. М. Волобуев [1]), который сформулировал целую программу взглядов, защищающих необходимость экономического обособления Украины от всего остального Советского Союза.

Всякая платформа имеет свое теоретически-историческое обоснование, так и платформа М. Волобуева начинается с доказательств того, что Украина была колониальной страной, что царизм насаждал руссификацию на ее территории, что, начиная с XVII века, на Украине не было своих «украинских» купцов, а были русские и что Мазепа помог Петру в установлении национального гнета на Украине, что Екатерина Великая утвердила на долгие годы политику руссификации и т. д., и т. п.,—целый исторический трактат на тему о том, что Украина была угнетаемой нацией, и все это (кстати сказать, совершенно бесспорное) только для того, чтобы сделать следующую основную предпосылку для своей платформы. Вот эта предпосылка [2]): «Мы кончаем нашу историческую справку. Мы стремились здесь сжато показать формы развития колониальной политики царизма на Украине и опровергнуть вредную сказку о полном единстве дореволюционной российской экономики. Тенденции концентрации хозяйства противостоит рост центробежных сил, которые растут параллельно развитию производительных сил национально-хозяйственных организмов. Когда говорят об единстве дореволюционной русской и украинской экономики, имеют в виду лишь первую тенденцию, забывая о другой: центробежной, вернее о стремлении войти в состав мировой хозяйственной страны непосредственно, а не через российскую экономику. Процесс концентрации на капиталистической основе проходит в противоречивой форме автаркистических тенденций. Поэтому не следует себя обманывать фактом концентрационных тенденций в российской дореволюционной экономике. За этими тенденциями необходимо замечать и сепаратистские силы украинской экономики».

Кто и в чем, по мнению М. Волобуева, недооценивает сепаратистских тенденций украинской экономики? И зачем ему понадобилось доказывать, что дореволюционная экономика России являлась составом из разных национальных экономик? Читатель увидит дальше, что это надо было для того, чтобы доказать наличие в политике коммунистической партии колонизаторских традиций. В соответствии с этим своим утверждением он делает следующие выводы: «Правильная постановка вопросов об истории взаимоотношений русской и украинской экономики в период капитализма может устранить много ошибок и недоразумений, имеющих отношение к современным проблемам этого порядка, а раньше всего это дает возможность правильно поставить вопросы о ликвидации *колониальных остатков царизма* в *экономической части*. Это потребует в свою очередь внести действительную *ясность в проблему взаимоотношений русской и украинской экономики после революции*» [3]).

Как видите, М. Волобуев всерьез верит, что над нами (т.-е. над партией) тяготеет наследие царской колониальной политики в руководстве экономическим строительством. Чей это язык?

---

[1]) «Більшовик України» №№ 2 и 3, 15 января и 30 февраля 1928 г., стр. 46 и 42.

[2]) Всюду переведено с украинского. Статья М. Волобуева «Більшовик України» №№ 2 и 3, 1928 г.

[3]) Разрядка моя. *Д. Л.*

Мы утверждаем, что так понимали (хотя и в другой исторической обстановке и из иных классовых побуждений) петлюровцы 19—20 годов. Укаписты же 22—24 годов считали своей основой именно такую политику, когда они доказывали, что «Украина должна быть для украинцев», когда они в массах крестьян и рабочих агитировали против «оккупантов», колонизаторов и «москалей», грабящих украинский хлеб и украинское сало, именно тогда они шли к кулаку и мелкобуржуазному интеллигенту-националисту с указанием на угнетательскую политику Советской России, насаждающую единый ВСНХ, единый НКПС, единое управление Красной армии.

Решение II конгресса Коминтерна, указывающее на необходимость централизованного об'единения сил рабочего класса (что ни в коем случае не уменьшало возможностей свободного развития того или другого народа, ибо именно в единстве пролетарских сил разных национальностей есть залог победы пролетарской революции),—это решение имело в виду в частности и националистические партии, образовавшиеся на территориях отдельных советских национальных республик в том числе и Украины.

Центральный Комитет ком. партии Украины, учитывая решение Коминтерна, дал решительный отпор политике раз'единения трудящихся советской страны и в своем меморандуме в Коминтерн в 1924 г. писал: «Она, т.-е. партия укапистов, приняла коммунистическую программу, исказив ее в части, касающейся национального и колониального вопроса, отказалась от восстания, перейдя к методам легальной политической борьбы, но она не отказалась от старой платформы независимых украинских социал-демократов, от платформы обособления Советской Украины от Советской России, от прежних методов противопоставления трудящихся Украины трудящимся Советской России[1]) и потакания инстинктам кулацкой части украинского крестьянства. Ведя агитацию против существующей на Украине Советской власти, изображая вслед за петлюровцами украинскую Советскую власть, как власть чуждую, оккупационную, а КП(б)У, как филиальное отделение «иностранной» партии, УКП продолжала играть на руку контрреволюции, ибо лучший путь к победе контрреволюции на Украине лежал через изоляцию Советской Украины от Советской России».

Чем отличаются от этих наветов мелкобуржуазной партии утверждения М. Волобуева, который доказывает, что «на протяжении 4 лет финансовый баланс Украины был остро отрицательным, иначе говоря, значительная часть продукции Украины тратилась за ее границами».

Разные слова, а мысли одни: укаписты говорили, что и «москали» грабят, а М. Волобуев это облекает в более мягкую форму, заявляя, что это, т.-е. отрицательный баланс, принесет «большой вред хозяйственному и культурному развитию Украины».

Как видите, автор новой программы полной экономической «независимости» Украины выдвигает вечно старое и всегда новое верное средство—натравливание трудящихся одной национальности на другую. Коминтерн в резолюции о принятии УКП в партию КП(б)У указал на те пути, которыми действительно надо бороться с остатками великодержавности, и они прежде всего идут опять-таки по линии сплочения всех сил пролетарской диктатуры как на Украине, так и на всей территории СССР[2]).

Чем была партия укапистов на Украине? Она была партией мелкобуржуазной кулацкой демократии, идейно в национальном вопросе продол-

[1]) Разрядка моя. *Д. Л.*

[2]) См. резолюцию президиума ИККИ «Как и почему Исполком Коминтерна распустил УКП». Изд. «Пролетарий», 1925 г.

жавшей петлюровщину, а политически неизбежно скатывавшейся в контрреволюционное болото меньшевизма и эсэровщины. Они не хотели понять, что революция победила на территории бывшей царской России благодаря тесному союзу пролетариев и единому централизованному руководству рабочим классом разных национальностей, что победа революции на Украине была одержана при самой активной помощи со стороны русского пролетариата.

Когда М. Волобуев требует «обеспечить за украинскими экономическими центрами права и возможность действительного руководства всем народным хозяйством без исключения» [1]) и для этого считает необходимым «изменить существующий порядок руководства промышленностью», «планы индустриализации пересмотреть, отбросив тенденцию рассматривать русскую экономику, как господствующую», «пересмотреть под углом экономической целесообразности план строительства новых заводов» и т. д., и т. п.—то этим он повторяет зады петлюровщины и укапизма.

Есть ли хотя слабая доля правды в кулацко-мещанских выводах М. Волобуева насчет якобы грабительских тенденций Союза ССР по отношению к Украине?

Ответ на это получим, когда рассмотрим «экономические показатели» М. Волобуева. На Украине все время превышение доходов над расходами,—говорит автор,—а именно: в 1924 г. доходы превышают расходы на 120%, в 1925 г.—на 130%, в 1926 г.—129,5%, в 1927 г.—129,9%. Это означает по Волобуеву, что Украина отдавала Союзу свои доходы. На самом деле этакая эквилибристика с цифрами вносит невероятную путаницу, ибо доходы получаются не вообще за счет украинских «самодовлеющих» сил, а от всего хозяйства, получающего громадный стимул от крупной промышленности союзного значения (которую Волобуев хочет отобрать от Союза), но ведь доказательство от доходности ничего не говорит, ибо нельзя забывать, что если царская Россия получала с Украины 45% госдохода, то Советский Союз получает всего 8—14% [2]), ежегодно снижая эту долю, все больше передавая на местные и республиканские нужды.

Обратимся к цифрам вложений в украинское хозяйство, в частности, в промышленность, находящуюся на Украине. Здесь дело обстоит так: начиная с 1924—25 г., процент вложений в народное хозяйство Украины в отношении всего Советского Союза 17,2% в 1925—26 г., 20%—в 1926—27 г., 25%—в 1927—28 году. Капитальное вложение в промышленность 27% — в 1924—25 г., 21% — в 1925—26 г., 23% — в 1926—27 г., 22%—в 1927—28 г.

Удельный вес капитала украинской промышленности в капиталах всего СССР вырастает от 19% до 27%, а сам капитал увеличивается в два раза, а во всем СССР капитал увеличивается только на 1/3 [3]). Отсюда и безграмотному экономически человеку ясно, что утверждение об «отрицательном балансе» Украины потому, что у нее много берут в СССР, является неприкрытой ложью.

М. Волобуев пытается подкрепить себя и тем, что промышленное строительство Украины не соответствует ее удельному весу и что ее «ущемляют»: «из 26 заводов, намеченных по пятилетке, строится только 3». Волобуев считает это недостаточным, умалчивая, во-первых, о том, что эти три являются крупнейшими предприятиями, один Криворожский—металлургический гигант.

[1]) Всюду разрядка М. Волобуева.

[2]) Данные из ст. тов. Речицкого. «Більшовик України» №№ 2 и 3 за 1928 г. январь—февраль.

[3]) Там же.

По данным ВСНХ СССР видно, что из выстроенных уже предприятий на 27—28 г. на долю Украины приходится 37,8 млн. рублей, на долю Белоруссии—4,0 м. р., Закавказская федерация, куда входят до 8 отдельных республик,—54,2, Узбекская—12,8, Туркменская—0,6, по РСФСР с ее 10-ю областями и автономными республиками—109,9 м. р., при чем в главнейшие индустриальные отрасли промышленности наиболее крупные вложения идут по Украине: 18,1—каменноугольная и 8,0—металлическая. 1/6 часть всех вложений в Союзе ССР в новом строительстве идет на Украину—это не малая доля, имея в виду территорию и нужды всего Союза ССР. Из намеченных к постройке в 1927—28 г. на Украину падает 165,2 м. р. (по контрольным цифрам), по всей РСФСР 477,0 м. р. и по всем остальным Союзным Республикам 28,5 м. р., если учесть в составе РСФСР Урал с его громадными перспективами промышленного развития, Северную область, по своему промышленному значению являющуюся важнейшей для Советского Союза, Центр. Промышленный район,—то станет очевидным, что удельный вес Украины в новом строительстве Советский Союз оценивает в полной мере, и она стоит на первом месте. Из всего количества построенных и строящихся предприятий на 1927—28 г. в 630 на Украину падает—149, остальные 481—по 14 областям и автономным республикам РСФСР и другим союзным республикам [1]).

Нам кажется, приведенных данных достаточно, чтобы доказать, каким, мягко выражаясь, «искусственным» методом М. Волобуев анализировал экономические показатели.

На протяжении всего кулаческого плача М. Волобуева читатель не найдет ни одного слова о том, что существуют, кроме Украины, другие экономически и культурно отсталые нации и что именно о них, как и об Украине, партия на своем XII с'езде решила:

«...Еще X с'езд нашей партии отметил, что «уничтожение фактического национального неравенства есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства». Но преодолеть его нужно обязательно. И преодолеть его можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния. Помощь эта должна, в первую очередь, выразиться в принятии ряда практических мер по образованию в республиках ранее угнетенных национальностей промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения».

О том, как проводится эта политика партии на деле, говорят следующие данные: «В 1925—26 г. по 5-ти союзным республикам и двадцати автономным республикам и областям РСФСР в капитальное строительство вложено 315 млн. 28 тыс. руб. (в том числе на строительство новых заводов 28 млн. 606 тыс. руб.). В 1926—27 г.—404 млн. 523 тыс. руб.—рост по отношению к предыдущему году на 28,4%, а по всему Союзу рост за тот же год—24% (в том числе на строительство новых заводов 61 млн. 577 тыс. руб., рост по отношению к предыдущему году на 115%). Предположено на 1927—28 г. 531 млн. 971 тыс. руб., рост по отношению к 1925—26 на 69%, а по всему Союзу за те же годы рост на 47%(в том числе на строительство новых заводов 89 млн. 740 тыс. руб., рост по отношению к 1925—26 г. на 215%) [2]).

Из этого вытекает, что рост капитальных вложений в нацреспубликах превышает союзный, а новое строительство обгоняет темп капитальных вложений—все это идет целиком по линии «помощи» отсталым национальностям.

[1]) Данные промфинплана ВСНХ СССР на 1927—28 г.

[2]) «Факты и цифры», стр. 104 и «Контрольн. цифры на 1927—28 г.», стр. 522.

Строительство Семиреченской жел. дороги, связанное с развитием хозяйства отсталых территорий, Днепрострой на Украине, Земо-Авчальская гидростанция в Грузии,—все это громадные рычаги поднятия хозяйства в нацреспубликах.

Но, ведь, не только цифрами доходов и вложений решается вопрос социалистического руководства.

Сила советской власти заключалась в период военной борьбы с врагом в том, что она сочетала интересы отдельных ранее угнетавшихся наций с общими интересами революции. Единство трудящихся это—не голая формула, а оно предполагает централизованное управление командными высотами экономики; крупная индустрия, монополия внешней торговли,—это главнейшие высоты пролетарской диктатуры. Центролизовав также руководство военной силой трудящихся—Красной армией, советская власть только благодаря этим мерам разгромила врагов на фронтах, которые прорезали почти все нынешние национальные республики.

Вот почему, когда в 1920—21 годах против этого пролетарского централистского кулака завыла мелкобуржуазная стихия на Украине, ее вой был подхвачен врагами пролетарской диктатуры во всех буржуазных странах.

Теперь у нас положение не менее сложное и не менее опасное, чем раньше, поэтому мы не можем теперь терпеть пропаганду антикоммунистических взглядов, преподносимых под видом решения национальных проблем. Ведь вопрос социалистического строительства в Стране Советов может быть успешно решаем, когда плановое руководство командными высотами из единого центра пролетарской диктатуры Союза ССР будет сочетаться с самодовлеющими хозяйственными и производственными силами отдельных районов, областей и республик. Именно на основе этого будет решаться и вопрос о действительном равенстве национальностей. В этом смысле достаточно убедительны данные, приведенные тов. Зеленским на XV с'езде партии:

«Если в 1925—26 году по Узбекистану доходность на душу населения составляла 80 рублей, то по пятилетнему плану к концу пятилетия доходность повышается до 109 рублей; если по Туркменистану доходность на душу населения составляла 44 рубля, то к концу пятилетия она достигает 70 рублей; если по Киргизии доходность на душу населения составляла 44 рубля, то к концу пятилетия она достигает 91 руб. 96 коп.

Рост доходности на душу населения выражается, таким образом, в 36—59% в то время, как средняя доходность на душу по всему Союзу поднимается с 83 руб. до 96 руб. 90 коп., или на 16%» [1]).

Стихия прет в разные щели, которых у нас еще много. Через голоса последователей «армянского бунда» в Армении, Шумских, Волобуевых и Хвылевых на Украине она ищет «легальную» опору и идейную поддержку. Подточить и ослабить диктатуру пролетариата—это вернейший путь к торжеству всякой и всяческой «демократии». Когда М. Волобуев крестится социализмом, говоря, что «задачи строительства социализма потребуют от СССР стремиться ко все большей независимости от мирового хозяйства...», то мы ему не поверим, что он верит в этот социализм, ибо глупейшей выдумкой надо считать прикрывание своей узколобой теории ориентацией на «такой курс строительства, который в полной мере «обеспечил бы неизбежность будущего непосредственного вхождения национальных организмов, которые входят в состав СССР, в состав мирового социалистического хозяйства».

Именно в этой путанной философии и проявляется троцкистское неверие в социалистическое строительство, прикрываемое революционными

[1]) Стенографич. отчет. XV с'езда ВКП(б), стр. 25.

фразами, чего не ухитрился скрыть М. Волобуев, когда он говорит, что «если бы... революция не победила до момента, пока мы полностью не построим социализма в настоящих границах СССР, то и в этом случае, социалистическая автаркия была бы оправдана».

Рецепты на все случаи, лишь бы Украине дали «автаркистическую»[1]) независимость: и тогда она полезна, когда победит социализм во всем мире, и тогда, когда он не победит... Здесь наш теоретик не заметил путаницы, самостоятельно вытекающей из его первого утверждения о «непосредственном вхождении нацреспублик» в состав мирового социалистического хозяйства: да, ведь, если не победит революция, некуда и входить.

Вот это мещанское «авось» выдало нутро «философии всей». Бесспорно, что разобранная нами платформа украинского сепаратизма есть не что иное, как продолжение с другого конца бывшей оппозиционной трескотни насчет равномерности развития всех видов хозяйства. Такие взгляды ведут к срыву связи между отдельными республиками, к срыву основ социалистического строительства, его плановости, к срыву смычки между рабочим классом и крестьянством, к срыву влияния социалистической промышленности на хозяйство отсталых национальностей, на их культуру.

Обособление отдельных нацреспублик в условиях капиталистического окружения, при курсе партии на индустриализацию страны, есть антипартийная, требующая решительного отпора идеология.

Не случайно М. Волобуев и всякие иные сепаратисты, как чорт ладан, обходят одно из важнейших ленинских положений, выдвинутых В. И. еще в 1920 г. в «первоначальном наброске тезисов по колониальному и национальному вопросам», а именно: «Признавая федерацию переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду: во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистскими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства, как целого[2]), каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме».

Мы бы не останавливались на этой волобуевской статье, если бы она была лишь выдумкой одного споткнувшегося члена партии, нет—это настроение определенных кругов и значительных. На Украине не так давно мы читали бредни коммунистического украинского поэта Хвылевого о перемене ориентации вместо «некультурной Москвы» на «культурный Запад». Позже мы имеем раскол в коммунистической партии Западной Украины, когда ренегаты из этой партии идут в ногу с буржуазными националистами на выборах в сейм. Еще позже мы имеем то сям, то там среди украинской молодежи рецидивы укапистских настроений. Все это говорит о том, что перед партией на Украине вновь встала необходимость обратить сугубое внимание на то, что известные слои украинской интеллигенции и другие социальные

---

[1]) Автаркия—такое понятие об экономической системе, когда страна изолировано от других стран и самостоятельно может развивать свое хозяйство.

[2]) Разрядка моя. *Д. Л.*

силы начали активно возрождать старую идеологию экономической «независимости».

Несомненно, что ЦК коммунистической партии Украины своевременно и правильно поставил задачу борьбы с украинским национализмом, ударив по группе т. Шумского, пытавшегося сорвать ленинскую политику партии на Украине, противопоставлявшего ей мелкобуржуазную иллюзию замены руководства группой так называемых «националов» пролетарской активности всей партии в национальном вопросе. Тов. Шумский получил отпор и решительное осуждение за эту политику возрождения национализма и за поддержку раскольнических и ренегатских действий элементов из КПЗУ, но его работа принесла громадный вред и Советской Украине и коммунистам Галиции и Польши.

Волобуевщина берет источники от антикоммунистической политики группы т. Шумского именно потому, что есть решение Коминтерна о раскольнической работе этой группы, волобуевские разговоры о «выгодности» пребывания Советской Украины—особенно нетерпимы. Сама постановка вопроса на принципиальную высоту является некоммунистической вообще, и при ленински-выдержанной линии украинской партийной организации в национальном вопросе нам кажется неверным печатание таких статей в коммунистической печати.

В то же время нам кажется несколько странным поведение некоторой части украинских товарищей, которые вытаскивают из архива пятилетней давности «теорию борьбы двух культур» (когда-то выдвинутую автором настоящей статьи, неоднократно от нее отказавшимся, как от явно ошибочной) и обсасывают (который раз, счету нет) эту злосчастную теорию. Поэтому здесь уместно сказать, что такие украинские товарищи способны на свадьбе плакать, а на похоронах веселиться,—муху, уже давно пережившую все положенные сроки, до сих пор с остервенением, достойным самых злостных пауков, таскают, а вот слона у себя под носом не замечают.

Ведь «теория двух культур» основана на руссификаторских пережитках, сейчас на Украине они во всяком случае непосредственной угрозы не представляют, а то, что стучится в дверь, стихия кулацкого шовинизма, сегодня требует особого внимания. Надо одинаково активно бороться и с русским и с украинским национализмом, но марксисты ничего не делают вне времени и пространства.

Вот почему мы возвращаемся к заголовку нашей статьи, чтобы сделать вывод о необходимости усилить внимание идейному фронту и повести решительную борьбу с нарастающими симптомами новых мелкобуржуазных наскоков на дело пролетариев всех наций.

P. S. В «Коммуністе», центральном органе КП(б)У, от 28 марта помещена статья тов. П. Любченко, где он вновь вытаскивает «теорию двух культур», как образец руссотяпства, ни слова не упоминая о волобуевских настроениях, которые выражены в статьях М. Волобуева не 5 лет, а всего лишь месяц назад.

Неопубликованное письмо В. И. Ленина.

Напечатанное ниже письмо В. И. Ленина от 6 июня 1912 года адресовано было трагически утонувшему в море в 1924 г. молодому экономисту Б. Н. Книповичу, сыну бывшего члена первой социал-демократической организации в России, — так называемой «группы Благоева», — а впоследствии известного профессора ихтиологии Н. М. Книповича. Родная тетя Б. Н. Книповича — покойная Л. М. Книпович, сестра профессора — крупная работница нашей партии («Дяденька»).

Владимир Ильич был очень дружен с семьей Книповичей, в особенности с Лидией Михайловной, с которой регулярно переписывался, живя за границей. Письма эти он обычно подписывал псевдонимом «Шкурка», каковым именем подписано и настоящее его письмо к Борису Николаевичу. Между прочим, оно заканчивается просьбой передать «большой привет всей фамилии, а особливо «водовозным клячам». По этому поводу покойный Б. Н. рассказал в свое время автору этих строк об одном чрезвычайно характерном для Владимира Ильича штрихе. Лето 1907 г. В. И. провел у Книповичей в Финляндии, в глухой деревне на берегу моря. Семья Книповичей усиленно занималась цветами и для их поливки возила воду на себе из расположенного вдали от сада колодца. Владимир Ильич, видя, как отправляются за водой, аккуратно выходил из дому и со словами: «позвольте и мне быть Вашей соклячей» — присоединялся к компании.

Поводом к письму послужило следующее обстоятельство. В апреле 1912 г. вышла в свет брошюра Б. Н. Книповича «К вопросу о дифференциации русского крестьянства» в издании семинария проф. Туган-Барановского. Книжка была послана В. И. за границу, и он вскоре ответил большим письмом. Но письмо пропало, так как Б. Н. Книпович был арестован в мае 1907 г. (Исчезнувшее письмо следовало бы поискать в архивах царской полиции). Тогда В. И. написал второе письмо на ту же тему, и оно, наконец, дошло по адресу.

Как раз в то время, когда Б. Н. писал свою брошюру о дифференциации крестьянства, Владимир Ильич получил возможность снова обратиться к углубленной разработке целого ряда вопросов экономики сельского хозяйства. Между прочим в это именно время он подготовлял материалы к своей первоклассной работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Вот почему, надо думать, Владимир Ильич с особой охотой преподал начинающему ученому-марксисту несколько великолепных указаний, основанных на собственной научной работе. Эти указания сохраняют и до сих пор первостепенное значение, несмотря на то, что после завоевания пролетариатом нашей страны политической власти, вопрос о дифференциации крестьянства ставится в ином аспекте.

Первое из указаний Владимира Ильича касается необходимости учитывать уход из деревни при подведении итогов дифференциации. Автор брошюры, полемизируя с Н. П. Огановским, указывал, что анализ цифр нередко

заставляет констатировать отсутствие дифференциации там, где она фактически происходит, но в формах, плохо улавливаемых цифрами. По поводу этих слов Владимир Ильич и приводит свои цифровые примеры. Здесь мы видим чрезвычайно характерную для В. И. постановку проблемы во всем ее об'еме, диалектическое рассмотрение каждого частного вопроса в связи со всем народным хозяйством страны: дифференциация крестьянства трактуется, как вопрос о росте капитализма во всей экономике страны, во всех его формах и этапах.

Теми же чертами проникнуто и второе указание Ленина. Действительно, брошюра Б. Н. Книповича имела еще подзаголовок: «дифференциация в сфере земледельческого хозяйства». Вл. Ильич сразу же отметил самое слабое место брошюры, указавши на то, что автор не сумел связать частный вопрос о земледельческом хозяйстве со всей проблемой эволюции крестьянского хозяйства в сторону специализации, или, как теперь принято выражаться, дифференциации по районам, в зависимости от общей экономики.

Крайне интересно третье указание Ленина о том, как наши «катедеры», либералы и народники «топят классовую борьбу в рядах и рядах цифр». Эти гневные реплики Ленина, сделанные им в частном письме в 1912 г., очень напоминают то, что писал он в книге «Новые данные» через год — в 1913 г.: «Не будет преувеличением сказать, что теория некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе есть иллюзия, мечта, самообман всего буржуазного общества. Посвящая дальнейшее изложение опровержению этой теории, я буду стараться давать картину капитализма в американском земледелии в ее целом, ибо одна из главных ошибок буржуазных экономистов состоит в вырывании отдельных фактов, цифр и цифирек из общей связи политико-экономических отношений (IX, 198).

Наконец, в четвертом своем замечании Ленин очень метко указал Б. Н. Книповичу на невыдержанность его брошюры, сказавшуюся в заключительной ее части. Дело в том, что на стр. 97 своей книжки Книпович сочувственно процитировал известное основное положение теории П. П. Маслова о том, что «расслоение крестьянства, или, что одно и то же, образование более крупных крестьянских хозяйств происходит при развитии производительных сил и обратно—при падении производительных сил населения образование таких хозяйств почти невозможно». Так как из всех данных брошюры Книповича, наоборот, вытекало, что «формула» Маслова неверна, то такое солидаризирование было совсем неожиданным, и Ленин по праву назвал его Deus ex machina. Позднее сам Б. Н. Книпович признал это замечание В. И. совершенно верным и не разделял больше взглядов П. П. Маслова.

Ив. Теодорович.

Дорогой Коллега! Ужасно досадно, что мое первое письмо к Вам по поводу книги (за присылку ее очень благодарю)—пропало. Невероятный, но у нас, оказывается, возможный факт пропажи чисто научного письма. Постараюсь восстановить по памяти, ибо копии не оставлял.

С большим удовольствием прочитал я Вашу книгу и очень рад был видеть, что Вы взялись за большую серьезную работу. На такой работе проверить, углубить и закрепить марксистские убеждения, наверное, вполне удастся.

Отмечу некоторые мысли, которые пришли мне в голову при чтении. Мне показалось, что кое-где упускается из виду уход из деревни при учете итогов «дифференциации». Поясню свою мысль примерами: а) первый момент. Из 100 дворов 25 безлошадных—25% или беспосевных. б) Второй момент. Из 150 дворов 36 беспосевных—24%. Кажется, уменьшение дифференциации? Но, если 30 дворов или семей ушли из деревни—в город, в переселение и т. п., то на деле пролетаризация усилилась. Я думаю, это пример типичный. Статистика всегда берет наличные дворы, оставаясь «узко-статистической» и опуская самое, иногда, главное.

Затем, автор определенно и неоднократно ограничивает предмет своего исследования земледельческой стороной хозяйства. А в выводах он незаметно расширяет тему, говоря о всем сельском хозяйстве и иногда даже о всем хозяйстве. От этого выходит неправильность, ибо целый ряд моментов «дифференциации», т.-е. пролетаризации крестьян и нарождения капитала, от этого теряется (напр., торговое скотоводство в Ярославской губернии и другие виды проникновения обмена в сельское хозяйство при специализации его).

Далее. За рядами цифр не упускаются ли иногда из виду типы, общественно - экономические типы хозяйств (крепкий хозяин - буржуа; средний хозяйчик; полупролетарий; пролетарий)? Опасность эта очень велика в силу свойств статистического материала. «Ряды цифр» увлекают. Я бы советовал автору учитывать эту опасность: наши «катедеры» безусловно душат таким образом живое, марксистское содержание данных. Топят классовую борьбу в рядах и рядах цифр. У автора этого нет, но в большой работе, предпринимаемой им, учесть эту опасность, эту «линию» катедеров, либералов и народников следует сугубо. Учесть и обрезать ее, конечно.

Наконец, как-то в роде Deus ex machina явился Маслов. Cur? Quo modo? Quibus auxiliis? Ведь от марксизма его теория очень далеко (далека?). Верно народники назвали его «критиком» (= оппортунистом). Доверился ли ему автор более случайно, может быть?

Таковы мои мысли при чтении интересной и серьезной книги. Жму руку и желаю успеха в работе. Пользуюсь случаем, чтобы послать большой привет всей фамилии, а особливо «водовозным клячам»,— помните?

Ваш

Шкурка.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Р. ЗОНТЕР. «Новый германский империализм» [1]). Перевод под редакцией Т. Л. Аксельрода. «Прибой». 1928 г.

Рецензируемая работа является первой попыткой обрисовать в ряде очерков новый германский империализм. Описать такое явление, как новый германский империализм, отличающийся столь своеобразными, отчасти не вполне выявившимися, отчасти неясными чертами,—задача отнюдь не легкая, хотя бы даже автор намечал лишь общие линии. Да и само описание фактов приобретает в данном случае особый смысл. Дело в том, что существование такого явления, как новый германский империализм, отнюдь не общепризнано. Наоборот, буржуазные партии, вплоть до социал-демократии, а равно и буржуазная наука, упорно отрицают то обстоятельство, что политика современной Германской республики носит уже ярко выраженные империалистические черты. Поэтому при описании нового германского империализма необходимо в то же время доказать его существование. Практически-политическое и теоретическое значение этого доказательства для политики рабочего класса совершенно очевидно.

Существование нового германского империализма доказано автором вполне хорошо, и общие контуры намечены им в общем правильно. Мы передадим здесь главные выводы его работы и дополним их несколькими замечаниями.

Автор естественно начинает с экономической основы.

Послевоенный империализм он характеризует, как переход от только-что начинающегося, свежего империализма, обладающего еще широкими возможностями развития, к империализму, который все в большей и большей степени становится чисто монополистическим и проявляет поэтому симптомы застоя и гниения.

Это определение основывается на правильном наблюдении, но его нужно было бы более ясно формулировать. Империализм, рассматриваемый в целом, есть период отмирания или упадка капитализма. Симптомы застоя и гниения встречаются, конечно, и в довоенном империализме. В послевоенном империализме они, несомненно, усилились, хотя прогрессивные черты, как, например, развитие техники, в этом последнем еще не исчезли. В чем заключаются новые главные черты послевоенного империализма по сравнению с довоенным империализмом?

По моему мнению, в следующем:

1) Несмотря на военное поражение германского и австрийского империализма и выход России из ряда империалистических держав, а следовательно, и удаление ее из сферы капиталистической конкуренции, мир стал более тесен для империализма, чем до войны. Это произошло прежде всего благодаря колоссальному под'ему американского капитализма во время и после войны, затем благодаря общему мировому росту капиталистического производственного аппарата и, наконец, вследствие быстрого капиталистического развития ряда колониальных стран.

2) Монополистический характер внутри капиталистического производства в общем и целом усилился.

3) В теле послевоенного империализма появился зародыш смерти в лице Советской России. Существование социалистического государства среди государств империалистических, первая победа социализма, сумевшего

---

[1]) Настоящая статья является введением к работе о Р. Зонтере, которая в ближайшее время должна появиться в русском переводе.

утвердиться,—вот то новое, что еще более подчеркивает упадочный характер послевоенного империализма.

4) Борьба колониальных народов за освобождение от господства империалистических держав расширилась и обострилась. Процесс этот достиг такой степени, что более дальнозоркие буржуазные умы уже предвидят неизбежный конец империалистического господства, а вожди империализма ограничиваются лишь попытками по возможности замедлить и задержать этот процесс и уже не помышляют о том, чтобы восстановить колониальное господство в его прежних формах и в прежнем об'еме.

Под'ем колониальной освободительной борьбы обозначает упадок империализма.

Рост колониальной борьбы за освобождение, несмотря на все ее превратности, временные поражения, паузы, компромиссы и т. д.,— основная, определяющая черта послевоенной эпохи.

* * *

В чем специфический экономический базис нового германского империализма? Отвечая на этот вопрос, Зонтер с полным основанием не довольствуется общей фразой, как это делали другие, что в Германии и до и после войны существовали капиталистические монополии. Новое и специфическое он вполне правильно видит в том, что концентрация германского империализма после войны достигла более высокой ступени, чем до войны. Это выражается не только в абсолютном и относительном росте капиталов, собранных в одних руках, но и в форме их концентрации. В довоенной Германии типичными формами были картели и синдикаты. В настоящее время типичной является наивысшая форма собирания капиталов—форма треста. Она и сейчас еще не достигла исключительного господства, но уже приобрела в экономике господствующее значение. Капиталистические колоссы в форме трестов, как, например, германский стальной и химический тресты, представляют империалистическую форму современного германского капитализма. Конечно, монополия существовала и до и после войны, но после войны она проявляется в более широком об'еме и в высшей форме.

Что касается формы капиталистической монополии в современной Германии, то автор вполне правильно считает неверным говорить о гегемонии одного лишь банкового капитала. По его мнению, мы имеем в данном случае классический пример слияния промышленного и банкового капитала. До известной степени можно даже говорить о слиянии промышленного, банкового и торгового капитала.

Было бы интересно изобразить меняющиеся отношения промышленного и банкового капитала после окончания войны. Инфляция временно дала перевес промышленному капиталу над банковым капиталом. Стабилизация значительно усилила сравнительный вес этого последнего; тем не менее сейчас нельзя говорить о гегемонии банкового капитала, о которой до известной степени можно было говорить до войны.

В современной Германии импорт капитала еще превышает экспорт капитала; автор справедливо не усматривает в этом такого обстоятельства, которое устраняло бы империалистический характер хозяйства и политики германского капитала. Он указывает на империализм царистской России, фактическое существование которого никоим образом не опровергалось тем, что в России импорт капитала на много превышал экспорт его. Империализм, возникший на основе заемного капитала, не перестает быть империализмом. Можно было бы указать также и на пример Соединенных Штатов Северной Америки до войны. Начало их империалистической карьеры относится к 1898 году, году испано-американской войны. Однако, в эту эпоху и в Соединенных Штатах импорт капитала значительно превышал экспорт капитала.

Господствующая капиталистическая держава, конечно, базируется на перевесе экспорта капитала над его импортом. Но это—лишь самая высокая стадия империализма. Ей могут предшествовать и фактически предшествовали другие стадии; кроме того, как показывает пример Германии, экспорт занятого капитала может стать, после краха и временного разложения капиталистического хозяйства промежуточной ступенью к новому капиталистическому под'ему.

Что касается общих перспектив послевоенного империализма, то, по мнению автора, возможно временное расширение одних капиталистических государств за счет других, но общей повышающейся линии империализма уже нет. К этому следует добавить, что общей повышающейся линии империализма не было и до войны. Под'ем империализма и тогда отличался неравномерностью. Точно так же и теперь в общем понижающаяся линия империализма не во всех случаях одинакова, а точно так же обнаруживает колебания.

Что в этой в общем и целом понижающейся линии империализма вообще невозможно абсолютное расширение области империалистического господства, по моему мнению, доказать нельзя. В Африке имеется Абиссиния, пока еще независимая, но являющаяся в настоящее время об'ектом усиленной империалистической конкуренции. В Южной Америке Северо-Американские Соединенные Штаты на наших глазах вовлекают в сферу своего империалистического господства государства, бывшие до сих пор независимыми. Земли северного и южного полюса пробуждают империалистические интересы. А что касается Китая, то хотя мы, коммунисты, желаем полной победы национальной китайской революции и должны практически всеми силами поддерживать ее, тем не менее и здесь отнюдь не исключаются временные поражения, а следовательно, и возможность временного расширения сферы империалистического господства.

Моментом, решающим и определяющим положение послевоенного империализма, является не невозможность временного абсолютного расширения сферы господства империалистических государств, а колоссально возросшее несоответствие между потребностью в расширении всей империалистической системы и средствами, могущими удовлетворить эту потребность. Как мы уже сказали выше, мир стал слишком тесен для империализма.

* * *

Важнейшая хозяйственная база империализма — монопольный характер всего германского хозяйства—по сравнению с довоенным временем так же усилилась и ярче выявилась. Именно в этой об'ективной причине, а не в каких-либо суб'ективных желаниях и фантазиях и коренится новый германский империализм. На это можно было бы возразить, что ведь и в непосредственно следовавшие за войной годы—1918—1923—были налицо монополистические основы. Разве из этого факта не следует, что политика Германии была неизменно и непрерывно империалистической? Зачем же в таком случае говорить о новом германском империализме? Разве годы 1918—1923 действительно обозначают перерыв империалистической политики германской буржуазии? Несомненно,—во-первых, потому, что в эти годы в Германии были потрясены классовые основы империалистической политики, во-вторых, потому, что военное поражение и Версальский трактат отняли у Германии военные и прочие способы воздействия, практикуемые империалистической политикой, и, в-третьих, потому, что экономиче-

ское потрясение и сопутствовавшая ему инфляция привели к уничтожению капитала в денежной форме, денежного капитала. В эти годы буржуазия боролась за восстановление и укрепление потрясенных внутренних основ ее классового господства, за воссоздание военных, экономических и политических средств для проведения новой империалистической политики. Только после того, как этот процесс дошел до известной стадии (он еще далеко не закончен), буржуазия снова смогла ставить себе империалистические цели и перейти к империалистической активности. Поворотным пунктом является в этом отношении 1923 год. Решающими моментами были: временное прекращение внутренних революционных потрясений, конец инфляции и, следовательно, возможность нового накопления денежного капитала и ослабление тех оков, которые наложил на Германию Версальский трактат. Но граница между старым и новым не очерчена резко. Новая фаза германского империализма имеет двойственный лик и ставит себе двойственные задачи. С одной стороны, осуществляются империалистические цели, с другой стороны, приходится одновременно восстанавливать и расширять политические, военные и экономические средства империалистической политики. Это—отличительная черта современной фазы нового германского империализма, черта, придающая ему характер переходного периода.

Было бы весьма интересно проследить, в каких идеологических формах проявляется переход от первой фазы ко второй: переход от идеологии, кричащей о «гибели Запада», проповедующей уход от мира, пацифизм, преподающей новые откровения насчет сверхнациональных, космополитических задач Германии (напр., у Кайзерлинга), к новопробудившемуся чувству мощи и оптимизму германской буржуазии. Впрочем, на этой теме я не буду останавливаться.

* * *

Автор детально и убедительно доказывает империалистический характер политики современной германской буржуазии: империалистическую сущность германской политики, восстановление экспорта капиталов, стремление к приобретению колоний и т. д. Для понимания ситуации чрезвычайно существенно проводимое им различие между империалистическим характером германской политики и империалистической мощью современной Германии. Империалистическая мощь Германии, несомненно, еще весьма незначительна. Особенной слабостью отличаются военная и денежно-капиталистическая база. Это нисколько не устраняет империалистического характера, империалистического содержания и империалистических целей этой политики. Но это обстоятельство используется для замаскирования империалистических вожделений, чем, главным образом, и занимается германская социал-демократия. Автор справедливо подчеркивает большое политическое значение этого маскирования. Без той пацифистско-демократической маски, которой германская социал-демократия прикрывает новый германский империализм, он не мог бы обеспечить за собой активную или, по крайней мере, пассивную поддержку столь значительной части рабочего класса, как это имеет место в настоящее время. Это маскирование нужно даже для известных слоев мелкой буржуазии и интеллигенции.

Маскированию весьма способствует также маневрирование внешней политики нового германского империализма между «западной» и «восточной» ориентацией—между Англией и Советской Россией. Здесь реальные интересы германской буржуазии требуют сокрытия ее политики от рабочего класса. Чтобы сорвать эту маску, нельзя ограничиваться общими фразами, как это иногда делает наша пресса, что-де германская буржуазия уже окончательно сделала свой выбор. Автор по этому поводу весьма правильно замечает:

«Хотя Германия действительно не хочет преждевременно связать себя, по крайней мере, до тех пор, пока ей не будет гарантировано удовлетворение ряда наиболее важных требований, тем не менее совершенно ясно, что если не произойдет каких-либо исключительных и маловероятных событий, она изберет связь с Англией».

Само собой разумеется, очевидные империалистические цели этих маневров должны быть прослежены шаг за шагом и выяснены на конкретных фактах германской внешней политики.

Как обстоятельно доказывает автор, не подлежит никакому сомнению, что новый германский империализм должен приводить к все более и более острым международным конфликтам и что радикальное восстановление империалистической мощи Германии, удовлетворение ее колониальных стремлений и т. д. в конечном счете невозможны без серьезнейших военных потрясений. Это еще не исключает долгих и сложных маневров, имеющих целью достичь частичного успеха путем использования противоречий, с одной стороны, между прочими империалистическими государствами, с другой — между всем вообще капиталистическим миром и Советской Россией. Фактические частичные успехи, которых Германия до сих пор добилась в области внешней политики, были достигнуты именно этими средствами, и вполне возможно, что этим же путем удастся достичь еще кое-каких новых успехов. Но это обстоятельство не должно вводить в заблуждение германских рабочих: радикальный поворот в положении нового германского империализма немыслим без новой войны, которая охватит весь мир и будет еще более опустошительной, чем последняя. Из этого следует, что германские рабочие должны выступить против политики нового германского империализма не в тот лишь момент, когда она фактически доведет до новой мировой войны и будет вынуждена сбросить свою мирную маску, а должны выступать против нее уже теперь, когда она по достаточно веским основаниям еще прибегает к пацифистским средствам и носит личину миролюбия. Они должны понять, что неразрывная цепь причин ведет от теперешнего «мирного» нового германского империализма к новой мировой бойне, и должны научиться различать внешний фасад — временные мирные средства воздействия — от подлинной сущности и от неизбежного результата этой политики.

* * *

Маневры и зигзагообразные движения нового германского империализма обусловлены, однако, не только его международным положением, но отчасти и группировками внутри самой германской буржуазии и противоречиями интересов внутри этих групп. Конечно, мы имеем здесь в виду группировки в империалистическом лагере. Сами по себе они отнюдь не являются чем-то новым. Такие группировки с различными тенденциями имелись в империалистическом лагере уже до войны. Они обнаружились с полной ясностью и во время войны, когда боролись два направления внешней политики—ориентация на Запад и ориентация на Восток. Современные группировки в лагере германского империализма не совпадают с теми, какие имели место во время войны, но отчасти имеют с этими последними некоторую связь. В настоящее время Р. Зонтер подмечает три главные группы и тенденции: во-первых, группу финансового капитала, во-вторых, крыло, состоящее из крупных аграриев и капиталистов, и, в-третьих, группу обрабатывающей промышленности, еще не приобретшей монополистического характера. Далее, внутри промышленности имеют значение взаимоотношения между тяжелой промышленностью в собственном смысле слова и химическим трестом.

Что касается современной мелкой буржуазии, то ее отношение к новому германскому империализму до чрезвычайности разнообразно. Часть

интеллигенции в настоящее время настроена антиимпериалистически. Такая позиция до некоторой степени об'ясняется последствиями мировой войны (особенно в отношении известной части интеллигенции), но главным образом тем, что эта интеллигенция ясно видит общее понижение империалистической линии развития и понимает, насколько слабы перспективы нового германского империализма. Другая часть мелкой буржуазии обнаруживает колеблющееся отношение к империализму. Третья часть, как, напр., техники и т. п., экономически заинтересована в империализме. Наконец, имеются ярко выраженные фашистские группы (студенты, офицеры и т. д.).

Отношение нового германского империализма к рабочему классу в общем ухудшилось, хотя социал-демократия и является его союзником. Рабочая аристократия, на которой главным образом базировалось империалистическое развращение рабочего класса до войны и во время войны, обнаруживает тенденцию к численному сокращению. Рационализация относительно уменьшает число высококвалифицированных рабочих, ибо она разлагает сложные трудовые операции на простые, частичные процессы. Капитализму теперь труднее, чем до войны, давать особые привилегии отдельным группам рабочих. Вместе с тем растет давление капиталистических монополий на рабочего (да и не только на рабочего), поскольку он является потребителем. Все это в конечном счете с избытком компенсирует услуги, оказываемые социал-демократией новому германскому империализму, и в конце-концов, несмотря на всевозможные, более или менее длительные колебания, должно подкопать в пролетарских массах ту основу, на которой зиждется социал-демократическое пособничество империализму.

В виду всех этих внутренних и внешних причин перспективы нового германского империализма весьма ограничены. Здесь прежде всего сказывается обостренный монополистический характер экономического базиса. Политика цен, проводимая монополиями, препятствует расширению рынка. Германский экспорт проявляет тенденцию к застою.

* * *

Скажем в заключение несколько слов о внутренней политике нового германского империализма.

Здесь прежде всего интересно отношение финансового капитала к фашистским союзам и фашистским методам. Автор говорит по этому поводу следующее:

«Финансовый капитал стал организатором фашистских союзов и главным образом, наиболее сильного из них — организации Стального Шлема. Особенность этой организации состоит в ее двойственном характере: она стремится, с одной стороны, быть внутренней гвардией финансового капитала, а с другой стороны, играть роль подсобной организации германской армии. Кроме того, Стальной Шлем, наиболее крепкое ядро которого рекрутируется из фашистской мелкой буржуазии, всеми способами старается проникнуть в ряды рабочего класса... Третья особенность — это то, что Стальной Шлем организован на базисе предприятий».

Далее автор говорит:

«Однако, эти новые методы фашистской борьбы против рабочего класса на известной стадии своего развития, естественно, должны оказать существенное влияние на форму государственного устройства и на так называемый демократический уклад нового германского государства. На определенной ступени эта борьба против рабочего класса должна в то же время стать борьбой против существующего государственного порядка. Она будет направлена не против существующего правительства, а, наоборот, само это правительство с помощью фашизма приступит к изменению существующей

государственной формы или демократии... Поэтому, хотя относительно борьбы против социал-демократии и реформистских рабочих союзов среди представителей финансового капитала имеются различные мнения, тем не менее в одном отношении наблюдается полное единодушие: если порвутся все узы, связывающие рабочий класс, придется провозгласить фашистскую диктатуру, т.-е. открытую, ничем не затушеванную диктатуру финансового капитала. Это произойдет в том случае, если порвутся все веревки, т.-е. если благодаря методам усиленной эксплоатации и обострению хозяйственных и политических конфликтов, характерных для нового германского империализма, рабочее движение радикализируется и станет угрожать стремлениям нового германского империализма...».

Для конкретного понимания внутренне-политических тенденций нового германского империализма нужно прежде всего понять, что в Германии мы имеем дело не с итальянским фашизмом.

Автор указывает на это различие и замечает: «Сила старого фашистского движения в Италии и германского фашистского движения 1923 г. покоилась как раз на том, что фашизм казался мелкой буржуазии движением совершенно новым, независимым от финансового капитала, стоящим над партиями и обладающим революционными тенденциями. Тяжелый кризис вызвал в Италии переход фашизма в лагерь финансового капитала; теперь, когда так называемый героический период фашизма миновал, этот переход начинает и в Германии становиться исходным пунктом фашистского движения, прежде чем это последнее стало играть решающую роль».

Итальянский фашизм имеет то общее с бонапартизмом Луи Наполеона (хотя в других отношениях разница между ними весьма велика), что в данном случае буржуазия отказывается от власти в пользу авантюриста и его банды и подчиняется ему, чтобы с его помощью поработить рабочий класс и бунтарские слои мелкой буржуазии. При режиме итальянского фашизма буржуазия тоже господствует, но не управляет. Содержание режима Муссолини определяется главным образом финансовым капиталом, — программа всеобщего счастия народных масс в данном случае, как и у Луи Наполеона, была лишь средством, чтобы захватить власть, став во главе массового движения, — но осуществление власти, управление страной, находится не в его руках. Это различие формы имеет существенное значение.

В 1923 году попытка германской «народной» организации (фелькише), руководимой Гитлером и Людендорфом, собственными силами провести свою программу, вопреки воле крупной буржуазии, кончилась, как известно, жалким крахом. Крупная буржуазия предпочла оставаться на почве демократической республики. Это обеспечило ей содействие социал-демократии при ликвидации революционного брожения 1923 года и помогло расколоть рабочий класс, между тем как, опираясь на Гитлера и Людендорфа, она рисковала бы вызвать против себя поход всего рабочего класса. Кроме того, учреждение в Германии «национальной диктатуры» вызывало сильный протест Франции и, следовательно, явилось бы препятствием для заключения компромисса с французской буржуазией. Получить американские кредиты при существовании национальной диктатуры также представлялось невозможным.

Современный германский фашизм есть поэтому главным образом дело рук крупной буржуазии, финансового капитала, — он непосредственно подчинен ей и плывет под республиканским флагом. Если германская буржуазия прибегнет к фашистским методам управления, она будет не только господствовать, но и непосредственно править страной. В этом отношении различие с Италией настолько велико, что, мне кажется, вряд ли правильно переносить термин «фашизм» на явления германской действительности.

Вопреки товарищу Зонтеру, я также не считаю вероятным, что «национальная диктатура», если она осуществится, будет сопровождаться монархической реставрацией. Наоборот, я думаю, что она постарается сохранить республиканскую внешность. Для буржуазии вредные последствия монархической реставрации значительно больше, чем сулимые ею выгоды и в области внешней и в области внутренней политики. За предоставление правительственной власти юнкерству и близкой к юнкерам бюрократии германская буржуазия поплатилась поражением в мировой войне. Она вряд ли захочет повторить этот эксперимент и отказаться от самостоятельного руководства своими политическими делами. Во-вторых, республиканская внешность является для нее огромным плюсом в ее отношениях с социал-демократией и теми слоями рабочего класса и мелкой буржуазии, которые находятся под влиянием этой последней. Наконец, шелест монархического флага вызвал бы сильнейшую тревогу во Франции. Гинденбург не есть символ предстоящего восстановления монархии, т.-е. восстановления юнкерско-бюрократическо-военной гегемонии, наоборот, он знаменует подчинение юнкерства и его подголосков власти крупной буржуазии.

Но, если национальная диктатура сохранит республиканскую видимость, она, конечно, станет от этого не более безвредной, а еще более опасной.

Итак, новый германский империализм и в смысле внешней и в смысле внутренней политики проявляет новые черты. Для революционной партии рабочего класса чрезвычайно важно своевременно выяснить и его содержание и его форму, дабы оберечь и революционную партию и рабочий класс от сюрпризов и неправильных практических шагов.

Работа Зонтера в значительной мере помогает разрешить эту задачу.

А. ТАЛЬГЕЙМЕР.

А. ВАРЬЯШ. «Диалектика у Ленина». Популярное изложение философии диалектического материализма на основании сочинений Ленина. ГИЗ. 1928 год.

Время теперь такое, что не приходится жаловаться на недостаточный интерес со стороны широких кругов партии, рабочих, учащихся и т. д. к проблемам философского порядка.

Одним из наиболее непосредственных источников этого всеобщего интереса к вопросам диалектического материализма, на ряду с требованиями и запросами в отношении к методологии со стороны нашей социалистической строительной практики и на ряду с идеологической борьбой за наше мировоззрение, является, конечно, и то обстоятельство, что у нас вот уже несколько лет идет усиленная массовая, год от года делающаяся все более углубленной, проработка (в школах, кружках, комвузах, индивидуально) произведений В. И. Ленина. Изучение работ В. И. Ленина, как изучение работ и других классиков марксизма, наталкивает изучающего на необходимость знакомства и изучения философских основ последнего — материализма и диалектики.

Это ставит перед нами в настоящий момент колоссальную задачу умелой, серьезной и глубокой пропаганды идей диалектического материализма. Такова насущная потребность дня. Без удовлетворения этой назревшей потребности изучение и пропаганда марксизма и ленинизма будет останавливаться на полдороге. И надо сказать, что проработка ленинских произведений под этим углом зрения дает несчерпаемый материал, материал богатейший, конкретный, действенный, органически связанный с нашей революционной практикой. В связи с этим необходимость в создании серьезных работ, книг по даилектическому материализму, которые бы помогли большому кругу товарищей работать над классиками марксизма, выступает теперь на первый план. Книги-то вообще у нас есть, но речь идет о книгах достаточно популярных, на ряду с их марксистской выдержанностью, чтобы их можно было использовать не десяткам и сотням товарищей, а тысячам. Вот таких книжек у нас нехватает, если не сказать, что их нет. И индивидуальным путем или коллективным их нужно создавать.

Одновременно надо всяческим образом постараться избегать той опасности, которая у нас теперь имеется в таком деле, как писание книг. Она состоит в том, что в последнее время в моду вошло легко и быстро писать книги, при этом мало думать (своеобразная «экономия» мышления), много списывать, иногда ставить кавычки, а иногда и не ставить, видимо руководствуясь золотым правилом, что знающий все равно знает, откуда может быть взята та или другая мысль, а незнающему, мол, все равно безразлично это. При таком способе писания книг, конечно, можно задаваться целью быстро разрешать и излагать кучу проблем при минимальной работе. Зато результат зачастую бывает очень печальный, и главным страдальцем по обыкновению становится средний читатель. Перед беднягой начинается дикая скачка проблем и вопросов; одна за другой мелькают они в быстрой, беглой смене, одна подгоняет другую, и следствием всего этого является то, что читатель и учащийся по книге не укрепляются в знании интересующих их определенных вопросов, но просто оглушаются. Это уже беда.

А к этому прибавляется еще одна, по нашему, безусловно вредная черта, на которую мы до сего времени как-то маловато обращаем внимания. Она состоит в том, что мы, чересчур усиленно использовывая в книжках массового характера в цитатном порядке в порядке простого переложения и перефразировки произведения В. И. Ленина и других классиков марксизма и не затрудняя себя при этом соответствующим анализом, тщательным разбором, примерами, словом, большой работой по раз'яснению и популяризации,—затаскиваем, замусоливаем гениальные мысли и прогнозы и таким образом, сами иногда не подозревая этого, создаем такое положение, что крупнейший теоретик и мыслитель как бы превращается при подобной плохой работе в глазах читателя в фразеолога и творца самой общей формулы и схемы. Пора уж нам позаботиться о совершенствовании качества продукции и в области публицистики.

Нам сдается, что книжка, выписанная в заголовке нашего отзыва в большой степени характеризуется теми недостатками, о которых мы только-что говорили.

Тов. А. Варьяша, конечно, не может извинить то обстоятельство, что он присовокупил к заглавию книжки слова «популярное изложение философии диалектического материализма на основании сочинений Ленина». Наоборот, это самое обязывает с нашей точки зрения к особенно тщательной работе над книжкой. Тут тщательность работы, заботливость и добросовестность требуется исключительная. Что же получается у тов. Варьяша? Уже беглый просмотр книги заставляет думать, что автор взялся за невыполнимую задачу—за слишком короткое время и на минимальном количестве страниц изложить и разрешить бесконечное число вопросов, захвативши прямо-таки необ'ятный материал не только из Ленина, но и из Маркса и Энгельса (немного меньше, чем у Ленина). И ничего основательного из этого не получается, кроме того, что мы галопом несемся там, где требуется медленная, упорная и кропотливая работа. Возьмем для примера хотя бы главу об историческом материализме. Посмотрим оглавление. Вот оно: «Теория общества. Суб'ективная школа. Основные категории истории: производительные силы и производственные отношения. Борьба классов. По-

вторение исторических событий. Общественно-экономическая формация. Люди сами делают свою историю, но до сих пор они делали это бессознательно. Узость понимания буржуазией рабочего движения. Классовая борьба есть борьба политическая. Маркс о своей теории классовой борьбы. Оппортунизм в рабочем движении: отрицание свержения буржуазии путем революции. Отмирание государства. Критика анархизма. Стратегия и тактика пролетарской революции. Война—продолжение политики другими средствами. Значение организации и партийных вождей. Искусство восстания. Реформа и революция» (стр. 138). И после всего этого следует одиннадцать страничек текста, из которых 5—6 приходится на цитаты. Ряд вопросов, о которых упоминается в оглавлении почти забывается, некоторые другие обходятся настолько, что по существу тоже исчезают—и плюс к этому еще довольно значительная неувязка трактуемых вопросов в следовании друг за другом. Еще больше бросается в глаза в этом смысле параграф о законе взаимного проникновения противоположностей. Здесь на пятнадцать строчек в оглавлении мы имеем всего какую-нибудь сотню строчек текста. И так обстоит дело во многих главах.

Представление об общем характере книжки со стороны способа ее написания дает особенно рельефно глава о взглядах Ленина на новейший этап естествознания. Здесь мы имеем дело, поскольку мы не берем цитаты, а их очень много, с простой, почти буквальной перефразировкой мыслей Ленина из V главы «Материализма и эмпириокритицизма». Теряешь, собственно, представление о том, где А. Варьяш просто списывает вплоть до мелочей и где хоть немного чувствуется его работа. Напрашивается вопрос, к чему такая книжка и такое авторство, коли мы можем всегда читать Ленина в подлиннике, по хорошим хрестоматиям и пр.

Или, что, например, проделывает А. Варьяш в главе «Законы диалектики в применении к проблемам русской революции»? Он на десятке страниц ухитряется рассмотреть чуть ли не все основные проблемы ленинизма. Делается это так: цитата, несколько слов для связи, цитата, опять несколько фраз вместо разбора и анализа. Так, на стр. 118 дается ленинская критика «об'ективизма» Струве, затем тов. Варьяш просто перескакивает к статье Ленина о Суханове. Здесь он себя тоже не отягощает работой. Тов. Варьяш берет и почти целиком выписывает статью в свою книжку, сопровождает ее одной—двумя фразами о совершестве ленинской диалектики и... мчится дальше. Это, конечно, не может не действовать на читателя популярной книжки угнетающе, ибо он ждет, чтоб ему помогли поучиться диалектике у Ленина, а его вместо этого гоняют взад и вперед сквозь строй бесконечного числа проблем.

Но даже при таком способе написания книги, который, кажется, уже гарантирует автора от теоретических ошибок, потому что автор просто перелагает и переписывает классиков марксизма—все-таки Варьяшу удается допустить ряд очень грубых ошибок и неясностей. Отметим некоторые из них, чтобы не быть голословным.

На стр. 13 читаем: «Под надстройкой марксизм понимает совокупность всех политических, юридических, этических, эстетических и вообще духовных явлений общества». Эта же мысль повторяется на следующих двух страницах, где говорится, что надстройка есть совокупность идеологических форм. При этом Варьяш находит способ подсунуть эту формулировку самому Марксу. Делается это следующим образом. Из мысли Маркса (см. предисловие «К критике политэкономии») о том, что «при рассмотрении... революций следует всегда иметь в виду разницу между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно определить с естественно-научной точностью, и юридическими, политическими, художественными или философскими,—словом, идеологическими формами, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт (конфликт между развитием производительных сил и производственными отношениями. *Ф. Г.*) и во имя которых они борются»—из этой мысли Варьяш берет конец и создает такую теоретическую формулировку, что надстройка «есть совокупность (далее слова Маркса. *Ф. Г.*) идеологических форм, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и во имя которых борются» (стр. 14). Эту же формулировку своими словами он повторяет на стр. 15.

Но, во-первых, мы знаем, что у Маркса общественная надстройка вовсе не сводится только к идеологическим формам. Стоит только внимательно прочитать предисловие «К критике политической экономии», как это становится очевидным. Неужели политическую организацию общества, которая является по Марксу надстройкой, можно отнести к разряду идеологических явлений? Такое понимание надстройки, которое сводит ее только к области духовных явлений, имеет чрезвычайно мало общего с пониманием Маркса.

Во-вторых, у Маркса с самого начала в определение самых идеологических форм (форм общественного сознания) входит то, что они отражают в своей области весь ход общественной жизни, а не только революционные ее периоды, периоды конфликтов между развивающимися производительными силами и задерживающими это развитие производственными отношениями данной общественной формации. У Варьяша фактически получается так, что надстройка, являясь совокупностью идеологических форм, есть орудие отражения, восприятия в сознании людей именно и только революционных конфликтов. Правда, Варьяш хочет поправиться далее и начинает говорить о том, что «Маркс понимает идеологию двояко: с одной стороны, широко, а, с другой стороны, узко» (15 стр.), но вследствие того, что это рассуждение Варьяша остается очень туманным и расплывчатым, у читателя в конце концов внимание концентрируется на основном неверно сформулированном определении надстройки у Варьяша.

Дальше. Очень неясная и, по нашему, путанная вещь получается у Варьяша, когда он дает свою собственную общую характеристику формальной логики в ее отношении к диалектической. Когда мы читаем у Плеханова, что «как покой есть частный случай движения, так и мышление по правилам формальной логики есть частный случай диалектического мышления», то это нам понятно. Диалектическое мышление, рассматривающее вещи в движении, изменении, развитии, не может игнорировать того факта, что они существуют в тот или другой момент в их данной определенности и устойчивости. Мышление по законам формальной логики является необходимым моментом в диалектическом мышлении, но только моментом, ибо всякая устойчивость и данная определенность вещей всегда суть относительная устойчивость. Тов. Варьяш дает новую формулировку. Он говорит: «Так как готовые вещи можно и должно рассматривать, как результат процессов, как относительный предел их, то и отношение формальной логики к диалектике можно характеризовать так, что формальная логика представляет собой предельно-упрощенный случай диалектической логики» (82 стр.). Таким образом, для характеристики взаимоотношения формальной и диалектической логики вводится новое понятие: формальная логика есть случай «предельно-упрощенной» диалектической логики. С нашей точки зрения это новое понятие ничего, кроме путаницы, в ясное понимание места и значения формальной логики, как необходимого частичного элемента единого диалектического процесса мышления и познания, внести не может.

Наконец, если мы вчитаемся в варьяшевский разбор законов диалектики, то и тут обнаружим, что не все обстоит благополучно. И происходит так благодаря тому, главным образом, что он не считает нужным сколько-

нибудь углубленно и более или менее систематически обратиться к анализу и изложению этих законов. Слов нет, он берет очень много цитат, и цитат блестящих самих по себе, из Ленина, Маркса и Энгельса. Но кому не ясно будет, что всякая из цитат, напр., из такой работы, как ленинская «К вопросу о диалектике», требует большой работы, чтобы вскрыть ее содержание и в доступной форме передать рядовому товарищу. Вот этой-то работы у тов. Варьяша и не проделано. Вместо нее и тут мы имеем нагромождение материала, массу неясностей и недоговоренностей. Так автор, напр., излагая закон о качестве и количестве, их взаимозависимости и переходах друг в друга, говорит на стр. 90, что это настолько общие категории, что им трудно дать определение в смысле подведения их под еще более общее понятие: их можно определить только через отношение друг к другу или, как говорит Варьяш, «точнее определить количество через качество». Дальше курсивом следует: «*Количество представляет собой вид качества*». И тут на помощь приходит цитата из Энгельса о том, что область количества, числа, рассматриваемая как таковая, содержит сама в себе массу качественных моментов и переходов. Но ведь то, что говорит Энгельс о числе, количестве, как таковом, это не может служить никоим образом достаточным основанием к тому, чтобы теоретически отделаться от определения качественной и количественной сторон в развитии реального предмета. Поэтому сказать, что количество есть вид качества—и баста,—это значит сделать шаг к отождествлению качественной и количественной сторон вещи.

Недостаточно тов. Варьяш анализирует и закон единства противоположностей, центральный закон диалектики, который дает понимание перехода одного качества в другое качество не с внешней стороны, не со стороны его описания, а вскрывает *внутренний механизм необходимого превращения, развития вещи в другую вещь*. Закон единства противоположностей и борьбы их в единстве *об'ясняет* нам необходимый характер развития предмета, его внутреннюю движущую пружину, его самодвижение, саморазвитие. Об этом говорит Ленин в статье «К вопросу о диалектике». Вот это самое саморазвитие предмета, которое фиксируется в законе единства противоположностей, и надо тщательнейшим образом проанализировать и раз'яснить. Вместе с этим надо показать, как этот закон единства противоположностей углубляет законы причинности и взаимодействия, о чем говорит автор в ряде мест. А то иной раз при чтении некоторых страниц получается представление, что А. Варьяш понимает закон единства противоположностей двояко: то как имманентный для предмета закон его движения и развития, как это имеется у Ленина, то, как простое взаимодействие и борьбу внешних друг для друга вещей и друг против друга направленных вещей, т.-е. не диалектически, а механически. Совершенно неясным остается после прочтения книжки вопрос о значении нашей философии, диалектического материализма, в системе наук. В одних местах мы находим понимание диалектического материализма и диалектики, как науки о всеобщих законах развития природы, человеческого общества и мышления. Так понимают содержание марксистской философии и основоположники марксизма. Из этого понимания вытекает, что диалектический материализм является методологией для всех наук, конечно, с тем предположением, что эта методология в своем применении небходимо должна учитывать специфические особенности и существо всякой определенной области и об'екта познания.

В других местах у Варьяша получается так, что каждая отдельная наука должна вырабатывать свой собственный метод, что совершенно не вяжется с тем пониманием диалектического материализма, о котором только-что было сказано.

Хочется сказать еще в двух словах о том, что неприятное зрелище создается, когда тов. Варьяш стремится изобразить на стр. 49 тов. Ленина не в роли борца на поприще философии, а в роли какого-то мирно настроенного «уговаривателя» всяких эмпириосимволистов и эмпириокритиков. Трудно этому поверить, тов. Варьяш, стоит только для этого прочитать ту цитату из Ленина, которую вы приводите тут же. «За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма,—говорит Ленин,—нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по существу дела... являются материализм и идеализм. Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма» (учение, ставящее веру на место знания. *Ф. Г.*).

Когда прочитаешь эти строки из Ленина о партийности и классовости всякой философии, как станет ясным, что Ленин не мог быть в той роли, в которой рисует его Варьяш, потому что речь шла о защите марксизма, идеологии пролетариата, против его идеалистических извращений, против подмены диалектического материализма идеализмом.

Нельзя, наконец, пройти при чтении книжки Варьяша мимо того факта, что мы в ряде мест ее встречаемся прямо с небрежностью со стороны формулировок, небрежностью, которая граничит с полным забвением того, что книжка пишется для людей, которые, по замыслу автора, будут по ней учиться. Так на странице 15 мы читаем: «В широком понимании идеология, зависимость ее возникновения, в конечном счете, от экономических основ, означает, что наука в своем развитии определена общественно-экономическими отношениями». Нельзя же так безграмотно излагать свои мысли. Или взять к примеру стр. 60—61, где Варьяш разрешает вопрос, «почему куча разрозненных знаний преобразуется и перерастает в науку». Здесь мы встречаемся с такой бессвязностью в ходе мысли автора, с таким аляповато-грубым изложением ее, что это прямо затрудняет или даже делает невозможным понимание имеющегося тут содержания. (Мы цитату не приводим потому, что она очень велика).

Таких мест мы находим довольно много. И если к этому прибавить еще то обстоятельство, что многие страницы, вопреки заглавию и задаче, поставленной перед книжкой, недостаточно популярны, иногда совсем непопулярны, то мы, на основе всего этого вынуждены притти к выводу, что книжка в общем себя не оправдывает, несмотря на отдельные более или менее удачные главы и параграфы (напр., гл. VI 2-я часть).

Тов. Варьяш задался хорошей целью—написать книжку о Ленине, как диалектике, но он упустил из виду одно маленькое обстоятельство, что такая книжка, пожалуй, больше, чем всякая другая, требует труда, внимания и тщательности. Тем более, когда берешь в работу колоссальный материал.

Без этого прибавить что-нибудь к той литературе, которая у нас есть, по содержанию ли или по популярности и доступности широким кругам читателей, едва ли удастся.

Ф. ГОРОХОВ.

Условия приема на основные отделения института красной профессуры на 1928/29 учебный год.

§ 1. На все основные отделения принимаются члены ВКП(б), обладающие не менее, чем 5-годичным партийным стажем, а на историко-партийное — не менее чем 8-годичным партстажем.

Примечание: Отступление от требований 5-годичного партстажа допускается в исключительных случаях только для поступающих на естественное отделение.

§ 2. Товарищи, желающие поступить в Институт Красной Профессуры, должны представить в Правление Института (Остоженка, 53) не позднее 1 мая 1928 г.: 1) рекомендацию Центрального Комитета ВКП(б), ЦК Нацреспублик, Обкомов (Оббюро) или Губкомов ВКП(б); 2) заявление с указанием адреса; 3) краткую автобиографию; 4) засвидетельствованный партстаж; 5) копию воинского документа; 5) заключение медицинской комиссии о состоянии здоровья за последние 2–3 года и 7) печатные работы (если последние имеются). В заявлении должна быть указана желательная для данного товарища тема пробной вступительной работы и отделение, на которое товарищ желает поступить.

Примечание: От поступающих на естественное отделение, ставящее своей задачей дать товарищам с законченным естественно-историческим образованием подготовку по истории естествознания, техники и философии, представление письменной работы не требуется, но требуется представление свидетельства об окончании соответствующего вуза или свидетельства о прохождении всей программы вуза, за исключением специальной (дипломной) работы.

§ 3. Заявления рассматриваются Мандатной Комиссией и затем поступают в Правление Института. В случае удовлетворительного решения вопроса Правление допускает соискателя к представлению письменной работы. Тема работы устанавливается по соглашению с приемочной комиссией Института, производящей устный коллоквиум. Предельным сроком представления письменных работ устанавливается 1-е июля 1928 г.

§ 4. Все соискатели, пробные письменные работы которых будут признаны удовлетворительными, допускаются к устному коллоквиуму в промежуток между 1 и 15 сентября, после чего Правление имеет окончательное суждение о кандидате.

§ 5. Поступающие на все основные отделения Института экзаменуются по философии, теоретической экономии и истории, по истории партии и ленинизму; кроме того, поступающие на правовое отделение — по теории права и государства, и на литературное — по методологии литературоведения и по истории литературы.

Для поступающих желательно знание одного из иностранных (европейских) языков.

§ 6. От поступающих требуются основательные знания по следующим программам и литературе:

I. Программа по теоретической экономии.

(Для всех отделений).

1. Предмет и метод политической экономии. Основные направления (школы) в области политической экономии.

2. Теория стоимости Маркса. Суб'ективная теория ценности австрийской школы

3. Теория денег Маркса. Сущность денег, стоимость денег, функции денег.

4. Теория прибавочной стоимости Маркса. Постоянный и переменный капитал. Норма и масса прибавочной стоимости. Рабочий день и фабричное законодательство.

5. Понятие об относительной прибавочной стоимости. Кооперация, разделение труда и мануфактуры. Машины и крупная промышленность.

6. Заработная плата, как цена рабочей силы. Формы заработной платы. Национальные различия заработной платы. Взаимные отношения заработной платы и прибавочной стоимости при различных условиях.

7. Понятие о простом и расширенном воспроизводстве. Превращение прибавочной стоимости в капитал. Обстоятельства, влияющие на размер накопления. Теория рабочего фонда.

8. Всеобщий закон капиталистического накопления. Органический состав капитала, концентрация и централизация капитала. Относительное и абсолютное перенаселение. Резервная армия. Иллюстрация закона в английской практике.

9. Первоначальное накопление, его пути и методы. Исторические тенденции капиталистического накопления.

10. Метаморфозы капитала и их течение. Кругооборот денежного, производительного и товарного капитала. Время оборота. Издержки обращения.

11. Учение об основном и оборотном капитале у Маркса и его предшественников. Рабочий период и время производства. Время обращения.

12. Влияние времени оборота на величину авансируемого капитала. Оборот переменного капитала. Обращение прибавочной стоимости.

13. Воспроизводство и обращение совокупного общественного капитала при простом и расширенном воспроизводстве.

14. Превращение прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли. Превращение прибыли в среднюю прибыль.

15. Тенденции нормы прибыли к понижению. Марксова теория кризисов.

16. Торговый капитал и торговая прибыль. Оборот торгового капитала. Денежно-торговый капитал. Из истории торгового капитала (для естественного отделения не обязательно).

17. Деньги в обращении промышленного капитала. Кредит. Уровень процента. Роль кредита в капиталистическом обществе. Денежный капитал и действительный капитал.

18. Мобилизация капитала. Акционерные общества. Фондовые биржи. Товарные биржи. Банковый капитал и банковская прибыль.

19. Капиталистические монополии, их происхождение и развитие. Конкуренция при монополии. Проблема монопольной цены. Кризисы и монополии.

20. Империализм и его характеристика. Проблема ультраимпериализма. Государственная власть и империализм. Империализм и пролетариат.

21. Превращение избыточной прибавочной стоимости в земельную ренту. Дифференциальная рента и ее случаи. Закон убывающего плодородия почвы.

22. Абсолютная рента, ее происхождение. Национализация земли. Различные способы решения аграрного вопроса.

Примечание: П.п. 10, 11 и 12 обязательны только для экономистов. От поступающих на другие отделения по п.п. 13 и 18 требуется лишь общее знакомство.

От поступающих на все отделения требуется знание политической экономии в пределах этой программы, экономической политики СССР и истории народного хозяйства в об'еме программы социально-экономических вузов, а для поступающих на экономическое отделение, кроме того, знание истории экономических учений в том же об'еме (по книгам: **Берлина** «Очерк развития экономических учений», **Туган-Барановского** «Очерки по новейшей истории политэкономии и социализма») при основательном знании нижеперечисленной литературы

I. По теоретической экономии.

1. **Маркс.** «Нищета философии» (обязательно только для экономистов).
2. **Маркс.** «К критике политической экономии» (для неэкономистов обязательно только введение и предисловие).
3. **Маркс.** «Капитал» (I, II и III т.т.). Том II, а также главы с 28 по 35 и с 41 по 43 из III тома (не обязательны для неэкономистов).
4. **Гильфердинг.** «Финансовый капитал» (только для экономистов).
5. **Ленин.** «Империализм».
6. **Ленин.** Т.т. III и IX (только для экономистов и историков).
7. **Бухарин.** «Империализм и мировое хозяйство» (для неэкономистов не обязательно).

8. **Бухарин.** «Политическая экономия рантье» (для неэкономистов только введение и I глава).
9. Один из марксистских учебников по политэкономии (для неэкономистов).
10. Для экономистов обязательным является знакомство с курсом политэкономии какого-либо буржуазного экономиста (Туган-Барановского, Железнова и др.).

II. По экономполитике.

1. **Айхенвальд.** «Советская экономика».
2. Доклады, резолюции и постановления партийных с'ездов и конференций (начиная с 1917 г.) по вопросам хозяйственной политики.
3. Статьи и речи В. И. Ленина (включая отчеты ЦК с'ездам партии) по тем же вопросам (в т.т. XIV—XVIII собран. сочинений).

III. По истории народного хозяйства.

Лященко. «История народного хозяйства России» (обязательно только для экономистов и русских историков).

II. Программы по философии и историческому материализму.

(Для всех отделений).

1. Основные школы древне-греческой философии (для философов и естественников).
2. Номинализм и реализм средневековой философии.
3. Фр. Бэкон.
4. Декарт.
5. Гобсс.
6. Гессенди.
7. Локк.
8. Спиноза.
9. Беркли.
10. Юм.
11. Лейбниц.
12. Французский материализм XVIII века, его исторические корни и его особенности. Ламеттри. Дидро. Гельвеций. Гольбах.
13. Кант.
14. Немецкий классический идеализм после Канта (до Гегеля).
15. Гегель.
16. Фейербах.
17. Марксизм, его исторические корни и основные этапы: а) проблема философии с точки зрения марксизма, б) диалектический материализм, в) значение и роль материалистической диалектики, г) дискуссия с механистами (обязательно только для философов и естественников), д) теория познания марксизма, е) учение об обществе, ж) теория общественных классов, з) учение о классовой борьбе, и) теория диктатуры пролетариата, к) учение о праве и государстве, л) учение о партии, м) идеологии, н) философская ревизия марксизма ревизионистами.

Литература по философии и историческому материализму.

1. **Энгельс.** а) «Л. Фейербах», б) «Анти-Дюринг», в) «Происхождение семьи, частной собственности и государства», г) «Диалектика природы» (в и г—только для философов и естественников).
2. **Маркс и Энгельс.** «Немецкая идеология. Л. Фейербах» (Архив Маркса и Энгельса, т. I) (только для философов и естественников).
3. **Маркс.** «Критика Готской программы».
4. **Плеханов.** а) «Основные вопросы марксизма», б) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в) «Очерки по истории материализма», г) «Критика наших критиков» (собр. соч., т. XI) и весь т. XVII собран. сочинений.
5. **Ленин.** а) «Материализм и эмпириокритицизм» (собр. соч. т. X), б) «К вопросу о диалектике», в) «Что такое «друзья народа», I ч., г) «Маркс, Энгельс, марксизм» (сборник), д) «Государство и революция», е) «Пролетарская революция и ренегат Каутский», ж) «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», з) «Удержат ли большевики государственную власть».
6. **Пашуканис.** «Общая теория права и марксизм».
7. **Аксельрод.** «Философские очерки».
8. **Ланге.** «История материализма» (только для философов).

9. **Гомперц.** «Греческие мыслители (только для философов и естественников).
10. **Бухарин.** «Теория исторического материализма».
11. **Деборин.** «Философия и марксизм» (сборник). «Введение в философию диалектического материализма». «Энгельс и диалектическое понимание природы» (ст. в «Под Знаменем Марксизма» № 10—11, за 1925 г.). «Материалистическая диалектика и естествознание» («Воинствующий Материалист», № 5—для философов и естественников). «Наши разногласия» («Летописи Марксизма» № 11). «Энгельс и диалектика в биологии» («Под Знаменем Марксизма», 1926 г., №№ 1—2, 3, 9—10—только для философов и естественников). «Очерки по теории материалистической диалектики» («Под Знаменем Марксизма», 1926 г., № 11).
12. **Ламеттри.** Избранные сочинения (для философов и естественников).
13. **Фейербах.** Собрание сочинений, т. I (для философов и естественников).
14. Для поступающих на философское и естественное отделения, кроме того, требуется знакомство с периодической марксистской литературой по основным проблемам философии и естествознания (в частности, с основным материалом, публикуемым в журнале «Под Знаменем Марксизма»).

III. Программа и литература по русской истории и истории ВКП(б).

(Для всех отделений, кроме естественного).

I. Торговый капитализм в России и крепостное хозяйство.
1. **Покровский.** «Очерк истории русской культуры», часть I, гл. III и IV.

II. Происхождение самодержавия.
2. **Покровский.** «Марксизм и особенности исторического развития России». Сборник статей 1922—25 г.г.
3. **Троцкий.** «1905 год». 2-е и след. издания. Введение и приложения. (Статья против Покровского).

III. Декабристы.
4. **Покровский.** «Декабристы». Сборник статей, изд. Центроархива. Кроме того, для специалистов-историков статья Нечкиной о «Соединенных Славянах» в журнале «Историк-Марксист» № 1.

IV. Крестьянская реформа.
5. **Покровский.** «Очерк истории русской культуры», часть I, глава V.

V. Народническая революция.
6. **Покровский.** «Русская история в самом сжатом очерке», ч. III, изд. 1928 г., или соответствующая глава из существующих учебников по истории партии.

VI. Аграрный вопрос в России после реформы.
7. **Ленин.** Собрание сочинений, т. IX, стр. 441—703.
8. **Его же.** Том III «Развитие капитализма в России», глава II, III и IV.

VII. Промышленное развитие пореформенной России.
9. **Ленин.** Собрание сочинений, том III, «Развитие капитализма в России», глава V—VIII.

VIII. 1905 год.
10. **Ленин.** Собрание сочинений, т.т. VI и VII, следующие статьи: Том VI—Земская кампания и план «Искры». От народничества к марксизму. О боевом соглашении для восстания. Должны ли мы организовать революцию. Новые задачи и новые силы. Пролетариат и крестьянство. Социал-демократия и Временное Правительство. Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. О Временном Революционном Правительстве (обе статьи). Борьба пролетариата и холопство буржуазии. Революционная армия и революционное правительство. Две тактики социал-демократии (брошюра). Бойкот Булыгинской Думы и восстание. Самое ясное изложение самого путанного плана. Отношение социал-демократии к крестьянскому движению. Мелкобуржуазный и пролетарский социализм. Том VII—Победа кадетов и задачи пролетариата (брошюра). Доклад об об'единительном с'езде РСДРП (брошюра). Разгон Думы и задачи пролетариата (брошюра).
11. **Покровский.** «Русская история в самом сжатом очерке», ч. III, изд. 1928 г.

IX. Столыпинщина и война.
12. **Покровский.** «Русская история в самом сжатом очерке», ч. III, изд. 1928 г.
13. **Ленин.** Том XIII. Война и РСДРП. О поражении своего правительства в империалистической войне. Социализм и война. О лозунге Соединенных Штатов Европы. Крах II Интернационала. Несколько тезисов. Итоги дискуссии о самоопределении.
14. **Покровский.** «Внешняя политика России в XX веке». Изд. Свердловского Университета.

Для специалистов книги: **Каменева**—«Между двумя революциями» и **Ванага**—«Финансовый капитал в России».

X. Февральская и Октябрьская революция.

15. **Ленин.** Собрание сочинений, том XIV. Письма издалека. Луи-блановщина. О двоевластии. Письма о тактике. Задачи пролетариата в нашей революции. Резолюции о войне и земельной реформе на апрельской конференции.

Речь на с'езде крестьянских депутатов. Речь на первом С'езде Советов о войне. К лозунгам. О конституционных иллюзиях. Уроки революции. О компромиссах. Большевики должны взять власть. Марксизм и восстание. Грядущая катастрофа и как с ней бороться (брошюра). Удержат ли большевики государственную власть (брошюра).

16. **Бухарин.** «От империализма к диктатуре пролетариата».

17. **Сталин.** «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» (предисловие к книге «На путях к Октябрю»).

Кроме того, для общего знакомства с русским историческим процессом предполагается знание «Русской истории в самом сжатом очерке» всех 3-х частей и знание одного из учебников, принятых в комвузе по истории партии.

Для специалистов, кроме того, обязательно знание русской истории в следующем об'еме:

18. **Покровский.** «Русская история с древних времен», том I—IV.
19. **Покровский.** «Империалистическая война», статьи: «Виновники войны», «Как началась война 1914 г.», «Выход России из войны».
20. «Русско-японская война». «1905 год», том I. Изд. Истпарта.
21. **Покровский.** «Очерки по истории русской культуры», ч. I.
22. **Его же.** «Борьба классов и русская историческая литература».
23. **Лященко.** «История народного хозяйства».
24. «1905 год». Изд. Истпарта, т. III, статья Ярославского и Невского.
25. **Ключевский.** «История сословий». От 10 до 20 лекции (для историков партии не обязательно).
26. **Ключевский.** «Курс русской истории», лекции 1, 2, 31—37.
27. **Соловьев.** «Начало русской земли» (для историков партии не обязательно).
28. **Дьяконов.** «Очерки общественного и государственного строя древней Руси», изд. 1926 г. «Государственное устройство» (в обоих периодах). (Для историк. партии не обязательно).
29. **Плеханов.** «История русской общественной мысли», т. I. Введение.

Кроме того, от поступающих на историко-партийное отделение требуется знание следующих работ:

1. **Ленин.** «Что такое «друзья народа» и как они воюют с социал-демократией», т. I.
2. **Ленин.** «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве», т. II.
3. **Ленин.** «Задачи русских социал-демократов», т. I.
4. **Ленин.** «Что делать», том V.
5. **Ленин.** «Гонители земства и Аннибалы либерализма», т. V.
6. **Ленин.** «Шаг вперед, два шага назад», т. V.
7. **Плеханов.** «Социализм и политическая борьба», т. II.
8. **Плеханов.** «Наши разногласия», т. II.
9. **Бухарин.** «Ленин, как марксист».

Для естественников по истории и истории партии требуется:

1. **Покровский.** «Русская история с древнейших времен», тт. III и IV.
2. История партии в об'еме какого-либо учебника, принятого в комвузе.
3. **Ленин.** «Что делать». «Две тактики социал-демократии в русской революции». «Социализм и война». «Удержат ли большевики власть». «Пролетарская революция и ренегат Каутский». «О продналоге» (брошюра) и о «Кооперации».

IV. Программа и литература по западной истории.

(Для всех отделений, кроме естественного).

I. Происхождение капитализма.

1. **Лукин.** «Новая история».
2. **Маркс.** «Капитал», т. I, гл. XXIV.

II. Буржуазные революции.

3. **Лукин.** «Новая история» (отдел о французской революции).

III. Первые шаги рабочего движения, социализм.

4. **Лукин.** «Новая история», гл. VIII, §§ 70, 71, гл. IX—вся, гл. X, § 87 (о Вейтлинге), 90, 91.

IV. 48-й год.

5. **Маркс.** «18 брюмера».
6. **Маркс.** «Классовая борьба».

7. **Энгельс.** «Революция и контрреволюция».
8. **Стеклов.** «48-й год».

V. Интернационал.

9. **Стеклов.** «I Интернационал».

IV. Коммуна.

10. **Степанов.** «Коммуна».

VII. Основные типы рабочего движения в конце XIX и начале XX вв.

11. **Лукин.** «Очерки по истории Германии», очерк «О рабочем движении».
12. **Ротштейн.** «Очерки по истории английского рабочего движения», ч. II.
13. **Каутский.** «Республика и социализм во Франции».
14. **Покровский.** «Франция до и во время войны».
15. **Ленин.** Том XIII, статьи, названные в программе по русской истории (IX, 13).

VIII. Империализм.

16. **Преображенский.** «Империализм».
17. **Лукин.** «Очерки по истории Германии». Очерк «О внешней политике».

IX. Кризис международного рабочего движения.

18. **Ленин.** Том XIII и том XVI. Статьи, указанные в пунктах 13 и 15 списка литературы по русской истории.

Для специалистов-историков, кроме того, требуется:

I. Теории экономического развития древнего мира.

1. **Петрушевский.** «Очерки по истории средневекового общества и государства».
2. **Тюменев.** «Капитализм в древней Греции».

II. Аграрные отношения в древнем мире.

3. **Тюменев.** «Капитализм в древней Греции».
4. **Виппер.** «Очерки по истории Римской империи».

III. Феодализм.

5. **Петрушевский.** «Очерки по истории средневекового общества и государства».

Петрушевский. «Восстание Уотта Тэйлора», гл. III и IV.

IV. Средневековый город.

7. «Обществоведение» под ред. Тарасова, т. II, статьи **Грацианского:** 1) «Феодализм в Западной Европе», § 6. 2) «Разложение феодального строя». «Развитие городов», §§ 1, 2, 3, 4, 7.
8. **Белов.** «Городской строй средних веков».

V. Крестьянские войны.

9. **Энгельс.** «Крестьянская война».
10. **Каутский.** «Предшественники новейшего социализма» (исключая ст. Бернштейна об английской революции).

VI. Буржуазные революции.

11. **Конради.** «Истор. револ.», т. I.

VII. Возникновение капитализма.

12. **Манту.** «Промышленная революция XVIII века», ч. II, гл. I, II, III, IV, ч. III, гл. II и III.

VIII. 48-й год.

13. **Ренар.** «48-й год», ч. I.

IX Коммуна.

14. **Лукин.** «Коммуна».

Кроме того, необходимо ознакомление с классическими историческими работами: 1. **Токвиль.** «Старый порядок и революция». 2. **Фюстель де-Куланж.** «Колонат».

Для естественников по истории Запада требуется знание следующей литературы:

1. **Кулишер.** «Промышленность и рабочий класс».
2. **Моносов.** «История революционных движений».
3. **Арк. А—н.** «История рабочего движения» (сокращен.).

V. Программа и литература по литературному отделению.

Кроме общих требований, пред'являемых к поступающим по политэкономии, экономполитике, истории, истории партии и философии, от поступающих на литературное отделение требуется: 1) знакомство с историей русской и западной литературы в об'еме курса литературного отделения педфака; 2) знание основных проблем марксистской методологии в литературоведении и 3) знакомство с основными направлениями современной русской и мировой художественной литературы.

При этом требуется знание следующей литературы:

1. **Белинский.** а) Обозрение русской литературы 46 и 47 гг. б) Статьи о Пушкине.
2. **Чернышевский.** а) «Очерк гоголевского периода русской литературы», б) «Эстетические отношения искусства к действительности».
3. **Плеханов.** Том IV, V, X и XIV — статьи по литературе, критике и искусству, в частности о Белинском и Чернышевском.
4. **Плеханов.** «История русской общественной мысли», т. I—IV.
5. **Меринг.** «Мировая литература и пролетариат».
6. **Переверзев.** «Достоевский». «Творчество Гоголя», Статьи о Гончарове («Печать и Революция». 1923 год, №№ 1 и 2. «Вестник Соцакадемии» № 5, 1923 г.).
7. **Ленин.** «Статьи о Толстом» (отдельное издание).
8. **Воровский.** «Литературные очерки».
9. **Тэн.** «Чтения об искусстве».

VI. Естественное отделение.

Кроме общих требований, пред'являемых по политэкономии, экономполитике, истории, философии, от поступающих на естественное отделение требуется:

Для естественников всех специальностей:

1. **М. Планк.** «Физ. очерки», ГИЗ. Первые две статьи.
2. **Сведберг.** «Материя».
3. **Тимирязев.** «Исторический метод в биологии».

Для физиков, химиков и др. специальностей точного естествознания:

1. **М. Планк.** «Физ. очерки», ГИЗ.
2. **М. Планк.** «Физическая закономерность».
3. **М. Смолуховский.** «О понятии случайности и происхождении законов вероятности в физике». (Для химиков не обязательно).
4. **Иордан.** «Статистика и вероятность» (2, 3, 4 статьи в журнале «Успехи физических наук» за 1926, 7, 8 гг.). (Для химиков не обязательно).
5. **Планк.** «От относительного к абсолютному» (статьи в «Под Знаменем Марксизма» за 1925 г.).
6. **«Философия науки».** Сборник. Физика, ч. I и II, изд. ГИЗ, под ред. А. Тимирязева.
7. **Сведберг.** «Вырождение энергии».
8. **Брагг.** «О природе вещей».

Для биологов и медиков:

1. **Дриш.** «Витализм, его история и система».
2. **Леб.** «Организм, как целое», изд. ГИЗ. Серия «Соврем. пробл. естествознания».
3. **Павлов.** «Двадцатилетний опыт».
4. **«Философия науки»**, сборник под ред. Завадовского.

VII. Программа по теории права и государства для поступающих на правовое отделение.

Общая часть.

а) Право.

I. Право и классовое общество. Право, как форма господства. Право, как форма, порождаемая разделением труда и обменом.

II. Обычай и право. Зачатки права у первобытных народов. Возникновение и эволюция института частной собственности.

III. Право и экономика. Базис и правовая надстройка. Право, как отношение, норма и идеология.

IV. Основные подразделения права (право в суб'ективном смысле и право в об'ективном смысле, право публичное и право частное и т. д.). Смысл этих подразделений и их критика с марксистской точки зрения.

V. Основные воззрения на право. Теория естественного права. Историческая школа. Теория Иеринга. Юридическо-догматический позитивизм. Психологическая школа права.

VI. Марксистская теория права.

VII. Источники права в техническом смысле: обычай, закон, прецедент. Применение права. Истолкование норм права.

VIII. Право в переходный период.

б) Государство.

IX. Происхождение государства. Распад родового общества. Государство и класс.

X. Государство, как организация классового господства.

XI. Типы государств: античное государство, феодальное государство, сословная монархия, буржуазное государство.

XII. Формы правления: абсолютизм, конституционная монархия, республика. Дуалистические парламентарные государства.

XIII. Причины развития и упадка парламентаризма. Буржуазное государство в эпоху империализма.

XIV. Учение Маркса и Ленина о диктатуре пролетариата. Задача пролетарской революции по отношению к буржуазному государству. Государство пролетариата. Анархисты и марксисты по вопросу о государстве.

XV. Отмирание государства.

Специальная часть.

I. Государственное право СССР. Декларация прав трудящихся. Организация центральной и местной власти. Система выборов СССР и его органы.

II. Уголовное право и классовое общество. Уголовная политика советской власти. Наказания и меры социальной защиты. Отличительные черты нашего уголовного кодекса.

III. Гражданское право. Основные политические черты нашего Г. К. Ограничение «частно-правовой автономии». Защита интересов трудящихся советского государства. Основные начала вещного обязательственного и наследственного права по Г. К.

IV. Трудовое право. Кодекс законов о труде. Порядок найма и привлечения к труду. Коллективные договора. Профессиональные союзы и их роль. Социальное страхование.

V. Земельное право. Источники земельного права. Порядок землепользования. Суб'екты землепользования. Двор.

VI. Судоустройство и судебный процесс. Система судебных учреждений. Подсудность. Порядок обжалования. Основные начала нашего уголовного и гражданского процессуальных кодексов.

Литература по теории права и государства.

Кроме литературы, обязательной для поступающих на правовое отделение по другим дисциплинам, а также литературы по общей теории права и государства, указанной в разделе «Исторический материализм», дополнительно требуется:

1. **Стучка.** «Революционная роль права и государства».
2. **Стучка.** «Курс советского гражданского права», т. I.
3. **Гойхбарг.** «Хозяйственное право», т. I.
4. **Марнер.** «Социальные функции правовых институтов».

Кроме того, требуется основательное знакомство с конституциями СССР и союзных государств и общее знакомство с основными кодексами (Гражд., Угол., Труд.). Необходимо также знакомство с курсом какого-нибудь из буржуазных государствоведов (например, Гумплович, Коршунов или Шершеневич) и с политическим строем важнейших буржуазных государств (Англии, Франции, Германии, С.-А. С. Ш.).

Правление Института Красной Профессуры.

Редакция: **В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.**